

СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ В
СИНТАГМАТИКЕ

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра иностранных языков

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СИНТАГМАТИКЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1984

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СИНТАГМАТИКЕ

Семантическая интеграция в синтагматике: Сборник научных трудов /Отв.ред. В.И.Агамджанова. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1984. - 175 с.

На материале германских и романских языков в сборнике исследуется широкий круг проблем семантического взаимопроникновения языковых единиц /грамматических, лексических, фразеологических, включая вопросы классификации и диахронии/, вступивших в синтагматические соотношения. Рассматриваются вопросы структуры значения, соотношения лингвистических и экстралингвистических компонентов, взаимозависимости разных типов и уровней семантики, а также моделирование семантических категорий, семантического механизма фразеологических словосочетаний. Сборник содержит также статьи, посвященные изучению функционирования языковых явлений в свете активно разрабатываемой в настоящее время теории речевого акта; исследованию типологии языковых значений и их реализации в речи; описанию лингвистических свойств целостного текста и текстообразующей роли грамматических категорий, конструкций и стилистических средств.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов.
Список лит. - 162 библиогр. назв.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Агамджанова В.И. /отв. редактор/.

Озолинь О.Л. /зам.отв.редактора/.

Бейкова Э.М., Кольбацкая В.Э.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ЛГУ им. П.Стучки

С 70101-046у 84.84.4602000000
МВ12(II)-84

С Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки, 1984

В.И. Агаджанова

ПРОЦЕДУРА ЗАПОЛНЕНИЯ ПРОПУСКОВ В ТЕКСТЕ
КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ
ФУНКЦИИ КОНТЕКСТА

Принято считать, что cloze-procedure - процедура заполнения пропусков - была введена Тейлором и предназначалась для измерения читабельности текста. Тейлор определяет "cloze unit" как любую попытку точно, с опорой на контекст, воспроизвести элемент, пропущенный в сообщении /1, с.416/. Тейлор считал читабельность и понятность текста синонимическими терминами. Его cloze test 1957 года включал 8 отрывков с десятью пропусками в каждом /2/. Интерпретаторы cloze procedure Тейлора специально занимались проблемой количества и последовательности пропусков в отрывке текста. Сам Тейлор считал, что для установления читабельности отрывков текста должен содержать более 16 пропусков. Бормут ввел тест с пропуском каждого пятого слова с таким расчетом, чтобы каждое слово в отрывке, состоящем из 250 слов, могло оказаться в позиции пропуска /3/. Процедура заполнения пропуска, предложенная Бормутом, в настоящее время дополняется следующим ограничением: ритмичные пропуски каждого N-го слова начинаются со 2-го предложения текста и заканчиваются на предпоследнем предложении с тем, чтобы обеспечить определенную очерченность контекста /4, с.30/. Изучая грамматическую и лексическую предсказуемость Филленбаум, Джонс, Рапарт пытались определить стандартную частоту пропусков. В зависимости от задачи эксперимента они пропускали каждое второе, третье, четвертое, пятое и шестое слово и высказали предположение о том, что увеличение расстояния между пропусками до одиннадцатого, то есть пропуск каждого одиннадцатого слова, обеспечивает условия заполнения всех пропусков /5/.

По свидетельству Вильямсона, в американских исследованиях процедуры заполнения пропусков широкое распространение получили два вида пропусков: лексические и

структурные. В первом случае пропускается каждое N -ое существительное, глагол, прилагательное, а во втором - каждое N -ое структурное слово /6, с.21/.

Процедура заполнения пропусков в тексте моделирует понимание при чтении с ограниченным запасом слов читающего и является эффективным приемом обучающего контроля знания слов и их формально-грамматических характеристик, знание синтаксиса словосочетания, предложения и текста.

Восстановление отсутствующего слова по контексту осуществляется, если читающий умеет определять основную тематическую направленность текста; следить за логикой изложения; определять семантику лексико-синтаксической модели, которая реализуется в предложении, содержащем недостающее слово; определять характер синтаксических и семантических связей восстанавливаемого слова с его непосредственным окружением.

Заполнение пропуска - это всегда содержательная коммуникативно-поисковая задача, т.е. совокупность цели и условий /данных/, необходимых для достижения цели. Задача - это "цель, данная в определенных условиях" /7, с.232/. При заполнении пропуска определение семантики недостающего слова является целью, а условием - контекст. Решение указанной задачи - это всегда аналитико-синтетическая деятельность, движение к новому знанию на основе имеющихся данных, выявление семантики неизвестного слова на основе свидетельств, зафиксированных в контексте.

Но весь огромный обучающий потенциал процедуры заполнения пропусков в тексте может быть реализован только в том случае, если каждый пропуск является осуществимой задачей, иными словами, контекст содержит достаточно сведений для получения ожидаемого семантического результата, а контекстные условия при этом не упрощаются и не подгоняются под условия задачи.

Однако анализ опыта использования процедуры заполнения пропуска каждого N -ого слова для контроля пони-

мания при чтении показывает несовершенство данной процедуры по двум причинам.

Первая причина заключается в том, что лексика, использованная для создания текста, отличается по степени контекстуальной зависимости и по возможности контекстуальной воспроизводимости, а при пропуске каждого N-ого слова реальные восстановительные возможности контекста не учитываются, что может привести и часто приводит к невыполнимым заданиям [9].

Вторую причину несовершенности *сloze procedure* с пропуском каждого N-ого слова мы усматриваем в искусственности текстов. В тех случаях, когда пропуски хорошо "работают", и каждое N-ное пропущенное слово восстанавливается, тексты пишутся специально или подгоняются под цель. Но упрощенный или искусственно созданный текст не моделирует те реальные речевые условия, в которых должен действовать читатель, чей словарь ограничен.

Известно, что исходным мотивом прочтения текста для специалиста является его содержание, и какими бы сложными не оказались лексика и синтаксис источника информации, они не могут остановить читающего. Следовательно, обучение бессловарному чтению и проверка понимания при чтении с использованием *сloze procedure* должны быть максимально приближены к реальным речевым условиям и протекать в условиях аутентичного текста, а пропуски должны ставиться там, где это позволяет контекст.

Для того, чтобы реализовать весь воспитательный и обучающий потенциал *сloze procedure* и превратить заполнение каждого пропуска в аутентичном тексте в управляемую содержательную коммуникативно-поисковую задачу, целью которой является восстановление тех элементов лексического значения пропущенного слова, которые предусмотрены контекстом, необходимо картографирование — эксплицитное предъявление восстановительных возможностей контекста и прогноз вариантов заполнения пропуска. Подобный прогноз возможен на основе теории семантической итеративности в контексте.

Карта прогноза восстанавливаемости пропуска содержит следующую информацию:

- контекстуальное значение ядра - слова, вычеркнутого в тексте для последующего воспроизведения. Лексическое значение ядра представляется как перечень иерархически упорядоченных семантических признаков;
- перечень итеративных семантических признаков восстанавливаемого ядра;
- перечень формальных средств, воспроизводящих данный итеративный признак в составе ядра;
- прогноз уровня восстанавливаемости ядра.

Приведем пример карты контекстуальной воспроизводимости семантических признаков восстанавливаемого лексического значения слова:

In nearly all the homes, water ... down the walls with every shower of rain. (Morning Star).

Восстанавливаемое ядро	Контекстуальное значение ядра	Итеративные признаки в составе ядра	Формальные средства выражения итеративных признаков
V. -	движение;	движение;	water - производитель движения
	жидкости;	жидкость;	water - shower - жидкость rain -
	в определенном направлении	определенное направление	wall - направление down - движения

Прогноз восстановимости ядра: воспроизводимость семантических признаков полная; восстановление однозначное.

Приведенная карта свидетельствует о том, что признак "движение" воспроизводится дважды: в глаголе run и

существительном water ; признак "жидкость" - четыре раза: в глаголе run , существительных water , shower , rain ; признак "определенное направление" воспроизводится три раза: в глаголе run , в предлоге down , в существительном wall . Однозначное восстановление run предопределено контекстными восприятием всеми семантическими признаками, составляющими содержание глагола run.

Изучение семантической итеративности в контексте показывает, что восстановительные возможности контекста прямо пропорциональны составу итеративных признаков ядра /восстанавливаемого значения/ и восстанавливающего мнимума.

Состав признаков, продублированных в контексте восстанавливаемого ядра, может включать семантические признаки всех уровней абстракции: категориальные, дифференциальные, интегральные.

Пробел, восстанавливаемый на уровне категориального семантического признака, заполняется лексико-грамматическим классом слов. Пробел, восстанавливаемый на уровне дифференциального признака, заполняется лексико-тематической группой слов внутри данного лексико-грамматического класса слов. Пробел, восстанавливаемый на уровне интегральных признаков, заполняется однозначно, одним словом.

Такие контекстуальные факторы, как импликации заглавия, ограничения, накладываемые тематикой куска текста, семантика лексико-синтаксических моделей предложения и слов их заполняющих взаимодействуют в создании восстановительных возможностей контекста. Ни один из указанных факторов не действует обособленно, однако роль каждого из них в количественном и качественном наращивании признаков, повторяющихся в восстанавливаемом слове и его контексте, зависит от индивидуальных речевых условий /10/.

Мотивом, побудившим нас написать данную статью, явилась потребность подчеркнуть важность контекстологической интерпретации процедуры заполнения пропусков; показать значение семантической итеративности как факто-

ра, обеспечивающего возможность заполнения семантических лагун, возникающих при недостающих с точки зрения реципиента элементах речевого сообщения. Формальный подход к процедуре запоминания пропуска, игнорирование объективных возможностей, заложенных в тексте и контексте, как языковых реальностей приводит к дискредитации этого эффективного способа устранения пробелов в тексте и проверки понимания при чтении.

Литература

1. Taylor W.L. Cloze Procedure: A New Tool for Measuring Readability. *Journalism Quarterly*, Vol.30, 1953, pp.414-438.
2. Taylor W.L. Cloze Readability Scores as Indices of Individual Differences in Comprehension and Aptitude. - *Journal of Applied Psychology*, Vol.91, 1957.
3. Hornuth John R. Experimental Application of Cloze Tests. *Proceedings of the International Reading Association Conference*, Newark, Delaware, 1964.
4. Ср.: Stansfield Ch., Hanson J. Field Dependence - Independence as a Variable in Second Language Cloze Test Performance. *Tesol Quarterly*, Vol.17, No.1, March 1983.
5. Fillenbaum S., Jones L.V., Rapaport A. The Predictability of Words and Their Grammatical Classes as a Function of Rate of Deletion from a Speech Transcript. - *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, Vol.11, 1963.
6. Williamson J.E. Context Clues used by Sixth Grade Readers of Expository and Narrative Discourse. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Department of Reading for the Degree of Doctor of Education. The University of Arizona, 1972.
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М., 1959. - 495 с.
8. См.: Agamdzanova V. Improve Your Reading. - Riga, 1965. - 200 с.

9. Сравни задание: "Simply insert one appropriate word in each space.

Vera screamed. She screamed and screamed ... of the utmost terror-..., desperate cries for help. ... did not hear the ... from below, of a ... being overturned, of a ... opening, of men's feet ... upon the stairs. She ... conscious only of supreme... . Then, restoring her sanity, light flickered in the doorway - candles - men hurry into the room".

Quigley Marion R. Creative Cloze: From Word Cluster to Summary. The English Quarterly, 1983, p.25.

Ни один из 25 опрошенных не мог заполнить первые два пропуска в приведенном задании.

10. Подробнее: Агамджанова В.И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова. - Рига, 1977.-128 с.

Э.М. Байкова

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ СО ЗНАЧЕНИЕМ
УВЕРЕННОСТИ (ПОДТВЕРЖДЕНИЯ) В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Модальность присуща каждому высказыванию, как письменному, так и устному. Модальность в настоящей работе понимается как отношение говорящего к содержанию высказывания. Изучение отношения содержания высказывания к действительности, есть, по-видимому, область логики.

Модальность, как явление лингвистическое, может быть описана как с позиции семантики, так и с позиций грамматики, с помощью формальных средств, благодаря которым реализуется то или иное модальное значение.

Модальное значение понимается как коммуникативная установка, описанная средствами естественного языка.

Оба описания модальности, как семантическое, так и грамматическое, одинаково интересны и нужны.

Семантических разновидностей модальных значений (то есть видов коммуникативных заданий) очень много — и вряд ли их можно классифицировать по какому-то одному основанию. Среди коммуникативных заданий, которые ставит себе говорящий (пишущий), есть задания грамматикализованные в английском, русском, латышском и других индо-европейских языках, такие как сообщение о том, что говорящий считает что-то реальным безусловно, считает что-то желательным, реальным или нереальным при каком-то условии и т.д. Наряду с этим имеются модальные значения, которые грамматикализованы только в отдельных языках. Например, в латышском языке имеется специальное наклонение, пересказочное, которое употребляется, когда говорящий хочет сообщить, что сам он не имел возможности убедиться в справедливости сообщаемых им фактов и пользуется сведениями, полученными от других [I]. В русском языке этому наклонению соответствует модальная рамка: "Говорят, что ...".

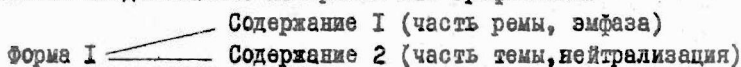
Модальность со значением уверенности (подтверждения) является частным случаем модальности реальности. Основная коммуникативная задача повествовательного утвердительного предложения в изъявительном наклонении состоит в сообщении того, что говорящий не сомневается в достоверности передаваемой им информации. Для выражения этой модальности достаточно в конце такого предложения поставить точку (имеется в виду изолированное предложение). В устном сообщении высказывание имеет соответствующий интонационный рисунок, имеющий варианты в зависимости от языка, но, как правило, сопровождающийся понижением голоса в конце высказывания с последующей паузой.

Если утвердительное предложение уже несет в себе модальность уверенности, то дополнительные средства ее выражения, кроме описанных выше (точка, интонация), иногда считают избыточными, плеонастическими [2]. На деле это не так. Помимо того, что избыточность в естественных языках обеспечивает большую надежность передачи информации (помехоустойчивость), она также является резервом для передачи смысловых нюансов. В рассматриваемом нами случае присутствие в предложении дополнительных средств передачи модальности уверенности (подтверждения), таких как лексико-семантическое поле (ЛСП) модальных наречий, объединенных в английском языке значением *certainly*, может вносить либо дополнительный логический акцент, эмфазу, либо указывать на нейтрализацию значения уверенности. Последнее особенно важно, так как эмфаза, как будет показано ниже, может быть выражена другими средствами; а для явления нейтрализации необходима форма, обычно ассоциируемая с тем значением, которое подвергается нейтрализации. Модальные наречия и их функциональные эквиваленты, принадлежащие к указанному полю, в предложении употребляются в функции модальной парентезы, примыкающей к тому предложению, с которым она соотносена в пре- или постпозиции относительно этого предложения, либо инкорпорированной, внад-

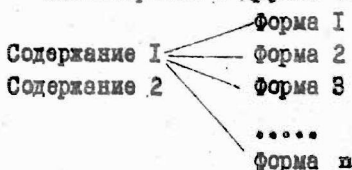
ренной в предложении (простое или ядерное): Pr(S) - модальная парентеза в препозиции относительно предложения, Post(S) - модальная парентеза в постпозиции относительно предложения, Pr(P) - модальная парентеза в препозиции относительно сказуемого, I(P) - модальная парентеза в интерпозиции относительно сказуемого [3].

Эта модальная рамка, находясь в рематической части высказывания, приобретает значение эмфазы [4], которую мы в данном контексте рассматриваем как разновидность модального значения уверенности (подтверждения). Попадая в тематическую часть высказывания, данная модальная рамка может передавать значение общезвестности, банальности сообщаемой информации.

Таким образом, рассмотренная модальная рамка семантически неоднозначна. Изобразим это графически:

Ассиметрично и другое отношение:

Проявление этого хорошо известного закона ассиметрии языкового знака можно проследить при сравнении текстов на двух языках. Один из текстов рассматривается как оригинал, другой - как перевод. В качестве оригинала был взят текст романа Дж.Сэлинджера "Над пропастью во ржи" [5]. Текст был сопоставлен с его переводом на латышский язык [6]. Основанием для сравнения послужили ранее выделенные лексико-семантические поля модальных наречий со значением уверенности (подтверждения), объединенные значением *certainly-tiešām*. В латышском языке в это ЛСП вошло 34 лексические единицы: *patiešām*, *tiešām*, *nudien un citi*, В английском - 27 лексических единиц: *assuredly*, *no doubt*, *doubtless*, *unquestionably* etc .

Но в обследованных текстах размеры использованных ЛСП значительно меньше: в тексте оригинала в него вошло 6 МЛЕ, в тексте перевода - 12.

Первоначальная цель сопоставления текстов состояла в том, чтобы проследить, какими средствами передается при переводе на латышский язык модальность со значением уверенности (подтверждения), выраженная в английском языке с помощью вышеописанной модальной рамки в ее четырех вариантах. Однако полученные результаты заставили изменить направленность исследования.

Были учтены все случаи употребления лексических единиц указанного ряда в функции модальной парентезы в тексте оригинала. Независимо от текста оригинала был обследован текст перевода и учтены все случаи употребления лексических единиц, входящих в лексико-семантическое поле, объединенное значением tiešām.

При сопоставлении полученных данных было использовано понятие множества. Множество лексических единиц, входящих в ЛСП, объединенное модальным значением уверенности (подтверждения) в английском языке, обозначим через А; аналогичное множество в латышском языке обозначим через В. Теоретически между ними возможны следующие соответствия:

$$A = B$$

$$A = \text{не-}B$$

$$\text{не-}A = B$$

$\text{не-}A = \text{не-}B$, где знаку " = " приписывается значение "имеется соответствие каких-то элементов указанных множеств". Из четырех вышеперечисленных соответствий для нас представляют интерес только первые три. Все три типа интересующих нас соответствий были обнаружены при сопоставлении собранного материала.

Рассмотрим первый тип соответствия: $A = B$.

А		В	
Элементы множества А, использованные в оригинале	Сколько раз использован каждый элемент	Элементы множества В, использованные в переводе	Сколько раз использован каждый элемент
1	2	3	4
1. really	78	goda vārds	19
		patiešām	37
		nudien	16
		tik tiešām	1
		patiesi	12
		patiesībā	2
		no tiesas	1
2. sure	12	zināms	1
		noteikti	4
		skaidrs	4
		protams	3
3. certainly	22	noteikti	4
		protams	3
		zināms	1
		patiesi	1
		no tiesas	1
		nudien	2
		patiešām	10
4. of course	4	zināms	1
		protams	3
5. doubtless	1	neapšaubami	1

Итак, соответствие типа А = В реализовано в 107 случаях. Здесь следует отметить, с нашей точки зрения, существенный факт: автор обходится всего шестью лексическими единицами, принадлежащими к указанному полю, в то время как переводчик использует ЛСП в два раза превышающее по длине - 12 лексических единиц. И второе обстоятельство, которое привлекает внимание, это то,

что одна и та же лексическая единица, например, *really*, переведена 7-ью разными лексическими единицами. Здесь существуют две возможности. Первая: все использованные лексические единицы являются синонимами, поэтому их взаимозамена явление закономерное. Вторая: отбор ЛМЕ и их использование подчинены у автора определенному художественному замыслу, поэтому при переводе художественного текста было бы целесообразно, обратив внимание на скупость изобразительности средств и в этом отношении приблизить перевод к оригиналу насколько это возможно. То что этот лексический пласт в художественном произведении может быть информативно нагруженным, показано в специальном исследовании [7].

При рассмотрении двух других типов соответствия: $A = \text{не-}B$ и $\text{не-}A = B$, мы исходим из допущения, что модальность текста в оригинале и в переводе адекватна. Исходя из этого допущения мы делаем вывод, что несмотря на отсутствие в тексте перевода лексических единиц, принадлежащих ЛСП, объединенному модальным значением уверенности (подтверждения), модальность уверенности в тексте перевода присутствует, но передана другими средствами. То же самое справедливо и в противоположном случае, когда имеется соответствие $\text{не-}A = B$.

Наличие соответствия $\text{не-}A = B$ означает, что лексические единицы, принадлежащие множеству B , использованы в переводе в ряде случаев, когда в тексте оригинала не используются лексические единицы, принадлежащие множеству A . Эти случаи поддаются классификации.

В тексте оригинала имелось наречие, семантически близкое выделенному в английском языке ЛСП, объединенному модальным значением уверенности (подтверждения), такое как *practically, frankly, naturally*:

(1) I didn't say anything though. naturally. All I said was English was my best subject. p. 122.

Protams, es neko tamlīd-zīgu nejautāju. Es tikai sacīju, ka angļu literatūra ir mans mīļākais priekšmets. IO7,1pp.

- (2) "Frankly, I don't know what the hell to say to you, Holden." p. 189. - Es patiešām nezinu, ko lai tev saka, Holden. 171.lpp.

В тексте оригинала использован глагол, в своей семантике уже содержащий семантический компонент со значением уверенности (подтверждения), такой как to mean в значении "говорить всерьез", to swear (to God), to admit:

- (3) She acted like she felt sorry for him or something, and she wasn't just putting it on. She meant it. p. 144. Skita, ka Džeinei viņa pat žēl un ka tā nav izlikšanās. Viņa patiešām ta domāja. 128.lpp.
- (4) I never waited so long for an elevator in my whole goddam life. I swear. p.195. Nekad visā savā mūžā nebiju tik ilgi gaidījis liftu. Goda vārds: 177.lpp.

В тексте оригинала есть сленговые выражения, со значением эмфазы, утверждения или подтверждения, такие как boy ,God , for God's sake, no kidding:

- (5) I put my hand on his shoulder. Boy, he amused me. p. 155. Es uzliku roku viņam uz pleca. Nudien, viņš mani vaismīdināja. 139.lpp.
- (6) "I'm lonesome as hell. No kidding." p. 156. - Es jūtos šausmīgi vienušķ. Bez jokiem. p. 139.lpp.

В тексте оригинала имеется глагол - заместитель сказуемого, который всегда несет логическое ударение. В этой функции могут, как презило, употребляться все вспомогательные глаголы, но в данном случае встретились to do и to be :

- (7) I told him. I liked Ring Lardner and "The Great Gatsby" and all. I did, too p. 149. Es teicu - kā tad es protu novertēt Ringu Lardneru un "Lielo Getsbiju. Es patiešām protu. 133.lpp.

- (8) "listen, Caulfield. Are you calling me a crook?"
Then, instead of saying,
"You're goddam right I am,
you dirty crooked bastard!
"all I probably would've
said would be ... p. 104.
- "Paklau, Kolffid. Vai tu nosauci mani par blēdi?"
Nu, t a d e s neteiktu vis:
"Tik tiešām nosaucu, tu netīrais, nekrietnais nagu palaidēj:" -
bet atbildētu... 88-89.lpp.

В тексте оригинала логическое ударение падает на вспомогательный глагол в аналитически оформленном сказуемом:

(9) I was getting excited
and I was talking a
little too loud. p. 154.

Biju uztraucies un pa-
tiešām runāju maz-
liet par skaļu. 137.lpp.

(10) She was still sort of
crying, and all of a sudden
I did feel sort of sorry
I'd said it. p. 143.

Vīpa aizvien vēl raudāja,
un piepeši man no
tiesas sametās žēl,
ka esmu t ā izrunāj-
ies. 127.lpp.

В тексте оригинала имеется имя прилагательное или наречие, входящее в группу сказуемого, и использованное эмфатически:

(11) She is a true madman
sometimes. p. 170.

Dažreiz viņa patiešām
izturas kā negudra.
153.lpp.

(12) She was a pretty
spooky kid. Even with
that little bitty voice
she had, she could sort of
scare you a little bit.
pp. III-II2.

Patiešām baigais skuķis.
Pat ar visu smalko
balstiņu viņa bija
baismīga. 96.lpp.

И наконец, в тексте оригинала имеется повествовательное утвердительное предложение, которое уже содержит в себе модальное значение уверенности. В тексте перевода это модальное значение эксплицировано.

(13) "...Did you get my letter? I wrote you a five-page--"

- Vai saņēmi manu vēstuli? Es tev aizrakstīju piecas lappuses garu...

.....

"Yeah - not so loud. Thanks". She wrote me this letter. p. 167.

Viņa patiesi man atrakstīja tādu vēstuli. 150.lpp.

Таким образом, выражение модального значения уверенности подтверждения в английском языке может быть передано не только с помощью лексических единиц, входящих в ЛСП, объединенное модальным значением уверенности (подтверждения), представленных модальными наречиями ряда *certainly* или их функциональными эквивалентами, но также другими лексико-синтаксическими средствами, образующими поле более сложного типа, в которое войдут все вышеперечисленные средства.

Наличие в языке вышеупомянутых возможностей выражения модального значения уверенности (подтверждения) объясняет тот факт, что размеры указанного ЛСП, используемого разными авторами очень различны. При такой же или несколько меньшей длине текста как у Дж. Сэлинджера (73 тыс., с/у) другие авторы используют гораздо больше модальных лексических единиц: М. Спарк - 12 (при длине текста в 78 тыс с/у), у Дж. Уиндхэма находим ЛСП из 14 МЛЕ (при длине текста в 78 тыс. с/у), у И. Во - 9 (при длине текста в 70 тыс. с/у).

Последнее соответствие, типа А = не-В, описывать подробно не будем, так как это не входит в задачи настоящей работы. Однако и там наблюдаются аналогичные явления: лексическим единицам из множества А соответствует прилагательные или наречия, входящие в состав группы сказуемого и использованные усилительно. Это такие лексические единицы, как *taču*, *īste*, *navīgi*, *ārķartīgi*, *ļoti*, *gan*, либо другие выражения со значением эмфазы: *o jā*, *neapvīsam nav*, *droši vien*.

Литература

1. Mūsdienu Latviešu literārās valodas grammatika. - R.: LPSR ZA, 1959, I. sēj.-624.lpp.
2. Миревич А. Основные функции частиц в современном русском языке. - В кн.: Лексикографический сборник.- М.: АН СССР ОЛЯ, 1962, вып. 5, с. 104-111.
3. Байкова Э.М. Выделение синонимического ряда лексических единиц с модальным значением уверенности/подтверждения на основе семантического и функционального анализа. - В кн.: Синтагматическая обусловленность лексической семантики.-Рига, 1980, с.18-36.
4. Эмфаза понимается как способ интенсификации, см.: Quirk R. et al. A University Grammar of English. - М. : Высшая школа, 1982, pp. 195-197.
5. Salinger J.D. The catcher in the rye. - М.: Progress Publishers, 1968.-247 pp.
6. Selindžers Dž.D. Uz kraujas rudzu laukā. - R.:Liesma, 1969.-339 lpp.
7. Байкова Э.М. Варианты лексико-семантического поля, объединенного модальным значением уверенности/подтверждения, определяемые функциональным и авторским стилем речи в современном английском языке. - В кн.: Контекстуальная семантика.-Рига, 1982, с.10-14.

О ДИАЛЕКТИКЕ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО

В КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ

Категории объективного и субъективного соотносятся между собой как противоположности, находящиеся в единстве. В "Философских тетрадах" В.И. Ленин обращает внимание на следующее положение Гегеля: "Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны". [1, с.166]. По отношению к языку это положение справедливо в силу самой природы языка: он "насквозь субъективен как атрибут человеческой природы" [2, с.52] и в то же время объективен, как объективен сам человек, окружающая его действительность, которую отражает язык, и материальная звуковая субстанция, в которой язык воплощается. В речи говорящего отражается одновременно объективная реальность и его собственное восприятие этой реальности, поэтому "в действительности... между объективным и субъективным существует взаимопроникновение и взаимопереходы" [3, с.16].

Материал старофранцузского языка дает яркие примеры, подтверждающие это положение.

Известно, что на всех этапах развития латинского и старофранцузского языков степени сравнения могли иметь элативные значения [4, с.130]. Для старофранцузского языка весьма характерны гиперболические конструкции двух основных типов: с эталоном качества и отрицательные, сравнительные по форме, но элативные по своему значению, например: *Siet el cheval que il cleimet Marmorie Plus est isnels que n'est eisels ki volet* [1573 Rol.] 'Садится на коня, которого он зовет Мармори, Он быстрее летящей птицы'; ...*ele estoit au mien exsiant Plus bele que nule deesse* [2366. Yvain] 'Она была, насколько я знаю, прекраснее любой богини'. Элативный характер подобных конструкций обусловлен тем, что признак предмета срав-

издается с эталоном качества, немного превышающим норму — быстрее десятилетия итды, прекраснее богини.

Эти конструкции выражают субъективную оценку говорящего, которая проявляется в выборе эталона сравнения в самой гиперболизации сравнения, причем в тексте часто имеется указание на то, что данное высказывание представляет собой мнение говорящего (как во втором примере *au lieu exsiant*).

Отрицательные гиперболические конструкции также выражают субъективную оценку предмета со стороны говорящего: *Sire cumrainz ja est mort Hageliens; Nus n'avium plus vaillant chevalier* [1503-4. Rol.] 'Господин, умер Анжелер. У нас не было более храброго рыцаря'.

Чем больше говорящий настаивает на своем мнении, тем более субъективным оно является. Использование различных средств настояния на своем мнении означает, что говорящий испытывает необходимость в таком настоянии, он хочет представить свое собственное мнение как объективное. Повествование от I-го лица, употребление прошедших времен глаголов в таких предложениях подчеркивает субъективность высказываний. Такие примеры являются пограничными между элативом, выражающим субъективную оценку, и суперлативом, выражающим суждение, поддающееся объективному определению.

О степени достоверности высказывания можно судить по характеру ограничения совокупности объектов, выражаемого часто обстоятельством места. При этом субъективное мнение, высказанное рассказчиком, может не содержать преувеличения и вполне соответствовать объективной реальности. Сравним следующие примеры: 1) *En nule tere, n'out meillur chevalier* [2214. Rol.] 'Ни в какой стране не было лучшего рыцаря'; 2) *Suz ciel nen ot plus bel dancel* [17 6. M.de France] 'Под небом не было более прекрасного юноши'; 3) *Meillur vassal n'out en la curt de lui* [775. Rol.] 'Лучшего вассала не было при его дворе'; 4) *Devant chevalchet uns Sarrazins, Abimesa, Plus fel de lui n'ont en sa cumrainie* [16 31-2 Vol.] 'Впереди

скачет один из сарацинов, Абим; Более коварного не было в его отряде '.

В первых двух примерах употреблены обстоятельства места *en nule tere, viz ciel*, свидетельствующие о явно преувеличенной оценке, поскольку реально охватить всю землю и всех рыцарей на ней невозможно. Следующие два примера содержат ограничения другого характера — *en la curt de lui, en sa samraigne*. Вполне логично допустить, что мнение рассказчика соответствует объективной действительности, поскольку его суждение охватывает ограниченное число объектов. Оно менее гиперболично и, следовательно, более объективно. Если первые два примера являются бесспорно элативными, два другие могут рассматриваться как суперлативы (по значению).

Таким образом, отрицательные гиперболические конструкции не столь однозначно элативны, как конструкции с эталоном качества.

Среди суперлативных конструкций имеются также такие, которые выражают элативное значение, например: Les plus sages e les plus nobles deit plus honorer. [534. Secrè.] 'Самых мудрых и самых благородных следует больше почитать'; Or est Renart en grant barate, Qui tantes gens a mis en flate Et qui les plus cointes assote [221-3. XV Renart] 'Теперь Ренар, который столько людей обманул и самых умных одурачивает, находится в большом затруднении'. Эти высказывания носят характер сентенций, в которых сравнение универсально (подразумеваются все люди, весь мир и т.п.).

Иногда для подтверждения универсального характера какого-либо свойства употребляются ссылки на известных людей: Bien aragut par Salemon Et par Virgille, ... Par Yerosgas, pas Aristote Amours les plus sages assote [609-612. Vestiaire] 'Стало видно, благодаря Соломону и Вергилию, Гиппократу и Аристотелю, что любовь делает глупыми самых умных людей'.

Основанием сравнения, выражаемого суперлативами *les plus sages, les plus nobles, les plus cointes*, является

некая норма качества, которая может рассматриваться как "фонд общих знаний" собеседников, или пресуппозиция высказывания [5]. На основании этой нормы, существующей лишь в сознании говорящих, сравниваются некоторые люди со всеми остальными, со всем миром. Вследствие этого данные конструкции имеют элативное значение.

Употребление наклонений в придаточном предложении, когда главное содержит суперлатив, в старофранцузском языке также связано с объективным или субъективным характером суждения. Индикатив в придаточном предложении означает полное соответствие выражаемого суждения объективной реальности: *Par grant pechie avons perdu Le meilleur baron que j'avoie [1678-9, XVII Renart]* 'Из-за большой ошибки мы потеряли Лучшего барона, который у меня был'; *Alemans mandet ... e Bretuns De cels de France les plus saives k'i sunt [3701-3 Rol.]* 'Алеманов посылает и бретонцев, Из тех самых мудрых французов, которые там есть'.

В тех случаях, когда придаточное предложение содержит глагол в Subjonctif, его употребление свидетельствует о том, что совокупность сравниваемых объектов воображаемая, предполагаемая. Автор исходит не из объективной реальности, а из воображаемой ситуации, и все сравнение при этом носит субъективно-оценочный характер. Вот наиболее типичные примеры: *Sire, oie, j'en sai con de le plus france creature et de le plus gentil et de le plus sage qui onques fust nee...* [Anc.XI] 'Я знаю о ней, как о самом благородном создании и самом милом и самом разумном, которое когда-либо рождалось'; *Onbre li fet li plus biaux arbres qu'onques poist feire Mature [382-3. Yvain]* 'Тень ему дает самое прекрасное дерево, которое когда-либо могла бы создать природа'.

Субъективный характер оценки в приведенных примерах очевидно влечет за собой употребление Subjonctif, который в старофранцузском языке также служил средством выражения оценки в сложном предложении [6, с.25]. Элатив-

ное значение подтверждается также обстоятельствами места и времени, носящими универсальный характер (Qui onques fust nee; qu'onques poist feire Nature; ke seit en tute medicine).

Итак, алатив постоянно сопутствует степеням сравнения именно в силу того, что между объективным (сравнением) и субъективным не существует непреходимых границ. Возможность алативных (субъективных) значений в степенях сравнения обусловлена самой природой сравнения, поскольку человек может сравнивать реальные качества между собой (степени сравнения), но также и привносить в акт сравнения свое собственное представление о качестве предмета (~ норма), сложившееся в результате опыта.

Сокращения

- Auc. - Aucassin et Nicolette, chantefable du XIII siècle
éditée par M.Roques. Paris, 1936.
- Bestiaire - Le Bestiaire d'amour rimé. Poème inédit du
XIII siècle. Lund, 1941.
- M.de France - Marie de France. Lais, Oxford, 1944.
- Renart - Le Roman de Renart, I, publié par E.Martin.
Strasbourg, 1882.
- Rol. - La Chanson de Roland. Tours, 1845.
- Secré. - Le Secré de Secrez by Pierre d'Abernun of
Fetoham. Oxford, 1944.
- Yvain - Kristian von Troyes. Yvain. Halle, 1905.

Литература

1. Ленин В.И. Философские тетради.-Полное собр.соч., т.29, с. 3-334.
2. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке.-М.:Наука, 1975.-231 с.
3. Чагин Б.А. Субъективный фактор.-М.:Мысль,1968.-218 с.
4. Боголюбова Л.И. О соотношении степеней сравнения и алатива. - Вестник ЛГУ,1978, № 2, с.130 - 134.
5. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике.-Известия АН СССР. Серия языка и литературы.1973, вып.1, с. 84 - 89 .
6. Сабанеева М.К. Проблемы развития наклонений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук.-Ленинград, 1981.

И.Я. Бригана

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ВНУТРЕННИХ СИНТАГМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-НИЖЕНЕМЕЦКОГО
РАЗГОВОРНИКА Т.ФЕННЕ 1607 г.)

Целью настоящей статьи является изучение способов словообразования средненижненемецкого на базе вышеупомянутого разговорника. Обратиться к исследованию словообразования нас побудило то обстоятельство, что этой области до сих пор уделялось меньше внимания, чем другим. Надо отметить и то, что семантические закономерности словообразования нередко сходны с семантическими закономерностями соединения слов в предложении. Как словосочетания, так и сложные или производные слова можно рассматривать как синтагмы, т.е., как бинарные структуры, элементами которых являются соответственно слова или морфемы.

Материалом исследования послужил словарный состав разговорника Т.Фенне, представленный в алфавитной картотеке профессора Ростокского университета им.В.Пика Х.И.Гернентца от буквы А до буквы Е включительно. Обработанный материал включает 573 лексемы, относящиеся ко всем частям речи. Наибольший интерес представляют существительное, прилагательное и глагол, поскольку они часто употребляются в разговорнике и, следовательно, отражают закономерности словообразовательного процесса в средненижненемецком языке.

В. Никеркен [2] отмечает, что в нижненемецком встречаются как производные слова, так и слова, возникшие по типу словосложения. Однако он не занимался конкретными формами существования языка. В нашу задачу входит исследование функционального строя разговорной речи. Мы предполагаем, что изучение языкового материала словника Т.Фенне выявит некоторые различия между письменной и разговорной формами нижненемецкого, с одной стороны, и различия между средненижненемецким и новонижненемецким, с другой стороны.

Анализ лексем показал, что слова, возникшие путем сло-

восложения встречаются нечасто (7 %), хотя словосложение в германских языках, особенно в немецком языке, один из самых распространенных способов словообразования. На наш взгляд, объясняется это тем, что в разговорной речи употребляются, как правило, простые по структуре слова и предложения. Таким образом, материал анализа отражает не периферийные, а центральные, узловые лексические явления и закономерности разговорной речи.

Словосложение типично главным образом для существительных. Все сложные слова являются детерминативными и двусложными. Первым компонентом слова может быть существительное (S), прилагательное (A) или глагольная морфема (V):
S + S, A + S, V + S.

Вслед за авторами "Сравнительной грамматики германских языков" [3, с. II4] первый тип S + S можно обозначать центральной моделью именного словосложения. К этому типу относится большинство сложных слов нашего словарного материала.

Семантическая связь между элементами сложных слов этого типа имеет различный характер, о чем свидетельствуют трансформации сложных слов в словосочетания:

botterblusse - нвн. Butterdose - Dose für die Butter	/назначение/
beddelaken - нвн. Bettlaken - Laken für das Bett	/назначение/
bärenhut - нвн. Bärenhaut - Fell/Haut des Bären	/посессивное отношение/
buckshut - нвн. Bockshaut - Fell/Haut des Bockes	/отношение/
blomenhonich - нвн. Blumenhonig - Honig von Blumen	/отношение происхождения/
beddstede - нвн. Bettstätte - die Stätte des Bettes	/локативное отношение/

Все названные сложные существительные семантически совпадают с соответствующими словосочетаниями. Как отметил Л.В. Щерба, "многие так называемые "сложные слова", ...

являются ... словами лишь по форме, а по существу будут соответствовать тем простейшим единицам речи, которые я называю синтагмами " [4, с.45]. Кроме того, следует отметить, что анализируемые существительные отражают порядок слов, свойственный более ранним периодам развития немецкого языка (дрвн., свн.): родительное определение перед определяемым словом (в отличие от современного немецкого языка) [3, с.III]. В этих примерах лучше всего проявляется сходство синтагматических отношений в словосочетании и в сложном слове.

Следующий тип сложных слов A + S возник в более позднее время [5, с.356], чем тип S + S. В анализируемом нами материале их было обнаружено относительно мало: edelfrau, edelmahn, edelgestein, blankwin, behende meister.

Ограниченное число примеров не позволяет делать общие выводы, можно только отметить следующее: прилагательное edil (дрвн.) - edel(е)(свн.), edel (снн.) означало "из знатного рода, благородный, великолепный". Если в древневерхненемецком встречается словосочетание "edili man", то оно соответствует средненижненемецкому сложному слову "eddelmahn" которое Т.Фенне переводит "боярин". В современном немецком языке слово "Edelmann" означает "дворянин" (аристократ). Словосочетание же "edler Mann" имеет другое значение - душевно богатый, великодушный, благородный человек.

То же самое можно сказать и о сложных словах Blauschimmel (саврасый конь), Blankwin (белое вино), behende meister (мошенник, вор - в переводе Т.Фенне), смысл которых не совпадает с соответствующими словосочетаниями не только в современном немецком языке, но уже в средненижненемецком.

Возможно, что имя прилагательное как более абстрактная часть речи, чем существительное, имеет больше потенциалов для образования сложных слов типа A+S, семантика которых отличается от соответствующих словосочетаний.

Немногочисленны образования модели V + S: bratspēt (нвн. Bratspieß), bernstein (nhd. Bernstein от снн. bernen нвн. brennen), drankgeld

(ивн. Trinkgeld; Trinkgeld geben - дать на чай)

При их анализе выявлены разнообразные семантические отношения между компонентами:

Bratspēt - Spieß zum Braten -назначение
drankgeld - Trinkgeld, Geld, das
urspr. zum Vertrinken
gegeben wurde - назначение
bernstein - Stein, der sich durch
Brennbarkeit auszeich-
net - качество

Различия между смыслом сложного существительного и трансформированным словосочетанием обнаружены не были.

Особую группу среди существительных образуют сложно-производные слова (сращение - Zusammenbildung), где второй компонент отглагольное существительное. Все примеры являются обозначениями профессий: buddelmaker, buntmaker, dachlöner, befehlshebber и др. В отличие от сложных слов второй компонент сложнопроизводных слов обычно не употребляется как самостоятельное слово. Значение суффикса "-er" полностью соответствует суффиксу "-er" в современном немецком языке: он образует существительные, обозначающие лица и профессии. Обозначения приборов с суффиксом "-er", что характерно для современного немецкого языка (Abschneider, Löscher), пока в данном материале обнаружены не были.

Производные слова встречаются среди существительных, приводимых Т.Фенне, редко, что не позволяет нам рассматривать данный способ словообразования как продуктивный. Так, В. Никеркен выявляет 13 словообразовательных суффиксов существительных в новонижнемецком [2, с.85], тогда как в нашем языковом материале есть лишь несколько подобных примеров:

- er - для обозначения субъектов действия, например:
dreger, borger, bettler
- e - brede, borge
- ing - denning
- sche - bolersche, eysensche. В нижнемецком

с помощью этого суффикса образовывали имена собственные женского рода с оттенком презрения.

-schen. Как отмечает В.М. Жирмунский [5, с. 335], суффикс -schen является нижненемецким. В разговорнике есть примеры употребления -schen, что можно рассматривать как следствие влияния верхненижненемецкого: Böckschen /нви. Büchlein/

Таковы суффиксы, с помощью которых образованы существительные в нашем языковом материале. В аспекте семантики суффиксов, а также способов словообразования следует отметить отсутствие каких-либо существенных различий по сравнению с нововерхненемецким и новонижненемецким.

Говоря о способах словообразования прилагательных, важно подчеркнуть единичность слова, образованного по типу словосложения: dustergrün. А.В. Ниркеркен утверждает [2, с. 90], что в нижненемецком сложные прилагательные весьма многочисленны. Нам представляется, что данное утверждение верно только по отношению к языку его носителей. Целью же разговорника Т.Фенне является не отражение языковых тонкостей нижненемецкого, а только тех языковых явлений, которые могли бы помочь осуществить возможность общения русского и немецкого торгового люда.

Производные прилагательные образованы с помощью следующих суффиксов:

- los - bladelos
- haftig - dankhaftig, ernsthaftig
- lich - daslich, eigenwillich, ärlich
- ich - einich

Суффиксы прилагательных так же, как и суффиксы существительных легко соотносятся с нововерхненемецким и новонижненемецким, существенные семантические различия не прослеживаются.

Глагольное словообразование в значительной степени отличается от именного [5, с. 347, с. 350; 6, с. 279]. Префиксация, играющая лишь второстепенную роль в именном словообразовании, становится одним из основных способов образования глаголов.

Как указывает В.М.Жирмунский [5, с.350], глагольные префиксы по своему происхождению являются приглагольными наречиями места. Можно сказать, что префиксы модифицируют глагол. С другой стороны, многие префиксы в предложении семантически совпадают с предлогами или наречиями [3, с.58]. Наиболее продуктивными оказались следующие префиксы:

af - (нвн. ab) - afdecken, afgewinnen, afkopen,
afroemen

be - bedroven, bevallen, begeten, begiftigen, be-
kleden, belachen, bemalen, beruven, bescher-
men, besorgen

Представляется интересным факт возможного совпадения словесных ниш, выделенных Л.Вейсгербером [7, с.130] для нововерхненемецких глаголов с префиксом be- с аналогичными средненижне-немецкими глагольными образованиями. Например, значение снабжения (bekleden, begiftigen, bestuben), значение целенаправленного действия (bedenken, begeten, belachen, bespotten), значение приведения в какое-л. состояние (bedroven).

ent - entbehren, entbrechen, entholden, entlophen

er - ertornen, erwäken, erwarwen

Значения префиксов ent- и er- в этих примерах соответствуют их значениям в нововерхненемецком и новонижне-немецком.

Суффиксация играет в глагольном словообразовании второстепенную роль, что доказывается единственным найденным в нашем языковом материале примером - begiftigen.

Три лексемы подтверждают возможность использования словосложения:

achtberklappen, achtgeben, beleitsagen.

Проведенное исследование позволяет заключить, что способы словообразования и семантика внутренних синтагм в средненижнемецком разговорнике Т.Фенне почти полностью соотносится с нововерхненемецким и новонижне-

мецким. Различия прослеживаются только в фонологическом плане, что обуславливается особенностями звуковой системы нижнемецкого. Особенности же способов словообразования в нижнемецком можно объяснить спецификой и назначением разговорника Г.Фенне.

Литература

1. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian - Pskow, 1607, vol.II. Copenhagen, 1970. - 488 p.
2. Niekerken W. Niederdeutsche Wortbildung. - In: Niederdeutsch. Ein Handbuch zur Pflege der Heimatkunde. - Hannover, 1957, S.84 - 91.
3. Сравнительная грамматика германских языков. М.: Изд.АН СССР, 1963. - Т.3 - 455 с.
4. Л.В.Щерба. Очередные проблемы языковедения. - В кн.: История советского языкознания: Хрестоматия. - М.: Высшая школа, 1981. - 350 с.
5. Жирмунский В.М. История немецкого языка. - М.: Высшая школа, 1965. - 408 с.
6. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. - 327 S.
7. Stepanowa M., Čarnyševa I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. - Moskau: Hochschule, 1975. - 272S.

Л.А. Возняк

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ СВЯЗИ В РЕЧЕВОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Смысловое содержание речевого высказывания воплощается в сложной структуре смысловых категорий и связей. В данной статье мы специально рассмотрим только одну категорию, а именно определительные смысловые связи, характерные для немецкого речевого высказывания.

Для того, чтобы выразить свои мысли в процессе говорения, чтобы быть понятым окружающими, говорящий должен устанавливать в процессе речепорождения определённые смысловые связи. Предметные связи и отношения объективной действительности отражаются в нашем сознании, образуя смысловые связи. Как указывает И.А. Зимняя, "предметом говорения является мысль как отражение в сознании человека связей и отношений реального мира. ...мысль - это установка в языке смысловой связи" [1, с.55].

Э.И. Клычникова рассматривает "речевое сообщение как набор категорий смысловой информации" [2, с.96-97]. Коммуникативные категории смысловой информации объединяются ею для русского языка в четыре большие группы: 1) категориально-познавательные, 2) ситуативно-познавательные, 3) оценочно-эмоциональные и 4) побудительно-волевые.

Элементарным проявлением смысловой связи является межпонятийная связь, а основным типом межпонятийной смысловой связи выступает предикативная связь, которая составляет основу, ядерную модель порождения речевого высказывания. Наряду с предикативной связью в высказывании устанавливаются "объедополнительные" [3, с.56] смысловые связи, которые объединяют дополнительные, определительные и обстоятельственные связи или отношения [3, с.8]. Эти связи раскрывают предикативную смысловую связь более конкретно. Если межпонятийные предикативные связи - это первичные смысловые связи, то объедополнительные смысловые связи образуют "вторичные" смысловые связи, т.е. смысловые связи более высокого уровня. Характерным для определительных смысловых связей является то, что они могут входить в предикативные, допол-

нительные, обстоятельственные связи, образуя смысловые связи ещё более высокого порядка и раскрывая (обозначая) самое конкретное в высказывании. Например, в высказывании:

Am Internationalen Kampf- und Feiertag demonstrieren die werktätigen Menschen für Frieden, soziale Sicherheit und gesellschaftlichen Fortschritt, -
die Menschen demonstrieren - предикативная связь; die werktätigen Menschen demonstrieren - определительная смысловая связь внутри предикативной; am Kampf- und Feiertag - обстоятельственно-временная смысловая связь; am Internationalen Kampf- und Feiertag - определительная смысловая связь внутри обстоятельственно-временной; für Frieden, Sicherheit, Fortschritt - дополнительная смысловая связь, für soziale Sicherheit und gesellschaftlichen Fortschritt - определительная смысловая связь внутри дополнительной.

В высказывании определительные связи могут проявляться по-разному, например: Optimismus und Lebensfreude, Stolz auf die erfolgreiche Bilanz des dreißigjährigen Weges unserer Deutschen Demokratischen Republik (группа подлежащего) kennzeichneten die machtvolle Maidemonstration.

Внутри предикативной связи здесь три определительные смысловые связи: auf die erfolgreiche Bilanz - определительная смысловая связь I-ой степени к слову Stolz; des dreißigjährigen Weges - определительная связь 2-ой степени к существительному Bilanz; unserer Deutschen Demokratischen Republik - определительная связь 3-ей степени к слову Weges.

Внутри данных определительных связей проявляются атрибутивные связи ещё более высокого порядка: erfolgreich, dreißigjährig, deutsch, demokratisch конкретизируют уточняют понятия Bilanz, Weg, Republik. Внутри дополнительной связи "die Maidemonstration" имеется также определительная смысловая связь, выраженная определением machtvoll.

З.И. Клычникова особо выделяет категорию качества, которая выражает размер, объём, форму, вес, состояние, температуру, цвет, материал, принадлежность, происхождение, время, возраст, пространственные отношения, оценочные ка-

чества, духовные свойства, степень ценности, назначение, количество предметов или явлений [4, с. 89]. Поскольку говорящий на любом языке испытывает потребность (необходимость) выразить в своей речи разнообразные вышеперечисленные качества и свойства, то данная категория является универсальной для человеческого мышления и имеет своё выражение в любом языке.

В категории качества необходимо выделять два информационных плана: 1) информационный план, входящий в категориально-познавательную группу, и 2) информационный план, входящий в оценочно-эмоциональную группу. Категория качества категориально-познавательной группы для немецкого языка включает:

- а) категорию физических свойств - это выражение размера, объёма, формы, веса, температуры, цвета, например: das rote Licht, die blaue FDJ-Kleidung, das größte Werk;
- б) категорию материала: eine eiserne Konstruktion;
- в) категорию принадлежности: die norwegische Bevölkerung, ausländische Sportler, das arabische Volk;
- г) категорию происхождения: die sowjetisch-französischen Verhandlungen;
- д) категорию времени: die viertägige Beratung, die späten Abendstunden, das heutige Blatt;
- е) категорию возраста: junge Arbeiter, das dreißigjährige Bestehen der DDR;
- ж) категорию пространственного отношения: der kosmische Raum, die hiesige Bevölkerung;
- з) категорию назначения: eine wissenschaftliche Konferenz, ein medizinisch-biologisches Experiment;
- и) категорию количества: ein umfangreiches Programm, ein geringeres Wachstum;
- к) категорию приобретённых качеств: das gelesene Buch, die geschriebene Übung;
- л) категорию качества по состоянию или по выполняемому действию: der lesende Student, der schreibende Schüler.

Категория качества оценочно-эмоциональной группы включает:

- а) категорию оценочных качеств: ein hervorragendes (bedeut-

sames) Ereignis, diese einzigartige Reise;

б) категорию духовных свойств: eine gutmütige Frau, der leidenschaftliche Appell;

в) категорию степени ценности: eine wichtige Aufgabe, die gegenseitig-nützliche Zusammenarbeit.

В зависимости от коммуникативного намерения говорящего, для выражения физических свойств, внутренних качеств и признаков людей, предметов, явлений действительности, процессов употребляются качественные прилагательные, например: die rote Fahne, ein interessantes Treffen, ein junger Staat.

Если говорящему необходимо выразить локальные, временные связи предмета, его происхождение или материал, то он употребляет относительные прилагательные, например: die gestrige (heutige) Zeitung, sowjetisches Erdöl.

Для характеристики людей, предметов, явлений действительности по действию, учитывая при этом активный или пассивный характер признака, говорящий в качестве определения употребляет причастия: Partizip I или Partizip II, например: die arbeitenden Menschen, das gelesene Buch, die ankommende Delegation - die angekommene Delegation.

Качественные, относительные прилагательные и причастия употребляются в составе атрибутивного словосочетания "Adjektiv (Partizip) + Substantiv". При помощи данного словосочетания в немецком языке выражаются разнообразные определительные смысловые связи. Соответственно его коммуникативная нагрузка - выражение качества в самом широком смысле слова: это обозначение внешних признаков и внутренних свойств человека, животных, предметов, абстрактных явлений, характеристика действий, процессов, обстоятельств. Следовательно, его функция в акте речи - определительная, качественная, уточняющая (конкретизирующая), оценочная характеристика.

Атрибутивное словосочетание "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" представляет собой согласуемое определение, которое может входить в группу любого члена предложения. Данное словосочетание входит в предложение как элемент его структуры, в составе предложения обнаруживает способность к фор-

моизменению, благодаря чему может выполнять в предложении различные синтаксические функции, которые совпадают с синтаксической функцией его ядра, т.е. имени существительного [5, 6]. Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах.

Определительное словосочетание "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" может выступать в предложении

- 1) в функции подлежащего: Durch ihre Arbeitstäten treten die großen positiven Veränderungen in unserer Hauptstadt immer eindrucksvoller hervor;
- 2) в функции предикатива сложного именного сказуемого: Ein herausragendes Ereignis im Leben der Weltjugend ist das XI. Festival in Havanna gewesen;
- 3) в функции предикативного определения: Der Redner würdigte den WEDJ als "eine wichtige Kraft im Kampf um die Verwirklichung der Wünsche und Hoffnungen der jungen Generation";
- 4) в функции прямого дополнения (Akkusativobjekt): Auf einem Kongreß der Organisation verlangten Delegierte zusätzliche Lehr- und Arbeitsstellen;
- 5) в функции косвенного дополнения (Dativobjekt): Der Anti-Apartheid-Ausschuß appellierte an alle Regierungen und Völker, "dem gerechten Kampf der Befreiungsbewegungen volle Unterstützung zu gewähren";
- 6) в функции предложного дополнения: Er bekräftigte die Solidarität der UVR mit dem vietnamesischen Volk;
- 7) в функции обстоятельства места:
"Wir haben das Glück", sagte er, "in einer Zeit zu leben und zu wirken, in der auf deutschem Boden, in der Deutschen Demokratischen Republik die Ideale und Träume der deutschen Arbeiterjugendbewegung verwirklicht werden";
- 8) в функции обстоятельства времени:
In der vergangenen Woche hatten die Patrioten zwei Flugzeuge abgeschossen;
- 9) в функции обстоятельства образа действия: Während der Zusammenkunft, die in einer herzlichen und freundschaftlichen Atmosphäre verlief, wur-

de ein Meinungsaustausch durchgeführt;

IO) в функции обстоятельства цели: Der Minister für Auswärtige Angelegenheiten der VR Bulgarien trifft zu einem offiziellen Freundschaftsbesuch ein;

II) в функции несогласуемого определения: Er erklärte, daß es nicht nur die Aufgabe der Völker dieses Kontinents, sondern aller Menschen guten Willens sei, die Pläne der Feinde zu durchkreuzen.

В одном и том же предложении может быть несколько атрибутивных словосочетаний "Adjektiv (Partizip) + Substantiv", входящих в группы разных членов предложения. Статистический анализ образцов устной речи, который выявил в среднем 10529 атрибутивных словосочетаний на 20000 проанализированных предложений свидетельствует о большой распространённости данного определительного словосочетания, что отражает потребность говорящих выразить в своей речи атрибутивные смысловые связи.

Литература

1. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. - М.: Просвещение, 1978. - 159 с.
2. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. - М.: Просвещение, 1973. - 224 с.
3. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. - М.: Учпедгиз, 1961. - 171 с.
4. Клычникова З.И. Коммуникативная природа письменной речи. - Учёные записки. Психология и методика обучения иностранным языкам. I-ый Моск. гос. пед. ин-т ин. языков им. М. Тореза, 1968, т. 46, с. 80 - 94.
5. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. - Л.: Наука, 1973. - 366 с.
6. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). 2-ое изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа. - 175 с.

Т.А.Гусева

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ В ПРОСТОРЕЧНОЙ СУФФИКСАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

Стремление понять, каким образом общественная природа языка влияет на формирование производных единиц, обуславливает свойственный современной лингвистике интерес к изучению функционирования системы словообразования в различных сферах общения и человеческой деятельности. Характерной чертой проводимых в этом направлении исследований является рассмотрение деривационных проблем в ономаσιологическом аспекте, ведь "словообразование и есть то звено в языковой системе, которое "ответственно" за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека" [1, с.223]. Изучение просторечной суффиксальной номинации, понимаемой как процесс образования таких суффиксальных наименований, которые характеризуются общей этико-стилистической сниженностью, находит себе место в системном исследовании проблемы экстралингвистической обусловленности вариативности языковых средств номинации и потому представляется вполне оправданным и актуальным.

В плане сопоставления тенденций, характеризующих просторечное словотворчество, с тенденциями, отраженными литературной нормой, в статье рассматриваются следующие вопросы:

1. Ассоциативные связи между предметами и явлениями, устанавливаемые в актах просторечной суффиксальной номинации.

2. Лингвистические средства (структуры) закрепления этих связей.

3. Черты сходства и различия суффиксальной номинации в стандартной и нестандартной лексике современного английского языка (его американского варианта).

Материалом исследования послужили 1020 суффиксальных имен существительных, полученных методом сплошной выборки

из "Словаря американского сленга" Х.Зентворта и С.Е.Флекнера (Dictionary of American Slang).

При установлении характера ассоциаций, предшествующих созданию производного наименования, в качестве основного использован анализ словообразовательного значения, носителем которого является производное слово. Ведь словообразовательное значение при ономаσιологическом подходе к производным определяется как "называющее тип связи между тем, что осмысливается как ономаσιологический базис, и тем, что воспринимается как ономаσιологический признак, при том обязательном условии, что в каждой словообразовательной модели роли признака и базиса строго детерминированы, будучи закреплены, соответственно, за отсылочной и формирующей частями производного согласно типу фиксируемого отношения" [2, с.102].

Поскольку не во всех случаях можно говорить о моделированном образовании просторечных дериватов, и выражаемые ими обобщенные значения не всегда могут быть идентифицированы с помощью термина "словообразовательное значение" в принятом для него смысле, в настоящей работе термины "словообразовательная модель" и "словообразовательное значение" заменены соответственно терминами "структура", "стабильная структура", "обобщенное значение, выражаемое просторечным дериватом, стабильной структурой".

Определению обобщенных (словообразовательных) значений, а следовательно, и ассоциативных связей, способствует описательно-классифицирующая дефиниция производного, включающая мотивирующее слово и содержащая указание на характер его связи с обозначаемым предметом.¹ Построение такой дефиниции – своеобразная реконструкция номинативно-деривационного акта – осуществляется с помощью поступенчатых семантических трансформаций.

Анализ эмпирического материала показал, что процесс установления ассоциативных связей в актах просторечной суффиксальной номинации имеет свои характерные черты и особенности в пределах образования имен таких семантических рядов, как просторечные конкретные (одушевленные и неоду-

¹ Далее эта дефиниция приводится в круглых скобках.

шевление) и абстрактные существительные.

Просторечные наименования со значением одушевленности в зависимости от выражаемого ими обобщенного значения подразделяются на две приблизительно равные в количественном отношении группы. Одну из них составляют дериваты - носители таких обобщенных значений, которые могут быть переданы и стандартными производными. Созданию этих наименований, очевидно, предшествовали ассоциации, обычно имеющие место в нормативных номинативных актах. Закреплению этих значений (ассоциаций), как правило, служат такие структуры, которые традиционно используются с этой целью в стандарте, ср., например, просторечное *slinger* "a waiter or waitress" (one who slings plates), *sling* sl. "to throw" и стандартное *reader* (one who reads books); просторечное *spieler* "an eloquent, persuasive talker, one who gives a spiel," *spiel* sl. "an eloquent speech" и стандартное *adviser* "person advising students" (one who gives pieces of advice to students). Кроме того, обобщенные значения указанного типа передаются в просторечии с помощью нестандартных структур, например, *dingo* "a hobo or vagrant" (one who dings), *ding* sl. "to beg as on a street"; *Squareville* "conventional, conforming society" (a group of squares), *square* sl. "one who is unwordly, unsophisticated, naive ...", а также с помощью стандартных структур, использование которых для передачи определенных значений в стандарте не принято, например, *hackie* "the driver of a cab" (one who drives a hack), *hack* sl. "a taxicab".

Другая группа просторечных имен лица представлена такими производными, которые выражают в целом несвойственные стандарту обобщенные значения и которым, следовательно, предшествовали ассоциации специфического характера. Это, например, дериваты следующих типов: а) дериваты с такими отношениями между мотивирующей и мотивированной единицами, которые напоминают отношения между аналогичными единицами в процессах семантической деривации (метафорических переносах), ср., например, *whaler* "a very large person" (one who resembles a whale) и *whale* "any large person"; б) де-

риваты, в которых обобщенные значения обуславливают дублирование некоторых сем в смысловой структуре производного: goofer "goof" (one who is a goof [a stupid, eccentric, or ineffectual man]¹); в) дериваты, характеризующиеся дистантным и необычным расположением мотивирующего слова в их словообразовательном толковании: five-per-center "one who influences or seeks to influence politicians or government agencies on behalf of clients or friends, often in return for a percentage (usu. 5%) of the profits made thereby", и некоторые другие типы производных, не поддающиеся строгому обобщению. Несвойственные стандарту значения фиксируются как стандартными, так и нестандартными структурами.

В разряде конкретных имен со значением неодушевленности основную часть исследуемых дериватов составляют наименования - носители нехарактерных для стандартного словопроизводства обобщенных значений. Дериваты этого типа в большинстве своем образованы в соответствии с нормативными структурными схемами, в том числе такими, которые используются в стандарте для образования имен других семантических разрядов, например, gagger "a cigar" (that which resembles a gag); weeper "a movie, play, book, or song that makes the audience cry (weep)".

Предметные имена включают также производные существительные с несвойственной стандарту структурой, например, burnie "a partially smoked marijuana cigarette" (a marijuana cigarette that is partially burnt); plugola "compensation given television performers, producers, writers, etc., for mentioning a manufacturer's product in the course of a program (... for a plug), plug sl. "a favorable statement".

Просторечные наименования неодушевленных предметов, включающие также обобщенные значения, которые свойственны стандартным производным этого разряда, немногочисленны. В основном это имена инструментального и локального значения, имевшие, как правило, нормативную для выражения данного значения структуру, например, cutter "a six-shooter gun" (an instrument used for "cutting"); hashery "a small restaurant".

¹В квадратных скобках приводятся компоненты значения слова goof.

(the place where one can get hash), hash sl. "any cooked food; all the food served at a meal".

Анализ обобщенных значений, выражаемых дериватами абстрактной семантики, свидетельствует о том, что в просторечии номинация абстрактных понятий, как и конкретных неодушевленных предметов, чаще осуществляется на базе несвойственных стандарту ассоциаций, что приводит к образованию производных, передающих нетрадиционные для определенного разряда существительных обобщенные значения. Тем не менее, закреплению результатов номинативного акта в этих случаях служат, как правило, стандартные структуры, в том числе такие, которые используются для образования имен конкретной семантики, например, scorcher "a critical remark" (a remark that scorches); sidewinder "a hard swinging blow with the fist" (a blow that resembles sidewind).

Дериваты этого типа с несвойственной стандарту структурой единичны, например, pokerino "a game of poker played for small stakes".

Ассоциации, аналогичные тем, которые имеют место при номинации абстрактных понятий в стандарте, также передаются с помощью дериватов со стандартной структурой: funkiness "the melancholy, pensive, or bittersweet mood associated with the blues" (the state of being funky), funky sl. "melancholy, pensive, or bittersweet".

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что номинация объектов окружающей действительности с помощью просторечной суффиксальной единицы осуществляется на базе значительно более разнообразных ассоциаций, чем номинация стандартным производным словом. В просторечных наименованиях находят отражение не только устоявшиеся, "лежащие на поверхности" связи между вещами, но и не совсем обычные ассоциации, которые являются следствием неповторимости восприятия окружающего мира индивидом. Наименования этого типа часто представляют социально значимый объект номинации с неожиданной стороны, в образном плане, через указание на похожий объект, через приписывание ему неестественных действий и свойств.

Характеризуя средства закрепления ассоциативных связей в просторечии, следует отметить, что здесь прослеживается отчетливо выраженная тенденция к подведению определенного содержания под стандартную форму. Именно эта тенденция предопределяет характерный для просторечия процесс образования суффиксальных дериватов в соответствии со структурными образцами литературного стандарта. Одновременно наблюдается расширение диапазона действия стандартных структурных схем (моделей), без чего немислста передача ими новых значений. Максимально используется в просторечии стандартная структура, строящаяся путем сочетания глагольной основы с суффиксом *-er*. Благодаря предельной обобщенности значения деривационного форманта (*one who ... or that which ...*) эта структура широко используется в качестве образца для создания имен как конкретной, так и абстрактной семантики, являющихся носителями самых разнообразных обобщенных значений.

Подведение несвойственного стандарту значения под стандартную структуру является одним из путей снижения суффиксального деривата в этико-стилистическом плане. Этим путем создаются структурно не отмеченные производные, мотивирующая основа и суффикс которых принадлежат стандарту (*finisher "a knockout blow"*). Сниженность наименования этого типа связана с их "глубинными", семантическими свойствами.

Характерной чертой просторечия является отсутствие относительно жесткой закреплённости тех или иных значений (ассоциаций) за определенными структурами, свойственной стандартной номинации. Еще одна особенность номинации в просторечии — избыточность средств (структур) для выражения определенного содержания, проявляющаяся в образовании одноосновных дериватов с идентичным значением с участием разных суффиксов: *weirdo/weirdie "a weird, eccentric or unusual person"*.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. — В кн.: Языковая номинация. — М.: Наука, 1977, с. 222-303.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 199с.

ДИАЛЕКТИКА ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА
И ФОНОВОГО ЗНАНИЯ
(на материале словаря цитат)

Когда речь идет о понимании произведения словесно-художественного творчества, необходимо в первую очередь провести вполне определенную границу между двумя аспектами понимания. Первый из них можно было бы определить как понимание в самом прямом и обычном смысле этого слова: это такое восприятие, без которого вообще невозможно осмысленное чтение. Второй же аспект непосредственно соотносится с той обширной областью филологического знания, которая обозначается без какой-либо точности такими дефинициями как 'язык и литература', 'стилистика и поэтика художественной речи' и т.д. Безусловно, что когда речь идет о новейших достижениях лингвопоэтического анализа, все это следует оценивать как важный и основной аспект понимания. Но это уже высший уровень, предусматривающий такое изучение материала, которое ученому-филологу раскрыло бы загадку эмоционально-экспрессивно-оценочного воздействия, оказываемого на читателя художественной литературой. Исследователь должен понять, почему то или иное произведение есть художественное произведение, в чем заключается сила его воздействия на нашу эмоциональную сферу. Причем следует сразу же отметить, что между этими аспектами понимания нет и не может быть непреодолимо^ю преграды. Напротив, всякие попытки искусственно их противопоставить друг другу были бы глубоко ошибочны. В то же время необходимо сознавать, насколько они различны. Различие это выражается прежде всего в том, что они оперируют разными системами категорий: для одного — это образы, фигуры речи и т.д.; для другого — это реалии, разные типы литературных аллюзий, исторических реминисценций и т.д. Эту последнюю

совокупность было предложено определять, как вертикальный контекст того или иного произведения, автора или целого литературного направления. Вертикальный контекст — это принадлежность единицы текста. Любая единица текста, наглядно представляющаяся нам во всем разнообразии своих так называемых горизонтальных контекстов, может иметь еще и своеобразный вертикальный контекст, который непосредственно нашим чувствам не раскрыт.

В этой связи необходимо еще раз остановиться на принципиальном различии между вертикальным контекстом и более широким понятием фонового знания. Если вертикальный контекст принадлежит тексту, то фоновое знание — это совокупность сведений, которыми обладают как тот, кто создает текст, так и тот, для кого этот текст создается, т.е. и писатель и читатель. Различие между фоновым знанием и вертикальным контекстом лежит в основе одной из центральных филологических проблем сегодняшнего дня, к решению которой мы должны подойти, а именно: какими средствами или способами можно узнать, сколько необходимо фоновых знаний для того, чтобы задуманный автором для данной единицы текста вертикальный контекст синхронически и семиотически безупречно возникал в мыслях, памяти, внутреннем видении читателя, или, иными словами, чтобы тот или иной автор, то или иное направление стали бы для данного читателя доступными.

Одну из возможностей подхода к решению этой проблемы открывает нам изучение словарей цитат, совмещающих в себе более или менее полное отражение вертикального контекста данной (в нашем случае, английской) литературы и того объема филологического фонового знания, которым располагают образованные носители языка в лице составителей этих словарей.

Из всех имеющихся разновидностей одноязычных словарей и справочников словари цитат реже всего используются студентами-филологами. Причина этого главным

образом в том, что в таких словарях просто не видят необходимости. Пренебрежение филологическим вертикальным контекстом приводит к тому, что цитату часто не замечают в тексте. Если же она и обращает на себя внимание читателя, то такие подробности, как определение источника, его мало занимают. Другой причиной отсутствия интереса к словарям цитат является то обстоятельство, что словари эти недостаточно еще изучены и описаны. Хотя их существует очень большое количество, нет еще ни библиографии, ни специальных исследований, посвященных такому типу словарей. Думается, что небезынтересным филологическим исследованием было бы описание имеющихся словарей, исходя, например, из их разновидностей или из целей и задач, которые ставили себе их составители.

Очевидно, что обращаясь к словарям цитат, иностранные филологи, по сравнению с носителями языка, преследуют совершенно иные цели и что отношение к этим пособиям будет у них несколько иное. Так, образованные англичане, в особенности люди среднего возраста и старше, чья склонность к цитированию значительно отличает их от молодого поколения, обращаются к словарю цитат преимущественно для того, чтобы освежить в памяти какие-либо строки, убедиться в правильности цитаты, воспроизведенной в литературном произведении или газетной статье, чтобы найти соответствующую иллюстрацию высказанной мысли и т.д. Что касается филолога-иностранца, то обращение его к словарю цитат чаще всего вызвано необходимостью выяснения каких-то особенностей вертикального контекста изучаемых им литературных произведений. Каждое такое обращение есть в сущности ничто иное, как сопоставление его собственного филологического фоновознания с тем, которым обладает образованный носитель языка. Это положение представляется чрезвычайно важным.

Дело в том, что проблема того минимума филологического фоновознания, которым должен обладать спе-

циалист, оканчивающий филологический факультет университета, еще далеко не решена. Ни для кого не секрет, что списки литературы по соответствующим периодам истории западноевропейской (в том числе английской) литературы не могут служить показателем осведомленности студентов в этой области. Лишь очень небольшое число произведений прочитывается ими в подлиннике, да и то преимущественно в отрывках, помещенных в антологиях и хрестоматиях. Исключения здесь составляют авторы и их произведения, изучаемые в спецсеминарах; но таких авторов, естественно, очень мало, по сравнению с теми, с чьим творчеством студенты знакомятся в переводах (нередко весьма несовершенных), или на экранах кино и телевизора. Курсы истории литературы расширяются, растут и списки литературы, и нерешенным остается вопрос, что же именно должно войти в необходимый объем филологического фонового знания филолога-англиста, что реально может быть усвоено и, при необходимости, воспроизведено им без обращения к тексту оригинала или к справочникам, и что может оставаться известным ему лишь в самом общем виде, о чем он может иметь лишь общее представление. Не вызывает сомнений положение о том, что каждый филолог должен располагать достаточно обширным 'репертуаром' художественных текстов на изучаемом языке, которые, в том или ином объеме, он мог бы 'исполнять', т.е. обнаруживать свободное владение ими в первую очередь в ситуациях профессионального общения, т.е. при чтении лекций, во всякого рода публичных выступлениях на филологические темы, при написании статей, монографий и т.д. Что касается конкретного определения границ и пределов такого репертуара, то несомненно, что именно изучение словарей цитат могло бы существенным образом способствовать решению этого вопроса.

Попытка определить объем филологического фонового знания с привлечением словаря цитат (на материале только поэтических произведений) была осуществлена на кафед-

ре английского языка филологического факультета МГУ в дипломной работе А.Л. Чубарова "Прагматика литературной аллюзии". Сопоставление произведений, вошедших в антологию, изданные в нашей стране и за рубежом в последние годы, с материалом словаря цитат и теми цитатами, которые неизменно используются авторами художественных произведений, позволило прийти к заключению относительно количества и объема поэтических произведений, подлежащих включению в программу курса истории английской литературы. Такой метод определения объема филологического фонового знания представляется заслуживающим внимания. Однако применение этого метода требует более углубленного изучения используемых источников, среди которых важное место занимают словари цитат. При этом изучение словарей цитат должно, видимо, осуществляться по двум направлениям: с точки зрения реального функционирования включенных в словарь цитат в вертикальном контексте английской литературы, а также с точки зрения степени владения этим материалом образованного носителя языка. Изучение этого последнего аспекта представляется целесообразным проводить в сопоставлении с соответствующим фоновым знанием филолога-иностранца.

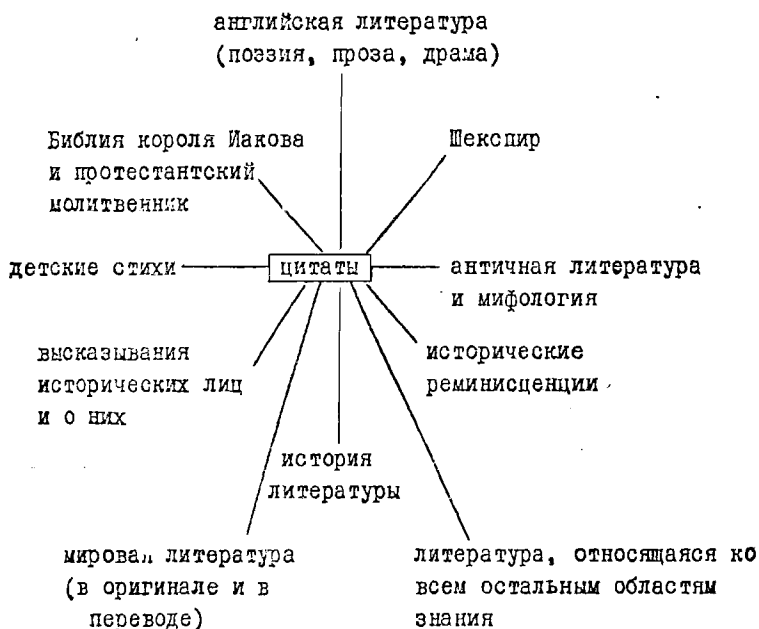
Для исследования был избран Оксфордский словарь цитат (*The Oxford Dictionary of Quotations*).

Понятно, что словарь цитат в полном его объеме никак не может быть воспринят как нечто абсолютное, как сумма знаний, которыми обладает каждый образованный англичанин. Уже одно сопоставление предисловий к двум изданиям (1941 и 1979 гг.) дает возможность убедиться в том, насколько изменилось представление о том, что могут и должны знать англичане, что предполагается общеизвестным и одинаково доступным читающей публике. Достаточно сказать, что раннее издание заглаживалось как словарь знакомых цитат (*'the work is primarily intended to be a dictionary of familiar quotations'*), тогда как составители последнего издания вообще отказываются

от этого принципа ('the claim that this is a dictionary of familiar quotations is, moreover, hereby dropped') давая таким образом понять, что собранный ими материал никак не является общим достоянием. Они также объясняют те причины, по которым они оказываются вынужденными значительно сократить объем материала, включаемого ими в словарь, по сравнению с предыдущим изданием, причем основными здесь являются не только и не столько соображения экономии, как реальное положение вещей, т.е. сокращение объема филологического знания у каждого последующего поколения. Характеризуя обширность сведений, которыми располагали составители предыдущего издания, они не без сожаления констатируют: 'much of that lettered world of reference has disappeared'. Более того, они утверждают, что каждое новое поколение будет нуждаться в новом словаре цитат ('every generation, every decade perhaps, needs new Dictionary of Quotations') и совершенно очевидно, что изменения, которые будут иметь место, никак не повлекут за собой расширение объема таких словарей.

Каким же образом, с учетом всех этих особенностей, может филолог-иностранец извлечь какое-либо представление об объеме филологического фонового знания англичан и о каких именно аспектах этого знания может он надеяться получить наиболее достоверные сведения?

Для того, чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо представить себе прежде всего, что же именно входит в словарь цитат. Внимательное прочтение словаря цитат дает возможность представить его содержание следующим образом :

Остановимся кратко на некоторых отдельных составных частях этого материала, для того чтобы уяснить себе, какие из них в первую очередь заслуживают нашего внимания, по поводу каких из них наши суждения могут оказаться наиболее достоверными и объективными. Хорошо известно, какое важное место занимали в английской литературной традиции цитаты и аллюзии из классической литературы и мифологии. В последнее время, однако, в особенности к середине текущего столетия, удельный вес таких цитат в английской художественной литературе неизменно сокращается, и классические реминисценции сводятся лишь к отдельным и весьма немногочисленным ссылкам на известные эпизоды хорошо известных произведений, упоминанию имен персонажей, популярных изречений, вошедших во все словари, пословиц и поговорок и т.п. Таким образом, для филолога-иностранца

практически отпадает необходимость обращения к словарю цитат для выяснения значения и происхождения классических цитат. Большую пользу может принести здесь обращение к словарям иностранных слов в английском языке, словарям идиом, справочникам, подобным 'Who's Who in the Ancient World' и просто к спискам латинских слов и выражений, содержащихся в приложениях к толковым словарям. Попытка определить место классических цитат во всем объеме филологического фонового знания англичан также представляла бы значительную трудность в первую очередь ввиду четких возрастных различий: люди старшего поколения неизменно оказываются более осведомленными в этой области, тогда как люди среднего и особенно младшего поколений имеют довольно ограниченное представление о классической литературе, тем более в оригинале. Поэтому литература древней Греции и Рима, представляемая в словаре цитат, остается за пределами нашего рассмотрения.

Равным образом и мировая, в первую очередь западноевропейская литература, не являлась предметом рассмотрения как один из аспектов филологического фонового знания, отраженного в словаре цитат, но уже по другим соображениям. Как свидетельствует опыт, знания студентов-филологов в этой области превосходят уровень знаний среднего образования англичанина. Объем цитат из западноевропейской литературы в словаре сравнительно невелик, как и роль их в вертикальном контексте английской литературы.

Особого отношения требуют также и детские стихи. Сопоставление объема фоновых знаний англичанина и филолога-иностранца здесь мало что может дать ввиду крайне ограниченной осведомленности последнего в данной области. Следует отметить, что детская литература в Англии, ее специфика, особенно в плане влияния на литературу 'для взрослых' и на английский язык вообще, еще очень мало изучена. Имеющиеся на эту тему работы касаются в

первую очередь таких проблем, как перевод детской литературы, особенности употребления тех или иных стилистических средств и т.д. Несомненно, что детская литература вообще и детские стихи в частности, ввиду исключительной их роли как аспекта вертикального контекста, должны явиться предметом углубленного филологического исследования, прежде чем могут быть сделаны какие бы то ни было заключения относительно взаимодействия вертикального контекста и филологического фонового знания в этой области. Неслучайно цитаты из детских стихов не были включены в последнее издание словаря цитат, составители которого отсылают читателя к специальному источнику, а именно к *The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes*.

Нескольких замечаний заслуживает материал словаря цитат, обозначенный нами как 'высказывания исторических лиц и о них', а также 'исторические реминисценции'. Это очень зыбкая категория, поскольку время, которое судит очень строго о ценности художественных произведений, судит еще строже о некоторых исторических фигурах и тем более об их высказываниях. То, что запомнилось, было у всех на устах при жизни одного поколения, забывается как не стоящее внимания, тривиальное, последующим поколением. С другой стороны, малозначащая мысль, облеченная в эпиграмматическую форму, может жить веками, иногда видоизменяясь, приобретая с течением времени чуть ли не характер одной из 'вечных истин'. Исторические реминисценции, высказывания, касающиеся определенных событий, эпизодов в истории могут иметь часто узко национальный характер, восприниматься только в контексте определенного исторического периода, при условии, что воспринимающий достаточно хорошо знаком не только с каким-то событием, давшим повод к тому или иному высказыванию, но и с особенностями лица, сделавшего это высказывание. Следует помнить, что именно в этой области, более чем в какой-либо другой, проявляется различный

подход к оценке исторических фактов, характеризующий представителей различных социальных систем. Все эти соображения побуждают нас относиться с особым вниманием к такого рода материалу при сопоставлении фоновых знаний студента-филолога и образованного англичанина. Общий объем таких цитат в вертикальном контексте английской литературы невелик и сводится, в основном, к традиционному набору высказываний, которые в меньшей мере, чем другие элементы вертикального контекста, подвергаются влиянию литературной моды.

Касаясь кратко цитат, почерпнутых из самых разнообразных областей знания, следует отметить, что они получили известность и остались жить в веках главным образом благодаря художественной литературе, потому что через литературу они и передаются от поколения к поколению. Это обстоятельство дает основание говорить о ф и л о л о г и ч е с к о м характере фонового знания, отраженного в словаре цитат. Объем и состав таких цитат в вертикальном контексте английской литературы отличается постоянством. Сопоставление в этом случае фоновых знаний филолога-иностранца и образованного англичанина обнаруживает больше сходства, чем было выявлено при рассмотрении других элементов вертикального контекста.

Оставшиеся три элемента или составные части словарного материала приводят нас вновь к трем основным аспектам вертикального контекста английской литературы: Шекспир, английская классическая литература (поэзия, проза, драма) и Библия Короля Иакова. Эти три составные части и должны, видимо, в первую очередь служить основой для сопоставления объема филологического фонового знания образованного англичанина и филолога-иностранца. Несомненно возникает целый ряд осложнений и трудностей, обусловленных в основном различиями культурно-исторической традиции. Что касается Библии, то безусловно наши знания здесь значительно уступают знаниям англичан даже современного поколения, чьи сведения в этой обла-

ти очень ограничены по сравнению со старшим и даже средним поколением. Роль библейских цитат в вертикальном контексте английской литературы чрезвычайно велика. Английская литература, в том числе и современная, настолько насыщена библейскими цитатами и аллюзиями, что материал, содержащийся в словаре цитат (хотя и с существенными ограничениями) должен служить основой восприятия вертикального контекста этой литературы.

Совершенно особо обстоит дело с Шекспиром и английской классической литературой. Несомненно, что содержание словаря цитат в отношении именно этого материала является знакомым для большинства образованных англичан. Иначе обстоит дело с филологом-иностранцем. Если он и узнает или даже сам употребляет какие-либо цитаты из Шекспира, то речь может идти лишь об ограниченном количестве самых популярных цитат. Если он и хорошо знает содержание, например, пьесы Шекспира, то он редко помнит весь текст монолога, откуда он заимствует цитату. Англичанин же, как правило, знает наизусть большое количество шекспировских текстов, заучивая большинство известных монологов в школе, а также, участвуя в любительских спектаклях, что всегда было традицией, особенно в "паблик скулз".

По вполне понятным причинам то же относится и к английской классической литературе. Поэтическим произведениям в словаре отводится гораздо больше места, чем прозе или драматургии. Такое расположение материала вполне соответствует роли соответствующих цитат в вертикальном контексте английской литературы: поэтический компонент заметно преобладает в нем. Однако роль поэтических цитат в вертикальном контексте далеко не одинакова. Она изменяется, и иногда очень существенно, от одного автора к другому, от одного периода в истории литературы к другому. Эти изменения часто не находят отражения в структуре словаря цитат. Например, Шелли многократно цитировался в прошлом и в начале

нынешнего века, но интерес к нему у современных авторов ослабевает. Включение того или иного автора в словарь цитат может быть свидетельством его популярности, но еще не означает, что приведенные в словаре отрывки действительно цитируются в литературе. В особенности это относится к современным авторам, чьи произведения включены в словарь цитат, и к вертикальному контексту современной английской литературы. Примером здесь может служить Джон Бетчмен. Цитатам из его стихотворений отведено в словаре более двух страниц, однако в произведениях современной английской литературы они обнаруживаются редко. Цитируемые отрывки, к тому же, сами по себе чрезвычайно сложны для восприятия ввиду сложности их собственного вертикального контекста, проникнутого реалиями современной английской действительности в самых разнообразных ее проявлениях.

Проза цитируется значительно реже. Здесь также часто можно наблюдать известное противоречие между количеством цитат в словаре и использованием их в вертикальном контексте английской литературы. Наглядным примером могут служить здесь Г.Уэллс или Б.Шоу. Количество цитат из Б.Шоу, которых можно обнаружить в современной литературе, практически равно нулю, тогда как в последнем издании словаря ему отводится до трех страниц.

Многочисленные примеры такого рода, когда количество цитат, зафиксированное в словаре, превышает уровень реального их употребления, позволяет сделать вывод о том, что авторы словарей мыслят свои труды не только как справочники, но и как своеобразные антологии. Составители первого издания *The Oxford Dictionary of Quotations* откровенно признают эту свою цель в предисловии: *If the book serves to start people reading poets it will have accomplished a great deal besides being a work of reference . In many places more of the context of the actual familiar phrase has been given than is strictly necessary, but this has been prac-*

... tice throughout the book, and one which it was thought would add to its value and charm.' Хотя авторы последнего издания провозглашают совершенно иной принцип, и они тем не менее дают больший контекст как для менее знакомых, так и для хорошо знакомых цитат, чем это абсолютно необходимо. Все это приводит нас к убеждению в необходимости создания специально подготовленного издания словаря цитат для филологов-иностранцев, которое должно представлять собой своеобразный "сплав" словаря и антологии, т.е. не просто справочник, но своего рода минимум филологической информации, которым должен располагать оканчивающий филологический факультет. Сочетание этих двух задач чрезвычайно сложно и подготовка подобного издания потребует длительного времени и серьезных предварительных разысканий. Создание такого пособия преследует две цели: углубить интерес филолога-иностранца к английской литературе, создав (или освежив) у него представление о лучших образцах английской классической литературы, и в то же время, облегчить ему понимание произведений этой литературы за счет увеличения объема филологического фонового знания, которое должно обеспечить ему проникновение в вертикальный контекст.

Н.Н.Данченко

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексикализация глагольных форм является редким случаем так называемой конверсии, которая представляет собой один из самых продуктивных способов словообразования в современном английском языке. Некоторые авторы считают, что конверсия существовала еще в древнеанглийском языке. Такого мнения придерживается, например, А.И.Смирницкий, принимая глагольный суффикс (1)an за формообразующий [1, с.78-79]. В такой трактовке это мнение представляется справедливым. На наш взгляд, однако, понятие конверсии более обоснованно относить к концу среднеанглийского периода - времени окончательного отмирания многих дистинктивных, т.е. отличающих одну часть речи от другой, флексий. Таким образом, исходная форма глагола в инфинитиве стала совпадать с формой существительного в номинативе, что дало возможность почти беспрепятственного образования новых слов путем конверсии.

С точки зрения понятийного содержания этого слова в английском языке данный термин не совсем удачен, так как происходит не переход из одной части речи в другую по общепринятому определению [2, с.167], а образование одного слова от другого безафиксальным способом. Словарь лингвистических терминов О.С.Ахмановой определяет конверсию как образование нового слова путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения [3, с.202]. В других лингвистических словарях этому понятию толкования не дается [4,5].

Исходя из имеющегося определения, следует заключить, что конверсия-это такой вид словообразования, при котором словопроизводительным средством служит только парадигма слова. Отсюда нетрудно заключить, что конверсия в строгом смысле этого слова может быть характерной только для не-

значительного количества европейских языков, существуя лишь на периферии словообразовательной системы большинства других. В русском языке, например, образованными по конверсии можно считать такие единицы, как рабочий, трудящийся, больной, беглый, гулящая и т.д., которые функционируют в равной мере как прилагательные или причастия и как существительные.

Во время бурного развития словаря в среднеанглийский период происходит образование преимущественно новых глаголов от существительных, а также в меньшем количестве существительных от глаголов, причем конверсии подвергаются не только исконно английские слова, но и заимствования. Ко времени ранненовоанглийского появляются новые виды конверсии, а именно: глаголы образуются не только от существительных, в свою очередь существительные образуются путем конверсии прилагательных, наречий и т.д.

Собранный нами материал представлен следующими глагольными формами: *would be, would have been, has been, might have been, must, do's and don'ts, don't*. В синхронном плане конверсивные образования от этих форм функционируют как прилагательные и/или существительные, например:

Let little would-be's know;^{1/}

The hunt goes forward after the would-have-been invaders of Natal;

It is better to be a has been than a never was.

Away, away with this must;

Roanerges Blitzen, servant of the Queen, is a dismal failure, is a might-have-been;

The do's and don'ts of the trip;

The plan gets rid of many don'ts.

В диахронном плане прослеживается, в какое время и каким

^{1/} Примеры заимствованы из Большого Оксфордского словаря.

образом развилась эта на первый взгляд неожиданная опоспособность глагольных форм к образованию конверсивов.

Согласно данным Большого Оксфордского словаря¹ [5] самой ранней глагольной формой, подвергшейся конверсии, была форма сослагательного наклонения *would be*. Уже в эпоху среднеанглийского было возможно ее употребление в качестве прилагательного. При этом в комментарии словарной статьи говорится, что в самых ранних примерах *would be* используется как насмешливое дополнение к назначаемому титулу, например: *walbe be Prince* /1300г./ Значительно позже, в пору расцвета ранненовоанглийского периода эта форма субстантивировалась: *Politique would-bee, a knight* /1605г./, а еще позже расширила свою валентность и стала сочетаться не только с одушевленными предметами, но и с неодушевленными: *the would be rustic gate* /1839г./

Конверсивы других форм в целом значительно моложе. Все они, за исключением *might have been*, *do's and don'ts*, *don'ts* возникли в новоанглийский период между 1600 и 1800 годами, *might have been* датируется в словаре 1848 годом, и лишь две последние единицы появились на рубеже XX века и зарегистрированы только в Приложении к Большому Оксфордскому словарю¹.

Анализ языкового материала позволяет нам заключить, что во всех перечисленных случаях конверсии происходит лексикализация определенного грамматического значения, выражаемого данной формой:

would be - реальное предположение;

would have been - нереальное предположение;

has been - завершенность с ретроспекцией в прошлое;

might have been - нереальное предположение с оттенком возможности;

must - обязательность;

do's and don'ts - повелительность разрешения и запрета;

don'ts - повелительность запрета.

Для всех названных конверсивов характерна ущербность

форм. Ни один из них не зарегистрирован с падежным окончанием генотива. Предположительно можно себе представить такое окказиональное употребление, как *has been's property* хотя, естественно, название реального лица здесь более уместно. Субстантивированные формы *do's and don'ts* и *don'ts* существуют только во множественном числе. Словари последних лет¹ конверсив *might have been* сопровождают пометой P1., что также свидетельствует об ущербности формы. Интересно отметить, что более раннее употребление не было избирательным к категории числа.

Представляется сложным перевод рассматриваемых конверсивов на русский язык, так как в последнем такого рода конверсия невозможна и единицы переводятся, как правило, описательно, например: *a would have been poet* - человек, из которого не вышло поэта; *a has been* - бывший человек, что-либо поблекшее, утратившее свежесть, новизну и т.п.

Чем "старше" конверсив, тем более привычно его восприятие в тексте; однако не об одной из перечисленных форм в их новых функциях невозможно сказать, что на данном этапе развития языка между конверсивными парами стерлись отношения исходной формы и ее порождения, как это наблюдается, например, в случае с *love(v)* и *love(n)*.

Все упомянутые прилагательные и существительные более или менее остро ощущаются как конверсивы глагольных форм, а потому в тексте они, как правило, выступают выразительным лексическим средством. В романе Ирвина Шоу "Вечера в Византии" мы встречаем, например, следующий заголовок для предполагаемой статьи о некогда знаменитом режиссере: "The Once and Future Has Been". Название звучит лаконично и выразительно, оно очень емко по своему содержанию благодаря, в частности, субстантивации формы перфекта *has been*.

Маргарет Дрэбл в своем романе "A Summer Bird Cage" следующим образом характеризует одного из персонажей: "I thought I saw one of my very favourite people, a would-be and probably will-be artist called Tony..." Если первый

¹/Webster's New International Dictionary,
Longman Dictionary of Contemporary English.

конверсив *would be* является языковой нормой и выражает сомнение говорящего в будущность Тони как художника, то следующая за ним форма *will be* в таком употреблении представляется окказионализмом и в противовес сказанному выражает уверенность в его таланте. Другой случай семантически и стилистически релевантного противопоставления узуального и окказионального употребления глагольных форм приводился нами выше: "It is better to be a has been than a never was."

С интересным примером мы встречаемся в стихотворении Д. Лоренса "Don'ts", где заглавием служит субстантивированная глагольная форма, а в самом тексте она встречается восемь раз как собственно глагольная.

Конверсивы глагольных форм общеупотребительны, они встречаются не только в литературе, но и в языке газет. В одной из статей "Morning Star", где речь идет о бывших лидерах лейбористов Г. Вильсоне, Дж. Калагане и Р. Дженкинсе, они все названы одним словом "has-beens", им выражается их полная несостоятельность возродить себе имя на политическом поприще.

Мы ограничимся приведенными примерами, хотя их можно было бы продолжить. Английская и американская литература и публицистика представляют нам в этом плане благодатный и обильный материал.

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие **выводы**:

Конверсия глагольных форм является частным случаем образования новых слов безаффиксальным способом, а именно посредством изменения их парадигмы.

В случае конверсии глагольных форм происходит лексикализация грамматического значения формы и закрепление его в новом слове.

Большинство конверсивов глагольных форм появилось в языке в ранненовоанглийский период и позже; лексикализации этих форм сопутствует закрепление за ними новой функции существительных или прилагательных. Ущербность парадигмы является их характерной чертой.

Конверсивы глагольных форм служат выразительным лексическим стилистическим средством в силу возникающего несоответствия глагольной формы и ее нового лексического наполнения.

Литература

1. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. - М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956. - 260 с.
2. Хидекель С. С., Гинзбург Р. С. и др. Английская лексикология в выдержках и извлечениях. - Л.: Просвещение, 1969. - 239 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1969. - 607 с.
4. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. - М.: Изд. иностр. лит., 1960. - 436 с.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник лингвистических терминов. - М.: Просвещение, 1972. - 495 с.
6. Murray H. A. J., Brandley H., Craigie W. A., Onions C. T. The Oxford English Dictionary. Vols. I - XII with Supplement and bibliography. Oxford Univ. Press, Inc., 1933.

С.Г. Краже

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АНТЕЦЕДЕНТА И КОНСЕКВЕНТА В ТЕКСТОВОМ ИМПЛИКАЦИИ

Предлагаемая статья посвящена мало исследованной, но привлекающей последнее время все больше внимание лингвистов проблеме импликации.

В логике импликацией называется "логическая операция, связывающая два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связи, которой в обычном языке в значительной мере соответствует союз "если... то..." I I, с. 192 I.

В лингвистике у разных авторов в зависимости от целей и задач их исследования возможен различный подход к этому вопросу. Так, Л.П. Чахоян в работах по коммуникативному синтаксису понимает импликацию как "прием соединения двух высказываний в сложное высказывание причинно-следственной связи между предикатами двух высказываний I 2, с.121 I. Оба составных компонента импликации - антецедент и консеквент выражены эксплицитно. В процессе вербализации высказывания не все его элементы выражены эксплицитно. Эксплицитное выражение дополняется информацией, которая передается в имплицитном виде. Е.Н. Старикова рассматривает грамматическую импликацию в синтаксисе, где отмечается "импликация субъекта" I 3, с.44 I. Для некоторых представителей стилистики характерно нерасчлененное понимание импликации и контекста, как вида подразумевания. Так, В.А. Кухаренко выделяет два типа импликации; импликацию предшествования и одновременную импликацию. Вторую она

рассматривает как подтекст. Импликация предшествования означает опущение той информации, "на которую ссылаются персонажи и автор как на известную читателю", а "одновременная импликация предполагает осуществление "изображения" "внутренних переживаний героя, которые скрыты за линейно реализованным содержанием" I 4, с. 43 I. В.А.Кухаренко подчеркивает, что для одновременной импликации характерно несоответствие событий внешнего плана и внутреннего состояния персонажа. Проведенный анализ примеров показал, что имплицитная информация, связанная с эмоциональной стороной сообщения, не противоречит событиям внешнего плана, а вытекает из смысла внешнего плана в виде приращения смысла (см. стр. 5).

Очень существенным для нас является подход, предложенный А.В.Бондарко, который рассматривает импликацию как вид подразумевания, а "имплицитное выражение" I 5, с.108 I для него вытекает из того, что выражено эксплицитно. Имплицитное выражение является результатом соотношений различных текстовых единиц. Основные категории импликации - антецедент и консеквент. Первый выражен эксплицитно, а второй подразумевается. Антецедент выражает мысль эксплицитно посредством лексических элементов текста. Консеквент подразумевается, т.е. является имплицитным смыслом высказывания, вытекающим из соположения элементов антецедента.

Исходя из того, что импликация является важным свойством текста, И.В.Арнольд вводит понятие текстовой импликации. С нашей точки зрения, можно соотнести одновременную импликацию, рассматриваемую В.А.Кухаренко, с текстовой импликацией, так как она характеризуется скрытым смыслом, осуществляется благодаря "изображению" конкретной ситуации, где раскрывается эмоциональное состояние персонажа.

Текстовая импликация определяется в работе И.В.Арнольда как "дополнительный подразумеваемый смысл, т.е. вид подразумевания, основанный на синтагматических свя-

зях соположенных элементов antecedента. Она может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, восстанавливается вариативно, рематична, принадлежит конкретному тексту" I 6, с.88 I.

В настоящей работе мы исходили из определения текстовой импликации, данного И.В.Арнольд. Текстовая импликация представляет собой семантическую категорию текста. Она обуславливается конкретной ситуацией, которая "изображена" в небольшом отрезке текста, т.е. в микроконтексте. Границами такого микроконтекста можно условно считать сверхфразовое единство (СФЕ), в состав которого входят "структурно семантически связанные предложения" I 7, с.95 I, выражающие развитие мысли. СФЕ, содержащее импликацию, рассматривается нами как элемент художественного текста.

В качестве объекта исследования выбраны некоторые рассказы Р.Олдингтона и Д.Г.Лоуренса.

Основной задачей статьи является анализ отношения antecedента и консеквента с учетом возможных маркеров импликации. В.А.Кухаренко ограничивается только грамматическими маркерами импликации (союз, артикли, местоимения и др.) I 4, с.36 I.

В нашем исследовании выдвигается гипотеза о том, что в художественном тексте маркерами импликации могут служить хорошо известные с давних пор типы организации контекста, называемые стилистическими приемами. Термин "стилистические приемы" широко распространен в стилистике. Этот термин представляется не совсем удачным. Мы предпочитаем термин "стилистические средства" и в дальнейшем будем пользоваться именно им. Стилистические средства объединяют тропы и фигуры речи. Для нас интерес представляет механизм передачи дополнительной информации - нейтральной или экспрессивной стилистическими средствами. Основопологающую роль в создании дополнительной информации играет свойство тропов и фигур речи "сопоставлять явления и устанавливать сход-

ства и различия между ними, контраст и эквивалентность" I 8, с.57 I. Основой для действия стилистического средства является стилистический контекст, представляющий собой "фон, на котором преимущественно по контрасту, но иногда и по сходству возникает экспрессивность стилистического приема" I 8, с.279 I. Соположение элементов, образующих конкретное стилистическое средство под действием стилистического контекста в рамках микроконтекста, а не в рамках всего текста, ведет к порождению текстовой импликации. Мысль, вербально выраженная лексическими элементами стилистического средства, порождает подразумеваемый консеквент.

Рассмотрим это на примерах. Обратимся к примеру из рассказа Р.Олдингтона "Размышления на могиле немецкого солдата": He needed rest, tranquility, reassurance, companionship, he got uneasiness, anxiety, uncertainty, and loneliness. Two days after his return he plunged into a despairing search for work,... Without capital, without influence, without training, what could he do? I 9, с.67 I.

Одной волнистой чертой подчеркнут antecedent импликации. Орывок представляет следующую ситуацию: Капитан Камберленд вернулся после окончания войны домой, и перед ним встает вопрос о том, как жить, где работать. Текстовая импликация вытекает из взаимодействия антитезы "he needed rest, tranquility, reassurance, companionship, he got uneasiness, anxiety, uncertainty and loneliness" и риторического вопроса "without capital, without influence, without training, what could he do?" Две противопоставленные группы перечисления, образующие антитезу, эксплицитно выражают мысль о том, что Камберленд нуждается в отдыхе и друзьях; несовместимость этого с обществом, где он живет, выражена эксплицитно во второй части антитезы "he got uneasiness, anxiety, uncertainty and loneliness" . Соположение риторического вопроса с вышеупомянутым antecedent имплицитно порождает консеквент.

Текстовая импликация выражает безысходность, отчаяние вернувшихся с войны молодых людей, которым некуда идти. Они обречены на одиночество и отчуждение.

Данный вид импликации можно соотнести с одновременной импликацией, поскольку имплицитруется отчаяние персонажа. Следует отметить, что события внешнего плана и внутреннее состояние персонажа тесно взаимосвязаны. Текстовая импликация содержит не только предметно-логическую информацию, выраженную антецедентом, но и социальную коннотацию. Подразумевается, что Камберленд принадлежит к потерянному поколению и имплицитруется также эмоциональная коннотация сочувствия.

Таким образом, можно сказать, что имплицитроваться могут все виды информации — предметно-логическая, экспрессивная, социальная и все типы значения — денотативное и разные виды коннотативного значения, и что маркируются они в данном примере перечислением, антитезой и риторическим вопросом. В следующем примере маркерами оказываются уже другие фигуры.

Рассмотрим теперь отрывок из рассказа Д.Г. Лоуренса "Прусский офицер": "Nothing, however, could drive him back his living peace in the hot, bright morning. He felt like a gap among it all. Whereas the Captain was prouder, overriding. A hot flash went through the young servant's body. The captain was firmer and prouder with life, he himself was empty as a shadow. Again the flash went through him, blazing him out. But his heart ran a little firmer" I 10, c. 92 I. Текстовую импликацию порождает стилистическое средство сравнения и повтор метафоры "flash went through him". Антецедент выражает мысль о том, что молодой солдат сознает свое унижительное положение перед офицером: "he felt like a gap, he himself was empty as a shadow". Консеквент имплицитруется при взаимодействии смысла, выраженного сравнением, и повтора метафоры "flash went through him". Подразумевается, что консеквент выражает побуждение и решимость протестовать против унижения. Текстовая импликация

данного отрывка определяет психическое состояние персонажа - солдата и передает напряженность атмосферы и отношений между офицером и солдатом.

Эмоциональность, присущая изображенным образам, усиливается импликацией, т.е. несет эмоциональную коннотацию, консеквент передает эмоциональное состояние солдата, его душевный кризис.

Рассмотрим пример, где импликацию маркирует ирония. Импликация, созданная иронией, содержит несколько особенностей. Иронией принято считать троп, основанный на одновременной реализации двух противоположных значений - эксплицитно-выраженного предметно-логического значения и антонимичного ему контекстуального значения, причем противоположность этих значений создает оценочность, экспрессивность, насмешку. Особенность импликации зависит от сущности самого тропа, который как раз основан на контрасте сказанного и подразумеваемого. Иронический смысл, порождающий импликацию, возникает только при сопоставлении с контекстом. Получается как бы две ступени подразумевания: первая - иронический смысл, т.е. смысл обратный выраженному, и вторая - глубинная импликация, порождаемая похвалением иронии. Так, в примере: "A sacrifice post: They plonked you out there in the mud, you and a couple of M.C.O.'S, and some men - and your job was to get killed if the enemy attacked... A very pleasant prospect. A most jolly lookout " I 9, с.37 И военное поручение является "работой", где человека ждет неизбежная смерть, и это называется "прекрасной надеждой" в "замечательном посту наблюдения". Семантическое значение элементов "job, a very pleasant prospect, a most jolly lookout", взятых вне контекста не порождает импликацию. Антецедент данной импликации составляет предметно-логическое выраженное значение, а сопоставление этого с ситуацией ведет к консеквенту. Консеквент выражает ненависть и озлобленность Дэвисона.

Особенность иронии заключается еще в том, что она стимулирует читательское активное содействие для понимания

ния смысла как иронии, так и импликации. В импликация, которую маркирует ирония, всегда присутствует отрицательная субъективная оценка к происходящим событиям, переданная эксплицитно антецедентом. Ирония также повышает логическую эмоциональную экспрессивность импликации.

Проведенный анализ показал, что текстовая импликация создается стилистическим контекстом, учитывая, что в стилистическом контексте важным является не минимум, а максимум контекстуальных связей. Таким образом, необходимо разграничивать микро- и макроконтент. Первый представляет собой либо эпизод, либо сверхфразовое единство текста, а макроконтент представляет собой целостный художественный текст. Стилистические средства, действующие в микроконтексте, являются индикаторами импликации.

К числу наиболее характерных стилистических средств, маркирующих импликацию, можно соотнести тропы и фигуры речи - антитезу, риторический вопрос, иронию, метафору, сравнение.

Семантические соотношения между основными категориями текстовой импликации, антецедентом и консеквентом, выявляются на основе семантических связей слов в антецеденте.

Полнота восприятия текстовой импликации в значительной степени зависит от индивидуального тезауруса получателя, ибо, "восприятие художественного произведения немислимо без субъективности, без наложения на текст личного опыта читателя" Г II, с. 336 I.

Текстовая импликация может сочетаться со всеми видами коннотации - оценочной, эмоциональной, социальной.

Выдвинутые выше стилистические фигуры разумеется не исчерпывают все возможные типы стилистического маркирования импликации. В статье сделана попытка показать правомерность сформулированной в ее начале гипотезы.

Литература

- I. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. - 2-е изд. - М.: Наука, 1978 - 720 с.
2. Чахоян Л.П. Коммуникативно-семантическая интерпретация сложноподчиненных предложений в английском языке. - В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, 1980, вып. 4. Взаимодействие языковых структур в системе, с. 120-124.
3. Старикова Е.Н. Импликация субъекта в предложениях с однородными сказуемыми. - Вестн. Киевского ун-та, 1981, вып. 15, с. 43-46.
4. Кухаренко В.А. Лингвистическое исследование английской художественной речи. - Одесса: Изд-во Одесского гос. ун-та, 1973. - 60 с.
5. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л.: Наука, 1978. - 175 с.
6. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения. - Вопросы языкознания, 1982, № 4, с. 83-91.
7. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. - М.: Наука, 1978. - 145 с.
8. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1981. - 295 с.
9. Aldington R. Short Stories. - Moscow: Progress Publishers, 1967. - 248 p.
10. Lawrence D.H. Odour of Chrysanthemums and other stories. - Moscow: Progress Publishers, 1977. - 292 p.
- II. Егоров Б.Ф. Литературоведение и математические методы. В кн.: Содружество наук и тайны творчества. - М.: Искусство, 1968. - 450 с.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
ТИПА "EIN LITER MILCH"

Как известно, советские языковеды уделяют большое внимание исследованию словосочетаний. Советское учение о словосочетании выдвинули ряд важнейших положений, позволяющих научно обосновать теорию словосочетания как синтаксического явления. Специфические особенности этой единицы синтаксиса, связанные с ее промежуточным положением между словом и предложением, наиболее полно описаны и теоретически обоснованы в трудах В.В.Виноградова. Словосочетание создается и используется, по мнению В.В.Виноградова, как единица номинации и входит в состав предложения как нечто целое, как один из его членов. Вместе с тем, несмотря на определенную самостоятельность, оно не цельноформлено, а является синтаксическим объединением слов. Словосочетание складывается не менее чем из двух, соединенных в соответствии с синтаксическими правилами данного языка (модель словосочетания), знаменательных слов, одно из которых является главным, опорным, а другое зависимым, и представляет собой непредикативные единицы, способные выражать цельные, хотя и расчлененные значения [5, с.88, 42].

Несмотря на то, что способность словосочетаний быть номинативными единицами и выражать цельные сложные значения выявлена достаточно давно [II, с.61, 79], до настоящего времени наиболее изученной остается их структурная сторона, а именно модели, характерные для того или иного языка. Так, например, существуют классификации структурных типов словосочетаний русского, [3], английского [6], а также немецкого языков [13]. Семантический аспект словосочетаний изучен еще недостаточно, что связано, по мнению некоторых исследователей, с гораздо меньшей наглядностью синтаксического значения в сравнении с лек-

сическим I 12, с. 213 I. Это касается и широко представленных в современном немецком языке словосочетаний типа *ein Liter Milch*.

Они подвергались исследованию лишь частично в некоторых монографических работах советских авторов [8, с. 20; 9, с. 100; 10, с. 48] и практически не изучались немецкими лингвистами. При этом рассматривалась только небольшая группа существительных, выступающих в качестве первого компонента данных словосочетаний и обозначающих собственно меру, а также группа существительных, употребляемых в этой же функции, значение количества у которых производно и проявляется только при условии употребления перед ними собственно количественного слова. Семантика существительных, используемых в качестве второго компонента словосочетаний типа *ein Liter Milch* практически не исследовалась. Она характеризовалась только с точки зрения исчисляемости (неисчисляемости) и конкретности (абстрактности), обозначаемых этими существительными денотатов.

С нашей точки зрения этого недостаточно. В частности, собранный нами фактический материал (около 4000 примеров из художественных и публицистических произведений, а также газет и журналов трех национальных вариантов немецкого литературного языка) показывает, что лексические значения конкретных и абстрактных существительных, выступающих в качестве второго компонента исследуемых словосочетаний, могут быть самыми разнообразными, что ведет к разной сочетаемости с существительными, выступающими в качестве первого компонента. В результате возникают и разные семантико-синтаксические отношения между компонентами словосочетания I I, с. 288-308 I. Под семантико-синтаксическими отношениями мы вслед за В.А. Белашанковой понимаем синтаксические отношения, обусловленные лексическими свойствами зависимого компонента I 4, с. 380-382 I. В отличие от собственно синтаксических отношений, не обусловленных лексическим

значением зависимого компонента. На основе собственно синтаксических отношений формируется обобщенно-синтаксическое значение словосочетания [I 4, с.39], а на основе семантико-синтаксических - конкретное синтаксическое значение словосочетания, которое мы будем в дальнейшем называть лексико-синтаксическим, в связи с его обусловленностью лексическими свойствами зависимого компонента. Таким образом, собственно синтаксические отношения и формируемое на их основе значение словосочетания имеют наиболее общий характер, а семантико-синтаксические отношения и формируемое на их основе значение словосочетания имеют конкретный характер.

В исследуемых словосочетаниях типа *ein Liter Milch* т.е. в словосочетаниях со структурой $S+S_0$ (где S - существительное в любом падеже, а S_0 - существительное, не имеющее морфологического показателя падежа) зависимым членом группы является существительное, обозначающее меру (количество), а ядром - существительное, обозначающее предмет измерения или исчисления. О том, что в данных словосочетаниях существительное *Liter* является определением к существительному *Milch* не только с точки зрения смысла, но и с позиций грамматики писал во "Введении в синтаксис современного немецкого языка" В.Г.Адмони [I, с.284]. Эту точку зрения подтверждают и исследования, проведенные Д.А.Кашиной [8, с.96].

Таким образом, обобщенно-синтаксическим значением словосочетаний типа *ein Liter Milch* является атрибутивное значение, возникающее на основе определительных отношений в результате сочетания в немецком языке существительного с существительным; а лексико-синтаксическим значением, обусловленным семантикой зависимого компонента *Liter* и отражающим отношение меры и вещества [I, с.284] -квантитативно-атрибутивное значение [7, с.168].

Из известных нам работ лишь в одной была сделана попытка анализа данных словосочетаний с точки зрения характера выражаемых ими отношений и значений I 15, с. 391. Однако эти отношения устанавливались только на основе значения второго компонента без учета значения первого компонента, так как предполагалось, что любое существительное, входящее в состав количественного словосочетания типа *ein Liter Milch* в качестве первого компонента, обозначает меру (количество) в самом общем смысле вне зависимости от конкретного значения этого количества, т.е. не учитывались варианты лексико-синтаксического значения количественной атрибуции, такие как точное, неточное, относительно точное, некоторое неопределенное, большое, малое и т.п. количество. В результате в одну группу, обозначенную автором как словосочетания со значением "количественной характеристики исчисляемых предметов", попали словосочетания *eine Menge Geschenke* и *eine Kompanie Soldaten*. Но *eine Menge* обозначает большое количество каких-то предметов, а *eine Kompanie* - точно установленное для данного воинского подразделения количество личного состава. По-видимому, более целесообразно проводить классификацию исследуемых словосочетаний по значению первого компонента, выраженного существительными, обозначающими меру (количество), т.к. лексико-синтаксическое значение формируется на основе семантики зависимого компонента I 4, с. 380. Например, следует выделять словосочетания с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими 1/ целые и дробные числа (*Paar, Dutzend, Viertel*); 2/ единицы измерения веса, объема и т.п. (*Pfund, Liter*); 3/ бытовые единицы измерения (*Tasse, Köffel*); 4/ неопределенную часть целого (*Teil, Stück*); 5/ большое количество (*eine Menge*); 6/ небольшое количество (*Quentchen, Schuss*); 7/ некоторое неопределенное количество (*eine Anzahl*). Во всех этих случаях мы имеем разные варианты количественно-атрибутивного значения. Например, в первой и во

второй группе словосочетаний - значение точного количества, в третьей - значение приблизительно точного количества и т.д.

В то же время при классификации количественных словосочетаний необходимо учитывать и семантику второго компонента, т.к. на лексико-синтаксическое значение всей конструкции, формирующееся на основе существительного, обозначающего меру (количество), оказывает влияние и семантика второго компонента. Например, словосочетания *ein Handvoll Pfennige* и *eine Handvoll Fabriken* не одинаковые по своему лексико-синтаксическому значению. Первое обозначает горсть монет, т.е. такое количество, которое уместается в пригоршне, а второе - не-большое количество фабрик. Изменение значения словосочетания произошло в результате реализации существительным *Handvoll* другого лексико-семантического варианта, что в свою очередь явилось следствием употребления в качестве второго компонента существительного *Fabriken*. Таким образом, в результате переносного употребления существительного *Handvoll* словосочетание *eine Handvoll Fabriken* имеет другой вариант лексико-синтаксического значения, а именно, значение небольшого количества.

Еще одним фактором, который необходимо учитывать при исследовании словосочетаний типа *ein Liter Milch*, является варьирование их значения на основе расширения конструкции за счет полнозначных (числительных, местоимений, а также прилагательных, стоящих перед первым компонентом и обнаруживающих в своем значении семантический признак количества, напр., *ganz*) и служебных слов (артикли, предлоги). Так, значение конкретного точного количества исчисляемых предметов в словосочетаниях с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими целые числа, актуализируется только в том случае, если в словосочетании есть собственно количественное слово - числительное, ср.: *eine Billion Infla-*

tionensmark (Об., 428). Это значение может изменяться путем ввода в словосочетание вместо одного числительного двух, ср.: *nur zwei, drei Dutzend Wagen* (В.Е.33), местоимений, ср.: *einige Dutzend Schritte* (V. 222). В этих случаях словосочетания будут иметь значение не-точного, приблизительного количества. В словосочетании *eine Menge Bücher* вариант лексико-синтаксического значения большого количества актуализируется только в случае употребления перед первым компонентом неопределенного артикля. Если же с существительным *Menge* употребляется определенный артикль, числительное или определенный артикль плюс прилагательное с количественной семантикой, то все словосочетание будет иметь значение некоторого известного говорящему, но неназванного количества, ср.: *die doppelte Menge Stahlplatten* I Е.Н.11 I.

Четвертым фактором, который необходимо учитывать при исследовании словосочетаний типа *ein Liter Milch*, является осложненность их лексико-синтаксического значения квантитативной атрибуции еще рядом семантических признаков.

Так, словосочетания с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими 1/ часть целого, напр., *ein Streifen Himmel*; 2/ стандартное количество вещества, напр., *eine Tafel Schokolade* и 3/ небольшое количество, напр., *ein Tropfen Wasser* характеризуют предмет не только с количественной стороны, но и с точки зрения его формы, конфигурации.

Словосочетания с лексико-синтаксическим значением относительно определенной части целого, напр., *ein Viertel Apfel* и неопределенной части целого, напр., *ein Stück Kuchen* помимо количества указывают на принадлежность этой части всему целому, т.е. имеют possessivno-атрибутивный семантический признак I I, с.288, 225 I.

Словосочетания с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими бытовые единицы объема

(Tasse, Glas) и стандартные упаковочные ёмкости (Flasche) помимо лексико-синтаксического значения; соответственно относительно точного и точного количества также имеют семантический признак вещественного содержания, передающий связь между содержащим и содержимым. В ряде случаев признак вещественного содержания может оттеснять квантитативно-атрибутивный на задний план и доминировать в словосочетании. Однако это выявляется только на уровне предложения. Например: 1/ Schwester Maria brühte eine Tasse Pfefferminztee (D.N.II, 126); 2/ Otto trinkt ein Glas Waldmeisterlimonade (Об., 199); 3/ Karl stellt ein Glas Bier auf das Klavier (Об., 215); 4/ Brenten öffnete noch eine Flasche Bier. (V., 235).

В первом и втором предложениях первый компонент выступает в значении меры, т.к. нельзя варить чашку и пить стакан, а можно кипятить чай и пить лимонад. Причем, если в первом примере словосочетание eine Tasse Pfefferminztee не имеет признака вещественного содержания, т.к. вряд ли возможно кипятить чай в чашке, то во втором этот признак присутствует, и предложение Otto trinkt ein Glas Waldmeisterlimonade можно представить следующим образом: 1/ Otto пьет лимонад, 2/ количество, которое пьет Otto, равно количеству, уместающемуся в стакане, 3/ лимонад, который пьет Otto, находится в стакане.

В третьем и четвертом примерах признак вещественного содержания настолько сильный, что оттесняет квантитативно-атрибутивный на второй план. В этих двух предложениях первый компонент реализует прежде всего свое предметное значение, т.к. нельзя поставить или открыть пиво, а можно поставить стакан, в котором находится пиво и открыть бутылку с какой-либо жидкостью.

Как видно из приведенных выше примеров, актуализация квантитативно-атрибутивного признака и признака вещественного содержания или выдвигание одного из них на первый план зависит от того, какой компонент словосочета-

ния семантически согласуется с управляющим глаголом II 2, с.134 II. Если с управляющим глаголом согласуется второй компонент, то основным является количественно-атрибутивное значение, осложненное или не осложненное признаком вещественного содержания. Если согласуется первый компонент, то основным является значение вещественного содержания, осложненное количественно-атрибутивным признаком. Вследствие того, что лексико-синтаксическое значение формируется на основе зависимого члена группы, в словосочетаниях с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими битовые единицы объема и стандартные упаковочные ёмкости, зависимый член группы и ядро словосочетания могут меняться местами. Таким образом в словосочетаниях с основным значением количественной атрибуции ядром является существительное, обозначающее вещество (Flasze), а зависимым членом - существительное, обозначающее меру (Liter). В словосочетаниях с основным значением вещественного содержания ядром является существительное, обозначающее сосуд, в котором находится вещество, и одновременно меру (Liter), а зависимым компонентом - существительное, обозначающее вещество (Flasze).

Итак, при исследовании семантики словосочетаний типа *ein Liter Milch* необходимо учитывать не только значение первого компонента и значение второго компонента, но и вариативность лексико-синтаксического значения в зависимости от однозначных и неоднозначных слов, семантически распространяющих исследуемую конструкцию, а также осложненность лексико-синтаксического значения количественной атрибуции другими семантическими признаками.

Литература

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. - 392 с.

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл, логико-синтаксические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 383 с.
3. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М.: Учпедгиз, 1957. - 295 с.
4. Белашапкова В.А. Современный русский язык. - У.: Высшая школа, 1981. - 560 с.
5. Виноградов В.В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.А. Пешковского, её эклектизм и внутренние противоречия. - В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950 с. 36 - 74.
6. Groot A.W. Classification of Wordgroups. - *Lingua*, 2, 1957, pp. 113 - 157.
7. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972. - 216 с.
8. Кашина Д.А. Функционально-семантическое поле количества в современном немецком языке: Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. - Горький, 1973. - 192 с.
9. Кульгавая В.М. Способы выражения неопределенного множества исчисляемых понятий в современном немецком языке: Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. - Иркутск, 1974. - 207 с.
10. Попова Т.Г. Субстантивные группы с монофлексом в современном немецком языке: Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. - Л., 1971. - 257 с.
11. Ries J. Was is Syntax? Beiträge zur Grundlegung der Syntax. Marburg: Elwert, 1894. - 164 S.
12. Филичева Н.И. Methodika "семантического синтаксиса" и возможности её применения при анализе языковых явлений. - Ученые записки МПИИЯ, 1968, т. 46, с. 211 - 227.
13. Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. - М.: Высшая школа, 1969. - 205 с.
14. Филичева Н.И. Принципы систематизации словосочетаний. - Вестник МГУ. Сер. 10: Филология, 1970, № 1, с. 39 - 51.
15. Шишкова Л.В. Субстантивные словосочетания типа *ein Glas Wasser*. - В кн.: Вопросы синтаксиса и стилистики немецкого языка. Л., 1963, с. 37 - 45.

В.Е. Кульбацкая

СТИЛЕРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЙ
СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Начиная с 50-х годов до настоящего времени советскими исследователями русской, немецкой, английской и французской стилистики приводятся в основном следующие функциональные стили: 1) стиль публичной (ораторской) речи, 2) стиль научной речи, 3) стиль прессы и публицистики, 4) стиль обиходно-разговорной речи, 5) стиль художественной литературы [1, с.19].

Некоторые исследователи говорят о подразделении стилей на подстили. Это касается в особенности стиля научной речи и стиля художественной литературы. Научный стиль предлагается подразделить на научный и профессионально-технический [2, с.20-22], а профессионально-технический в свою очередь на новые, более мелкие подстили по отраслям науки: ракетно-технический подстиль, электро-технический и т.д. Стиль художественной литературы предлагается подразделить на подстили в зависимости от литературных жанров.

Мы придерживаемся мнения тех лингвистов, которые считают, что проблема существования подстилей сводится только к терминологической проблеме и не представляется принципиальной [3, с.58]. По большинству параметров любая совокупность текстов художественной литературы будет достаточно определенно отличаться от параметров любой совокупности текстов научной литературы, т.е. взяв параметры любого произведения научной или технической литературы, можно определенно сказать, что это не стиль художественной литературы [3, с.45].

Изучая теоретическую литературу и исследования в области стилистики, мы пришли к выводу, что наиболее резко

отличаются друг от друга по многим уже установленным в стилистике параметрам научный, художественный и разговорный стили. Нам представилось целесообразным проследить "поведение" причастий именно в резко отличающихся друг от друга стилях. Это и послужило поводом выбора вышеназванных стилей для исследования в них причастий.

Различные свойства немецких причастий (отличительные характеристики причастий I и причастий II, диаметрально противоположные признаки истинных и адъективированных причастий, отличие адъективированных причастий одной группы от адъективированных причастий другой группы и т.д.) способствуют функциональным стилям в выборе из ряда причастий тех, которые соответствуют их задачам. В этом плане причастия, реализуясь в функциональных стилях, могут приобретать стилиразличительную функцию.

Целью исследования причастий в функциональных стилях является поэтому выявление преимущественного употребления той или иной причастной величины как стилиразличительного признака.

Определение частоты использования причастий в каждом из стилей и выявление преимущественного употребления тех или иных причастий решается нами с помощью статистических приёмов. Для наглядности результаты статистического анализа поданы в таблицах.

Анализ причастий в трех стилях с использованием приёмов статистики проведется по двум аспектам, а именно:

1) исследование причастий с точки зрения морфологии, 2) исследование причастий с точки зрения синтаксиса.

Материалом исследования причастий в научном стиле послужила научно-техническая литература. Для того, чтобы результаты исследования были более объективными, использовалась литература разных авторов из разных областей техники.

Материалом исследования причастий в художественном стиле послужили произведения современных немецких писателей. Причем для более объективных результатов исследования взяты более или менее разные жанры художественной литературы.

Материалом исследования причастий в разговорном (в разговорно-бытовом) стиле послужил диалогический разговор персонажей тех же произведений, которые послужили базой для исследования причастий в художественном стиле.

Так как причастия исследуются в плане сопоставления трёх стилей, статистическому анализу подвергается материал одинакового объёма для каждого стиля. Под одинаковым объёмом исследовательского материала имеется в виду одно и то же количество словоупотреблений текста каждого стиля. Статистический анализ, для которого исходным материалом являются разные по стилю, но одинаковые по объёму тексты, служит как для сравнения стилистического потенциала разных причастий (причастий I и причастий II, с одной стороны, истинных и адъективированных, с другой стороны) внутри одного и того же стиля, так и для сопоставления частоты употребления причастий в разных стилях.

Из текстов художественного стиля (объёмом 200000 словоупотреблений), научно-технического стиля (объёмом 200000 словоупотреблений) и разговорного стиля (объёмом 200000 словоупотреблений) (общим объёмом 600000 словоупотреблений) выбраны все причастия, кроме причастных форм в составе глагольных сказуемых. Их оказалось 10973. По стилям они распределились следующим образом: художественный стиль - 3616 причастий, научно-технический стиль - 6350 причастий, разговорный стиль - 1007 причастий.

Как упоминалось, в функциональных стилях употребляются причастия I и причастия II с одной стороны, истинные и адъективированные причастия с другой стороны. Например:

Художественный стиль

Neben ihr kniete ein Junge, der sich dauernd hin und her wandte, und am Profil, obwohl es dämmerig war, erkannte ich die geschwollenen Lider, den offenen Mund des Blöden, die rötlichen entzündeten Lider, die dicken Backen, den seltsam nach oben verschobenen Mund, und in den kurzen Augenblicken, in denen die Augen geschlossen waren, lag

ein überraschender und aufreizender Zug von Verachtung über diesem blöden Kindergesicht (H.Böll. Und sagte kein einziges Wort).

Научно-технический стиль

Sein Vortrieb kommt vielmehr dadurch zustande, daß seine Form und rotierende Bewegung einem Teil des umgebenden beweglichen Mediums Luft eine Geschwindigkeit entgegengesetzt zur beabsichtigten Bewegungsrichtung des Flugzeugs erteilen (H.Mielke. Raketentechnik).

Разговорный стиль

"In meiner Kirche werden die Messen der durchreisenden Priester gelesen, sie kommen aus den umliegenden Hotels, gepflegte Männer..." (H.Böll. Und sagte kein einziges Wort).

"Mein Gott, Sie müssen ja ganz durchnäßt sein"(ebenda).

Исследуемые причастия художественного стиля (3616 причастий), научно-технического стиля (6350 причастий) и разговорного стиля (1007 причастий) распределились на причастия I и II, на истинные и адъективированные следующим образом:

Таблица I

С т и л и	Причастия I		Причастия II	
	Абсол. цифры	Проценты	Абсол. цифры	Проценты
художественный (3616 - 100%)	1329	36,8%	2287	63,2%
научно-технич. (6350 - 100%)	2345	36,9%	4005	63,1%
разговорный (1007 - 100%)	256	25,4%	751	74,6%

Таблица 2

С т и л и	Ис. нные прич.		Адъектив. причастия	
	Абсол. цифр.	Проц.	Абсол. цифр.	Проценты
художественный (3616 - 100%)	2960	81,9%	656	18,1%

С т и л и	Истинные прич.		Адъектив. причастия	
	Абсол.цифры	Проц.	Абсол.цифры	Проценты
научно-технич. (6350 - 100%)	4320	68,0%	2030	32,0%
разговорный (1007 - 100%)	525	52,1%	482	47,9%

Общеизвестно, что истинные и адъективированные причастия выполняют синтаксические функции определения, предикативного определения, обстоятельства образа действия; адъективированные причастия выполняют также функцию предикатива.

В связи с синтаксическими функциями причастий представляется целесообразным рассмотреть обособленные причастные обороты как одно из интереснейших явлений в грамматике немецкого языка.

Из исследуемых такстов нами выбраны все причастные обороты. Их оказалось 1084 (627 - в художественном стиле, 339 - в научно-техническом и 118 - в разговорном). В причастные обороты входят чаще истинные причастия. Из них причастий I - 407, причастий II - 677.

Причастные обороты, встретившиеся в текстах, выполняют функции обособленного определения: Das Glück, durch den bloßen Anblick meiner Mutter hervorgerufen, hatte auf diesen grauen Gesichtern etwas Schreckliches (H.Böll); обособленного предикативного определения: Unsere Köpfe standen da wie in einem Kasperletheater, eingehüllt in den warmen Dunst, der den Pfannen entstieg (ebenda); обособленного обстоятельства образа действия: "... und ich sehe Carla noch länger, wie sie in die graue Mozartstraße hineinbummelt, ... nachinnend wohl über ein Strickmuster oder das Todesjahr Karls des Großen" (ebenda);... aber ich blieb stehen, mit dem Rücken gegen den Ofen gelehnt,... (ebenda); обособленного обстоятельства уступительности: Von einigen Spezialisten abgesehen, hat sich

für die Flugkörper selbst die historisch begründete Bezeichnung "Rakete" allgemein durchgesetzt (H.Mielke).

Однако перечисленные синтаксические функции причастных оборотов не имеют четко выраженных границ. Все они могут быть сведены к двум синтаксическим функциям: к предикативному определению и к обстоятельству образа действия, причем в функции обстоятельства образа действия употребляются чаще причастия I, а в функции предикативного определения - причастия II.

Причастный оборот, выполняющий ту или иную синтаксическую функцию, можно рассматривать как вторичный предикативный узел, дополняющий характеристику подлежащего (субъекта). Субъект главного и вторичного предиката по своему референту совпадает, поэтому он в причастной конструкции опускается. Референциальная общность субъекта даёт возможность совмещения двух предикативных отношений в одном предложении [4, с.10-62]. Например: ... ein winziges Männchen, das verloren dahinrollte zwischen Gebäck, mit wirren Bewegungen die Haare zurechtstreichend, an der Nase zupfend (H.Böll. Und sagte kein einziges Wort). Обособленные причастные обороты в этом предложении расширяют характеристику субъекта, привнося к его основному действию; выраженному глаголом-сказуемым, дополнительное (вторичное, второстепенное) действие. Вторичный предикат вместе с зависимыми от него пояснительными словами передаёт также состояние, настроение субъекта. Субъект причастной конструкции на основе референциальной тождественности можно легко восстановить, заменив причастную конструкцию самостоятельным предложением, где причастие станет сказуемым: Ein winziges Männchen streicht (strich) mit wirren Bewegungen die Haare zurecht; Ein winziges Männchen zupft (zupfte) an der Nase.

Обособленный оборот, в состав которого входит адъективированное причастие, не может выполнять роль дополнительного предикативного узла, так как здесь отсутствует временное отношение (одновременности или неодновременности), являюще-

еся основной, характерной чертой сказуемого (предиката). Такой причастный оборот раскрывает качество денотата и имеет лишь описательный характер. "Пропозиции в таких предложениях объединяются "чистой" конъюнктивной связью, без дополнительных семантических оттенков" [4, с.28].

О вторичном предикате в современном немецком языке можно говорить не только в связи с обособленными причастными оборотами. Высокий глагольный потенциал немецких причастий, исследуемых нами в трех стилях, позволяет говорить об этом шире. А именно:

Роль дополнительного предиката могут выполнять в современном немецком языке также истинные причастия в функции 1) простого определения: Unter den Dächern der Läden standen wartende Menschen (H.Böll); 2) распространенного определения: Die unter seiner Leitung hergestellten Raketen erreichten bis zu 4000 m. Flugweite (H.Mielke); 3) предикативного определения (без пояснительных слов, т.е. не представляющего собой причастного оборота): ... fühlte ich mich nicht eingeschlossen (H.Böll); 4) обстоятельства образа действия (без пояснительных слов, т.е. не представляющего собой причастного оборота): Ich wartete rauchend (ebenda).

Логично, на наш взгляд, причастия без пояснительных слов называть в данном случае вторичным предикатом, а причастия с пояснительными словами (в распространенных определениях, в обособленных причастных оборотах) - вторичным предикативным узлом.

Каждый из функциональных стилей использует для своих задач причастий II больше, чем причастий I, истинных причастий больше, чем адъективированных.

Из трех исследуемых стилей (художественного, научного, разговорного) самый большой процент истинных причастий использует художественный стиль, а самый маленький - разговорный стиль. Следовательно, самый большой процент адъективированных причастий имеет разговорный стиль, а самый маленький - стиль художественной литературы. Выбор языковых средств (лексических, грамматических) обуслови-

вают основные стиливые черты. Специфику художественной речи составляет образное отражение действительности. Для научной речи наиболее характерными стиливыми чертами являются объективность, абстрактность, логичность, точность, ясность и краткость изложения. Основными стиливыми чертами, определяющими обиходно-разговорную речь, являются субъективность и эмоциональность высказывания, конкретность, динамичность и краткость речи [5].

Научную и разговорную речь объединяет такая черта как компрессия высказывания. Это и обуславливает, на наш взгляд, преимущественное употребление в этих стилях адъективированных причастий (в роли определений, предикативных определений, обстоятельств образа действия), не осложненных какими-либо дополнительными семантическими оттенками. Художественный же стиль с его задачами удовлетворяет, пожалуй, больше преимущественное употребление истинных причастий (в роли определений, предикативных определений, обстоятельств образа действия), несущих дополнительную семантическую нагрузку.

Вывод:

Стилеразличительными признаками могут, по нашему мнению, служить: 1) для художественного стиля - преобладающая частота употребления истинных причастий (ср.: художественный стиль - 81,9%, научно-технический стиль - 68,0%, разговорный стиль - 52,1%), преобладающая частота употребления причастий в составе обособленных и необособленных оборотов (ср.: художественный стиль - 17,0%, разговорный стиль - 11,7%, научно-технический стиль - 5,3%); 2) для научно-технического стиля - преобладающая частота употребления причастий (ср.: научно-технический стиль - 3,1%, художественный стиль - 1,8%, разговорный стиль - 0,5%), преобладающая частота употребления причастий в составе распространенных определений (ср.: научно-технический стиль - 24,6%, художественный стиль - 7,5%, разговорный стиль - 3,2%); 3) для разговорного стиля - преобладающая частота употребления адъективированных причастий (ср.:

разговорный стиль - 47,9%, научно-технический стиль - 32,0%, художественный стиль - 18,1%).

Литература

1. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik.-Moskau: Hochschule, 1975.-316 S.
2. Мурат В.П. Об основных проблемах стилистики: Материалы к курсам языковедения. - М.:Изд-во Московского ун-та, 1957. - 43 с.
3. Троянская Е.С. К вопросу о лингвистических признаках функциональных стилей.- В кн.:Стиль научной речи.-М.:Изд-во Наука, 1968,с.43-58.
4. Супрун А.Е. Грамматика и семантика простого предложения. (На материале испанского языка).-М.:Наука,1977.-262с.
5. Ризель Э.Г. Стиль обиходной речи.-ИЯШ,1952,№ I,с.3-12.

М. Н. Лапшина

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРИЕМА "СМЕЩЕНИЕ" В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале просторечных имен лица)

В настоящее время многих исследователей привлекают проблемы, связанные с процессами номинации. Ономасиологический подход к языковому материалу представляется плодотворным, так как дает возможность вскрыть связь между окружающим миром, мышлением и языком.

В центре многих ономасиологических исследований стоит вторичная номинация, связанная с процессами переосмысления уже существующих языковых единиц. Анализируя механизм возникновения переносных значений, исследователи, в основном, рассматривают единицы, принадлежащие языковому стандарту, не обращаясь к другим лексическим пластам, в частности, к просторечию, которое дает интересные и разнообразные примеры семантической деривации.

В настоящей статье исследуется механизм образования переносных значений, представляющих собой стилистически маркированные, просторечные единицы, полученные в результате семантической деривации от стандартных стилистически нейтральных единиц, что дает возможность определить взаимоотношения этих единиц на лексико-семантическом уровне. Материалом для данной статьи послужили выбранные из американского тезауруса слэнга Верри и Ван ден Барка I I I, а также из словаря американского слэнга Вентворта и Флекснера I 2 I просторечные имена лица (216 лексико-семантических вариантов), относящиеся как к экспрессивному, так и к социально-профессиональному просторечию (термины В. А. Хомякова I B I). Все эти имена лица мотивируются только стилистически нейтральными именами лица, существующими в стандартной лексике.

Таким образом, рассмотрению подлежит такой способ вторичной косвенной номинации, как смещение, не находя-

щий, в отличие от других средств переносного наименования - метафоры и метонимии, широкого освещения в лингвистической литературе.

Смещение является способом переносного наименования, при котором переход названия от одного видового понятия к другому осуществляется внутри общего родового понятия I 4, с. 34 I. В процессе смещения в пределах семантической структуры слова происходит замена одних дифференцирующих сем другими при сохранении архисемы. В нашем случае в качестве такой архисемы выступает архисема "человек".

Рассмотрение не только единиц экспрессивного, но и социально-профессионального просторечия отнюдь не случайно; по справедливому замечанию М.М.Покровского, "...классы и профессии ... являютя большой творческой силой, дающей языку широкое многообразное развитие, так как каждый класс и каждая профессия имеет свой собственный жизненный опыт и соответствующий ему запас представлений" I 5, с.53 I.

Анализ материала показал, что существуют два типа смещения: 1) перенос наименования не сопровождается появлением в значении производного лексико-семантического варианта (ЛСВ) оценочного компонента: как опорный (стандартный), так и производный (просторечный) ЛСВ нейтральны с точки зрения оценки. К этому типу относится подавляющая часть переносов наименования (72,7%); 2) перенос наименования сопровождается появлением в значении производного ЛСВ оценочного компонента, который может быть как отрицательным, так и положительным.

Первый тип смещения рассмотрим на примере существительного **boxer**, имеющего 2 ЛСВ:

- boxer** - СЛ (стандартная лексика) боксер;
- Ш (просторечная лексика) арго преступного мира - валомдик сейфов, "медведатник".

С номинативной точки зрения в этом случае переноса наименования мы имеем сдвиг первичной денотативной соотнесенности: объектом первичной номинации (денотатом I) выступает боксер, объектом вторичной номинации (денотатом II) – вор, взломщик сейфов. Такой сдвиг денотативной соотнесенности происходит на основе переноса общего признака "физическая сила, ловкость" с денотата I на денотат II.

Прежде чем рассмотреть данное смещение в семантическом плане, остановимся на вопросе, какого типа семы могут присутствовать в семантической структуре слова. Выделяются три типа сем: это – архисемы (семы родового значения), дифференцирующие семы (семы видового значения) и потенциальные семы I 6, с.96 I. Для исследуемого материала исключительно важное значение имеют потенциальные семы, так как именно благодаря наличию в семантической структуре нейтральных слов этого типа сем и делается возможным смещение, в результате которого у стандартного слова появляется просторечный ЛСВ.

Потенциальные семы отражают побочные и возможные характеристики денотата, и их присутствие в семантической структуре слова совершенно закономерно. Это присутствие вытекает из соотношения лексического содержания слова и того "кусочка" реальной действительности, средством отражения которой оно выступает. Как известно, слово является средством не исчерпывающего отражения познания действительности и "поэтому наделение предметов названием всегда связано с определенным огрублением, определенной формализацией соответствующего фрагмента действительности" I 7, с.80 I.

Это приводит к тому, что предметы и явления объективной действительности, обладающие многими признаками и характеризующиеся с разных сторон, получают в слове лишь частичное отражение. Потенциальные свойства объектов могут отражаться в значении слова в виде потен-

циальных сем, которые способны актуализовываться в определенных условиях, предопределяя возможность сочетания слов, либо приводя к сдвигам в значении слов.

Возвратимся теперь к существительному *boxer*. При переносе наименования с денотата I на денотат II семантическая структура стандартного существительного претерпевает следующие преобразования: архисема "человек" остается в семантической структуре актуализируемого слова, дифференцирующая сема "спортсмен-боксер" приглушается, индуцируется новая дифференцирующая сема "ворваломщик". Индуцирование этой новой дифференцирующей семы становится возможным благодаря актуализации потенциальной семы "сила, ловкость", которая остается общей для прямого и переносного значения. Именно эта общая потенциальная сема цементирует прямое и производное значения в единое целое, сохраняя структурную целостность существительного *boxer* и делая подобного рода перенос лингвистически мотивированным.

Таким образом, в семантическом плане процесс смещения первого типа может быть интерпретирован как приглушение одних дифференцирующих сем и индуцирование других дифференцирующих сем на основе актуализации потенциальных сем, которые остаются общими для прямого и производного значения, не меняя своего статуса.

Такой механизм преобразования семантической структуры в процессе вторичной номинации характерен для большинства стандартных имен лица, являющихся опорными при образовании переносных значений, например, для *tailor* - III (медицинский жаргон) хирург; *pilot* - III (жаргон скачек) жокей; *mechanic* - III (жаргон картежников) шулер.

Процесс смещения, как было показано, в семантическом плане представляет собой актуализацию потенциальных сем. Эти потенциальные семы могут существовать в семантической структуре слова объективно, а могут и "приписываться" значению слова, часто благодаря различным субъективным ассоциациям, порождаемым отдельными признаками

денотата, например:

- professor** - III любой человек, носящий очки;
politician - III человек, имеющий легкую работу.

В подобных случаях можно говорить не об актуализации потенциальных сем, а об актуализации ассоциаций, определяемых всякого рода общественно-социальными, психологическими факторами, а также особенностями отдельных индивидов, их культурным уровнем, личным опытом.

Рассмотрим второй тип смещения, который сопровождается появлением в значении производного ЛСВ оценочного компонента, чаще всего отрицательного (отрицательный оценочный компонент приобретают 21,8% всех просторечных имен лица, полученных в результате смещения, в то время как положительный оценочный компонент находим только у 5,5% производных).

В ономастическом плане при таком типе смещения так же, как и при смещении первого типа, имеет место сдвиг первичной денотативной соотносительности, но признак, на основании которого этот сдвиг осуществляется, всегда "приписывается" денотату I благодаря актуализации различных ассоциаций: **philosopher** - III (арго преступного мира) обманщик; **greek** - III мошенник; **cobbler** - III плохой каменщик.

С семантической точки зрения при смещении второго типа имеет место приглушение дифференцирующих сем опорного слова и индуцирование дифференцирующих сем оценочного значения. Этот сдвиг сем происходит в результате актуализации различного рода ассоциаций, предопределяющих появление у производных единиц оценочного компонента.

Как показывают наблюдения, развитие в семантической структуре опорного слова потенциальных сем оценочного значения способствует профессиональная принадлежность объекта первичной номинации. Например: **broadcaster** - III шплетник; **plumber** - III (студенческий жаргон) тупой студент; **engineer** - III знаток своего дела, специалист.

С точки зрения преобразований семантической структуры опорного слова, смещение второго типа отличается от смещения первого типа тем, что при переносе наименования актуализированные потенциальные семы меняют свой статус и становятся дифференцирующими семами производного значения (при смещении первого типа актуализированные потенциальные семы своего статуса не меняют).

Оценочный компонент, который в результате смещения появляется в значении производного, отличается от оценочной коннотации, обнаруживаемой в системе языка (под коннотацией понимается "то постоянно присущее слову - дискретной единице языковой системы, дополнительное содержание, которое базируется на постоянных ассоциативных связях, вызываемых его вещественным значением" Г 8, с.88 I - разрядка наша, - М.Д.).

Оценочная коннотация обязательна для всех членов языкового коллектива. Оценочный же компонент (его также называют собственно-мировоззренческим, идеологическим или классово-политическим компонентом содержательной структуры слова Г 9, с.126 I), выделенный в рассматриваемых просторечных именах лица, зависит от различного рода общественно-социальных факторов. Он лингвистически не мотивирован.

Оценочный компонент представляет собой социальную оценку. Г.Клаус рассматривает социальную оценку как категорию прагматическую, т.е. оценку с позиции определенных классовых или партийных интересов Г 10, с.102-103 I. Такого рода социальные оценки не имеют обезличенного характера, а часто зависят от индивида, от его принадлежности к той или иной социальной группе, от его культурного уровня, профессиональных занятий, личностных установок и т.п.

Таким образом, социальная оценка - это сознательная речевая деятельность, ведущая за собой положительную или отрицательную позицию оценивающего по отноше-

нию к оцениваемому. Здесь мы сталкиваемся со специальным употреблением языка, а не с языковыми категориями, обнаруживаемыми в его системе. Несомненно, что в этом случае есть все основания для того, чтобы интерпретировать оценочный компонент как явление экстралингвистического порядка.

Итак, анализ такого способа вторичной номинации как смещение показал, что в ономазиологическом плане смещение характеризуется сдвигом первичной денотативной соотнесенности на основе переноса общего признака с объекта первичной номинации на объект вторичной номинации.

Одновременная двойная соотнесенность словесного знака с денотатом и референтом создает в процессе смещения семантическую двушановость, благодаря которой мы имеем конкретное-чувственное, наглядное представление об объектах окружающего мира.

В ономазиологическом и семантическом плане смещение осуществляется на основе семантико-ассоциативных связей отраженного понятия и введенного признака, что приводит к новой номинации. Основанием для переноса признака может быть актуализация потенциальных сем, делающая возможным сдвиг дифференцирующих сем. Актуализироваться также могут всякого рода ассоциативные связи, которые в силу своей субъективности, естественно, не получают лексико-графического описания. В этом случае лингвисту, стремящемуся исследовать внутриязыковые стимулы семантических изменений, необходимо учитывать и внешние по отношению к языковой системе факторы, прежде всего фоновые знания.

Литература

1. Lester V. Berry, Melvin Van den Bark. The American Thesaurus of Slang. Second Edition. - New York: Crowell, 1952. - 1033 p.
2. Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American Slang. - New York: Crowell, 1975. - 756 p.

3. Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол.наук. - Л.: 1980. - 39 с.
4. Гак В.Г. Беседы о французском слове. - М.: Международные отношения, 1966. -385 с.
5. Покровский М.М. Соображения по поводу изменения значений слов. - В кн.: Избранные работы по языкознанию. - М., 1959, с. 36-60.
6. Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. Тезисы докладов научной конференции "Вопросы описания лексико-семантической системы языка", ч. I. - М.,1971, с. 95-98.
7. Языковая номинация. Общие вопросы. - М.: Наука, 1977. - 358 с.
8. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. - Ташкент: Фан, 1973. - 405 с.
9. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. - М.: МГУ, 1969, - 190 с.
10. Клаус Г. Сила слова. - М.: Прогресс, 1967. -215с.

Е.Р.Лиела

СИНТАКСИЧЕСКИ-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ВАРИАТИВНОСТИ ПОРЯДКА СЛОВ В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ

(на материале английского, латышского и русского
языков)

Случаи отклонения от языковой нормы в поэтической речи многообразны и индивидуальны. Подавляющее большинство предложений в поэзии носит структурно нестандартизованный характер. Однако попытаемся в данной статье вскрыть некоторые закономерности порядка слов стихотворной речи, а также пределы его вариативности в трех описываемых языках. Если вариативность — по нашему определению это, совокупность вариантов возможной дислокации субъекта и его детерминант [I, с.79], то их максимальное количество должно сводиться к какому-то вполне конкретному числу. Предел вариативности можно установить как математический предел, т.е. как математически максимальное количество различных вариантов при конкретном числе варьируемых элементов. Термин "предел вариативности порядка слов" нами понимается как:

1) статистически возможный предел вариативности, т.е. полное совпадение возможного и реально обнаруженного количества вариантов. Этот предел мы называем конечным;

2) языковой (язычный предел) вариативности, т.е. реально обнаруженное количество вариантов, обусловленное особенностями описываемых языков. Конечный предел вариативности шире языкового предела, так как конечный предел предполагает наличие всех математически возможных вариантов

размещения субъекта и его детерминант.

Для того, чтобы выявить эти пределы, мы проанализировали значительный корпус предложений (II моделей предложения) поэтических текстов на трех языках. Приводим все сравниваемые II модели в их сокращенной форме.

I С-Д-активности

II С-Д-признака

III С-Д-активности - Д-пространства

IV Д-времени - С-Д-активности

У 1. С-Д-активности - Д-объекта

2. С-Д-активности - Д-объекта - Д-субъекта

VI С-Д-активности - Д-признака

VII С-Д-активности - Д-объекта - Д-пространства

VIII Д-времени - С-Д-активности - Д-субъекта

IX С-Д-активности - Д-объекта - Д-признака

X Д-времени - С-Д-активности - Д-пространства

XI Д-времени - С-Д-активности - Д-объекта - Д-пространства [2, с.90]

Из английских, американских, латышских и русских поэтических произведений выписывались подряд предложения, которые соответствовали какой-либо из II анализируемых моделей, а затем классифицировались по отдельным моделям, т.е. на каждую модель по 50 предложений: английской поэтической речи, 50 - латышской, 50 - русской. Таким образом, для каждой модели имеются 150 предложений; всего - 600 предложений для каждого языка. Весь отобранный материал составляет 1800 предложений поэтической речи на трех языках. Все анализируемые стихотворные произведения написаны на родном языке английскими, американскими, латышскими и русскими поэтами, начиная с 20-30 годов XX века и кончая современными поэтами, и большая часть использованных для анализа стихов относится к силлабо-тонической системе стихосложения, в основе которой - выравнивание числа слогов, количества и места распределения ударений в стихотворных строках.

Обработка отобранного материала - 1800 предложений поэтической речи на трех языках - дала возможность сравнить

количество вариантов языкового предела по моделям и по группам субъекта и детерминант с вариантами конечного предела. Если разместить их по уменьшению конечного предела, то получим следующую картину:

Субъект и детерминанты	Количество вариантов конечного предела	Количество вариантов языкового предела		
		Англ.	Лат.	Русск.
С	64	28	45	41
Д-активности	63	5	20	22
Д-объекта	54	9	23	25
Д-времени	38	13	24	26
Д-пространства	38	8	17	15
Д-признака	9	4	8	9
Всего	268	67	137	138

Таблица указывает на принципиальное сходство языкового предела поэтической речи трех языков по показателю частотности употребления групп вариантов, т.е. первое место по количеству вариантов языкового предела занимает группа субъекта, второе место - группы Д-времени, третье - Д-объекта, четвертое - Д-пространства и пятое - Д-признака. I - С, II - Д-времени, III - Д-объекта, IV - Д-пространства, V - Д-признака - такова количественно уменьшающаяся частотность вариантов языкового предела трех языков независимо от различий их строя.

Оговорку следует сделать относительно Д-активности. Именно здесь из-за различия строя языков такого сходства нет. В английском языке насчитывается только 5 вариантов из группы Д-активности, в то время как в латшском и русском языках их соответственно 20 и 22. Но сходство наблюдается в другом: большинство групп вариантов Д-активности трех языков относится к моделям с наибольшим количеством варьируемых элементов, например, в английском языке - модели III, У(I), VI, где имеется 3 варьируемых элемента и I вариант модели X с 2 варьируемыми элементами; в латшском и русском языках -

основная масса групп вариантов Д-активности относится к моделям I, Ш, IV, У(I), VI, т.е. к моделям с 2 и 3 варьируемыми элементами. В этих моделях языковой предел групп Д-активности совпадает с конечным пределом - 9 вариантов. Языковой предел Д-активности в моделях, состоящих из 4 варьируемых элементов, значительно меньше конечного: в латышском языке - II вариантов из 30 возможных, в русском 12 из 30. В модели XI, где имеется 5 варьируемых элементов, обнаружен только I вариант в русском языке с Д-активностью. В английском и латышском языках таких примеров нет совсем. Следовательно, по мере увеличения числа варьируемых элементов в предложении уменьшается число вариантов с Д-активностью в начальной позиции во всех трех описываемых языках.

Обобщая анализ некоторых особенностей порядка слов стихотворной речи и пределов их вариативности, можно сделать следующие выводы. Стихотворную речь характеризует:

1. Широкий языковой предел вариативности любой модели, т.е., чем больше количественный набор предложений поэтической речи, тем больше вариантов имеет каждая модель.

2. Из этого следует, что чем шире языковой предел вариативности и чем больше набор предложений, тем ближе языковой предел конечному, математически максимальному пределу вариативности. Можно выразить допущение, что при очень большом количестве анализируемых предложений произошло бы полное совпадение этих двух пределов.

3. Когда языковой предел в поэтической речи приближается к конечному, мы видим сходство языков разного строя, их структурные различия как бы стираются. Однако нужно подчеркнуть, что это утверждение истинно только в отношении поэтической речи.

Литература

1. Лица Е.Р. Сопоставительный анализ пределов вариативности порядка слов в стихотворных текстах разных языков. - В кн.: Контекстуальная семантика. - Рига, 1982, с. 79-85.
2. Лица Е.Р. Семантическая обусловленность порядка слов в стиховой речи. - В кн.: Синтагматическая обусловленность лексической семантики. - Рига, 1980, с. 87-95.

Б.Л.Лихтерова, М.Н.Бушмане

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ЕДИНИЦ

Инновации на всех языковых уровнях - характерная тенденция в современном языкознании. Особенно широко представлены инновации на синтаксическом уровне, что объясняется, главным образом, взаимодействием различных функциональных стилей в процессе коммуникации. Это явление, характерное для многих языков, в частности, немецкого, русского и латышского, предполагает значительное влияние языка устного общения на язык письменный, а также художественной литературы, научной прозы, прессы и публицистики [1, с.78, 280].

Действительно, проблемы разговорного синтаксиса приобрели в последние годы особую актуальность, так как именно говорящий имеет наибольшие возможности передавать определенную информацию. Использование в письменном языке различных функциональных стилей выразительных возможностей разговорного синтаксиса обусловлено желанием пишущего, в самом широком смысле слова, чтобы его информация была эффективно кодирована.

В современном немецком языке к числу выразительных возможностей разговорного синтаксиса относится "разрыхление" строя немецкого предложения. Как одну из форм проявления "разрыхления" немецкого предложения мы рассматриваем парцелляцию, или изоляцию, или сепаратизацию придаточного предложения с целью подчеркивания экспрессивного характера информации, заключенной в нем. Такого рода самостоятельно функционирующее придаточное предложение выражает особую экспрессию на синтаксическом уровне.

В лингвистической литературе отсутствует терминологическое единство по вопросу о данном синтаксическом явлении. Так, в грамматике русского языка говорится о парцелляции, у Э.Г.Ризель и А.Р.Буш — об изоляции придаточного предложения [2, с.621, 161, 275]. Е.В.Гулыга называет совсем иной термин — "сепаратизация", и далее мы читаем, что "особое явление представляет сепаратизация, которая заключается в расщеплении сложноподчиненного предложения на два единства: главное предложение превращается в самостоятельное, а придаточное начинает функционировать в качестве самостоятельного, приобретая большую коммуникативную нагруженность при сохранении значения" [3, с.48]. В.Д.Девкин пишет о дебандадной, разрывающей строй немецкого предложения, тенденции, типичной для разговорного синтаксиса [4, с.38].

Нам представляется логичным использование описательного термина "самостоятельно функционирующее придаточное предложение" как выразительное средство во избежание неясности в вопросе терминологии и для того, чтобы отграничить данное синтаксическое единство от псевдопридаточного предложения, от эллиптически употребляемых придаточных в составе вопросно-ответного единства, а также от придаточных — заголовков.

Главным критерием для изучения придаточных предложений, функционирующих самостоятельно для выражения особой экспрессии на синтаксическом уровне, служит контекст. В.Г.Адмони определяет контекст как "понятие прежде всего смысловое, указывающее на наличие смысловых связей между данной речевой единицей и другими речевыми единицами в тексте ... Состоит эта смысловая связь, в самом общем виде, в том, что предшествующий контекст подготавливает и намекает реальное смысловое содержание данной речевой единицы.." [5, с.351 — 352].

Контекст как лингвистическая модель, по М.Риффатеру, нарушается "непредсказуемым элементом" [6, с.87]. Применительно к изучаемым единствам, придаточное предложение, оторванное от главного, намеренно отторгнутое из состава сложного единства и является тем непредсказуемым элементом, который создает стилистический эффект и подчеркивает экспрессию.

Анализ конкретного языкового материала позволил выявить три основных фактора, благоприятствующих появлению в контексте придаточного предложения как выразителя особой экспрессии на синтаксическом уровне:

- 1/ экстралингвистический фактор;
- 2/ лингвистический фактор, обусловленный семантико-синтаксическими особенностями изучаемого контекста;
- 3/ стилистический фактор, обусловленный выразительными возможностями языковых средств разных уровней.

Взаимодействие этих трех факторов создает благоприятный фон, на котором ярко проявляется стилистический контраст между двумя начинающими функционировать самостоятельно единствами, составляющими изначально одно целое.

Экстралингвистический фактор для возникновения благоприятного контекста создается ситуацией, соотносящейся с одной из форм протекания речи. Поэтому, как правило, контекст с самостоятельно функционирующим придаточным предложением является частью прямой речи или репликой как частью диалогической речи, авторской речи, но чаще всего внутренним монологом. Внутренний монолог, отражающий образ мысли героя, способствует передаче особенностей мыслительного процесса с его частой незавершенностью синтаксических структур, фрагментарностью, желанием подчеркнуть отдельную неординарную мысль, фразу. В таком типичном контексте и появляется элемент, разрывающий равномерное, плавное построение предложений. Придаточное предложение подвергается эмфазе, отторгается от главного, начинает

функционировать самостоятельно как "непредсказуемая" синтаксическая единица.

Лингвистические особенности изучаемых контекстов обусловлены, прежде всего, функциональным стилем языка устного общения, что подчеркивается экспрессивно окрашенной лексикой.

Синтаксическая дистрибуция описываемых единств характеризуется следующими особенностями: наличием в контексте обособленных приложений, синтаксических фразеологизмов, предложений с дефектной рамочной конструкцией, амфитическим порядком слов, намеренным варьированием определенного и неопределенного артикля с целью подчеркивания отрезка информации, изменением актуального членения предложения. Следует отметить, что в контексте могут быть различные коммуникативные типы предложений при ведущей роли восклицательного предложения. Часто самостоятельно функционирующее предложение включается в цепочку однородных придаточных предложений; при этом в сложном синтаксическом целом нарастает напряжение, которое достигает кульминации в намеренно отторгнутом придаточном, начинающем функционировать самостоятельно.

В качестве доказательства приведем примеры двух благоприятных контекстов.

Das geben wir zu, ohne zu schämen: DaB uns die Seewinde und die Stromnebel betört und behext haben, zu bleiben - hierzubleiben, hier zu bleiben! DaB uns der Alsterbach verführt hat, unsere Häuser reich und ringsherum zu bauen - und daB uns der Strom, der breite Strom verführt hat, ... (W.Borchert "Hamburg")

Wir gewöhnen uns wieder, ruhig zu schlafen. Wir leben aus dem vollen, als gäbe es Übergenug von diesem seltenen Stoff Leben, als könnte er nie zu Ende gehen ... Das wiegt alles auf: DaB wir uns gewöhnen ruhig zu schlafen. DaB wir aus dem vollen leben, als gebe es Übergenug

von diesem seltsamen Stoff Leben. Als könnte er nie zu Ende gehen. (Ch. Wolf. Der geteilte Himmel).

Из всего выше изложенного следует третий, стилистический фактор, способствующий появлению в контексте "непредсказуемого" элемента. Стилистический фактор обусловлен в нашем случае выразительными свойствами семантики и синтаксиса, в частности, непринужденностью, фрагментарностью, юмором, возмущением, иронией.

Таким образом, придаточные предложения, оставшие самостоятельными вследствие намеренного членения сложноподчиненного предложения, являются важным, приобретающим актуальность свойством разговорного синтаксиса. Продуктивность данной синтаксической инновации, ранее естественной только для функционального стиля устного общения, позволяет рассматривать ее как синтаксическое явление на пути к норме.

Литература

1. Гулыга Е. В., Розен Е. В. Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка. - Л.: Просвещение, 1977. - 159 с. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1968. - 366 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1970. - 754 с. Riesel E. Stil der deutschen Alltagsgespräche. Moskau, 1964, 301 S. Buscha A. - R. Isolierte Nebensätze im dialogischen Text. - Da F, 1976, N 5, S. 274 - 279.
3. Гулыга Е. В. Функционирование придаточных предложений в качестве самостоятельных. - ИДВШ, М.: Высшая школа, № 4, с. 38 - 48.
4. Девкия В. Д. Специфика "разговорности". - В кн.: Вопросы немецкой разговорной речи. - М.: Международные отношения, 1974. - 296 с.
5. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. - Л.: Наука. - 361 с.
6. Риффатер М. Критерии стилистического анализа. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. - М., 1981. - 429 с.

А.С.Нацисционе

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТРУКТУРЕ СТИХА
(на материале английского ямба)

В функционировании фразеологических единиц (ФЕ) в стихотворной и прозаической речи много общего, так как и та и другая строится из языковых элементов по законам, единым для речевых форм данного языка. Вместе с тем во взаимоотношении ФЕ и стиха как единого целого обнаруживается ряд особенностей. Специфика функционирования ФЕ в стихе проявляется в ритме, возникающем вследствие диалектического взаимодействия свойств ФЕ и метрического задания стиха.

Известно, что многие ФЕ в своей исходной форме, т.е. как языковые единицы, несут в себе определенный ритм, в основе которого лежит равномерное чередование ударных и неударных слогов. По мнению Т.Р.Свартегрена, более чем три четверти всех компаративных ФЕ характеризуются четко выраженной ритмической структурой [1, с.469]. Особенности акцентно-слоговой структуры ФЕ в поэтическом тексте впервые были рассмотрены Н.Н.Данченко [2]. Сравнительный анализ поэтических и прозаических текстов английских романтиков позволил автору выявить регулярность акцентно-слоговой организации ФЕ и сделать вывод, что приблизительно 75% ФЕ, внесенных в стих, являются ритмически строго организованными [3, с.19].

Ритмические свойства ФЕ, заключенные в системе языка, проявляются в стихе и подчиняются закономерностям ритмической организации его повторяющихся структурных элементов:

стопы, стихоряда, строфы. ΦE ямбической урегулированности могут полностью занимать отдельные (одну и более) стопы стихоряда. В этом случае мы имеем дело с идеальным совпадением акцентно-слоговой структуры ΦE и метрического закона. Например:

Then take thy bond, take thou thy pound/ of flesh ...
(W.Shakespeare. The Merchant of Venice)

How great a change! how quickly made!

They learn to call/ a spade/ a spade ...
(J.Swift. Strepson and Chloe)

Многие ΦE , первый слог которых ударный, не нарушают ямбическую стопу благодаря предшествующему безударному слогу в стихе [3, с.26]. Вне стихового контекста эти ΦE имеют хорейское начало, т.е. обнаруживают последовательность слогов: ударный - неударный. В стихе же они становятся частью ямбической строки, что обусловлено: 1) предшествующим безударным словом (артикли, предлог, союз, местоимение):

A n d high/ and low the influence know ...
(W.Scott. County Guy)

2) неударным конечным слогом предшествующего многосложного слова:

Ne shalt tu beon wurmes fode...^I
(Ancren Riwe, 1225)

3) ослаблением ударения на предшествующем полнозначном слове, которое в прозаическом тексте стоит под ударением:

And with my hand t u r n fortune's wheel about...
(Chr.Marlowe. Tamburlaine)

Анализ материала показывает, что ΦE тяготеют к концу стихоряда [6, с.70; 2, с.158]. В тех случаях, когда ΦE за-

^I Уст. [4, с.307]; совр.англ. - to be food for worms. Произношение конечной -e в стихе в среднеанглийском периоде было факультативным, т.е. только там, где этого требовала ритмико-слоговая структура строки [5, с.141].

вершает стихоряд, нередко создается стилистический прием градации:

He stru'd, / he roar'd, / he storm'd, / he tore / his hair.

(A. Pope. January and May)

Однако было бы ошибкой предполагать, что ΦE нерегулярной акцентуации не могут быть внесены в стих в их usualной форме и, следовательно, могут быть использованы только в прозе. В этой связи представляется целесообразным выяснение механизма взаимодействия ΦE и стиха:

- 1) Какие возможности предоставляет стих для использования ΦE нерегулярной акцентуации (без окказиональных изменений)? Какие для этого имеются в стихе предпосылки?
- 2) Какими ритмообразующими возможностями обладают ΦE ? Как они приспособляются к стихотворному тексту и как с ним взаимодействуют? Как ΦE используют диалектическое противоречие между метром и ритмом?

Общеизвестно, что полное совпадение метра с ритмом - явление редкое, а ритмические вариации в стихе - явление обычное. Прелесть ритмических каденций как раз и заключается в допустимых отступлениях от монотонной метрической повторности. Отступления от метра ощущаются как "своеобразный ритмический прием, уклоняющийся от привычной нормы" [7, с.57]. Итак, существование в стихе различных ритмических вариаций не противоречит общей метрической заданности стиха. Именно ритмические вариации способствуют превращению фразеологического материала в часть ямбического стиха. Пропуски ударения на икте, т.е. на метрически ударном слоге, облегчают движение стиха и создают пиррихий в тех случаях, когда на икт попадают такие неударные компоненты, как a, the, of, to, at и др.

We fail!
But screw / your / courage / to / the / sticking / place,
And we'll not fail.

(W. Shakespeare. Macbeth)

Нарушение метрической схемы появлением ударения на неикте, т.е. на метрически неударном слоге, создает спон-

дей и способствует актуализации в стихе ФЕ, имеющих два последующих ударных односложных компонента:

The Proverb says, : N o F e n c e / a g a i n s t / a F l a y l .

(J.Swift. On Stephen Duck, the Thresher
and favourite Poet)

Использование двух неямбических стоп (спондея и пиррикия), поддерживаемое цезурой, способствует смысловому выделению ФЕ и созданию эмфазы. Наличие отдельных неямбических стоп не противоречит общей метрической заданности ямбического стиха, оно диалектически объясняется как исключение, подтверждающее правило. Ритмические вариации дают возможность использовать в ямбическом стихе ФЕ, которые в своей исходной форме не обнаруживают идеального ямбического чередования слогов.

ФЕ в стихотворном тексте подчиняются закономерностям ритмического движения, в частности, закону метрической инерции удара, от которой зависит данный материал и которая ощущается как инерция ритма [8, с.22; 7, с.62]. Таким образом, ямб обнаруживает метрическую инерцию ударности на четных слогах, изменяющую акцентуацию фразеологического материала в стихе. Например, ФЕ *'nat worth an 'oystre*^I, взятая как единица языка, имеет сильное ударение на первом, втором и четвертом слоге. Поставленная в строку ямбического стиха, эта ФЕ становится ямбической - благодаря метрической инерции происходит ослабление ударения на отрицательной частице *not* (которая в несокращенной форме в прозаическом тексте всегда стоит под ударением), и ФЕ становится частью стихотворного ряда:

But thilke text/heeld ne / n a t worth/an oystre.

(G.Chaucer. The Canterbury Tales)

Сопоставление исходных форм ФЕ с их стихотворной актуализацией выявляет возможность переакцентуации компонентов ФЕ. Например, в ФЕ *to 'bring to 'mind* глагольный ком-

^I Уст.

понент *bring*, выраженный смысловым глаголом, оказывается неударным в результате общей ритмической инерции стихотворения:

I balanced all, / brought all to mind,
The years to come seemed waste of breath...

(W.B.Yeats. An Irishman Foresees his Death)

Происходит и обратный процесс, когда под влиянием ритмической инерции неударный компонент (например, двухсложный предлог), попадая на икт, получает добавочное ударение. Таким образом неурегулированное чередование ударений $\Phi\Xi$ превращается в стихотворный ритм:

the swan singeth ayeins his death^I

Right so, quod she, as that the whyte swan
A ye in s / his death beginneth for to singe...

(G.Chaucer. The Legend of Good Women)

Закономерности ритмической инерции создают предпосылки для использования в стихе таких $\Phi\Xi$, в составе которых имеется многосложный компонент. Попадая на метрически ударное место, неударный слог многосложного компонента приобретает дополнительное ударение:

Such talkyng is not worth / a boterflye...

(G.Chaucer. The Canterbury Tales)

Метрический закон требует для ямбического стиха ударения на последнем четном слоге [7, с.65]. Таким образом, $\Phi\Xi$ подчиняется метрическим закономерностям и становится ритмически значимым элементом стихотворного ряда.

$\Phi\Xi$ может занимать и целую строку как четырехстопного, так и пятистопного ямба. В таком случае $\Phi\Xi$ представляет собой ритмико-синтаксическое и смысловое целое определенной степени законченности и выступает как структурный стихобразующий элемент - единица стихоряда. Например:

Thanne is it wysdom, as it thynketh me,
To maken vertu of necessitee...

(G.Chaucer. The Canterbury Tales)

^I Совр.англ. - swan song.

При функционировании ФЭ в стихе следует учесть просодические моменты. Как известно, ударение – понятие относительное. Деление слогов на ударные и неударные – это упрощенная формула ритма, так как на самом деле в реальном ритме существуют различные промежуточные ступени ударности [7, с.115]. Просодические изменения компонентов ФЭ раскрывают специфику функционирования ФЭ в стихе в отличие от прозы. Изменение произношения ФЭ и появление в ФЭ второстепенного ударения – более слабого ударения на икте или более сильного ударения на неикте – вписывает ФЭ в ямбический ряд и подчеркивает общее ритмическое движение стиха.

Таким образом, в пределах основной метрической схемы ФЭ подчиняются закономерностям ритмического движения. Появление дополнительных ударений, пропуски метрических ударений, перестановка ударений изменяют восприятие ритмической группировки фразеологического материала. В упорядочении расположения ударений на компонентах ФЭ в стихе и заключается важнейшее отличие функционирования ФЭ в стихотворном тексте от функционирования их в прозаическом тексте.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что функционирование ФЭ в стихе зависит не только от коммуникативного задания стихотворного текста и желаемого стилистического эффекта, но и от метрических и ритмических закономерностей и их взаимодействия с ФЭ. Способность ФЭ служить средством урегулирования ритмического строя стиха включает в себе ритмообразующие потенции, которые заложены в системе языка и проявляются при использовании ФЭ в стихотворной речи. ФЭ становятся значимым элементом стихотворного ряда, частью стихотворной формы произведения.

Литература

1. Svartengren T.H. Intensifying Similes in English. Inaugural Diss. Lund, 1918. - 473 p.
2. Данченко Н.Н. Акцентно-слоговая структура фразеологических единиц в стихотворном тексте (на материале поэмы Дж. Байрона "Дон Жуан"). - Учен. зап. Латв. гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1976, т. 248, с. 143 - 158.
3. Данченко Н.Н. Стилистическое функционирование фразеологических единиц в поэтическом тексте (на материале стихотворных произведений Дж. Байрона): Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. - М., 1977. - 177 с.
4. The Oxford English Dictionary, - Oxford: Clarendon Press, 1933, vol. XII. - 944 p.
5. Тарлинская М.Г. Структура и эволюция английского стиха: Дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. - М., 1975. - 358 с.
6. Writing B.J. Chaucer's Use of Proverbs. - Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1934. - 196 p.
7. Жирмунский В.М. Введение в метрику. - В кн.: Жирмунский В.М. Теория стиха. - Л.: Советский писатель, 1975, с. 3-234.
8. Недоброво Н.В. Ритм, метр и их взаимоотношения. - Труды и дни, 1912, № 2, с. 14-23.

В. П. Никишин

СООТНОШЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА И СТИЛЯ ПЕЧАТНОЙ
СЛОВЕСНОСТИ США /XVIII-XX вв./

Известно, что фонетическая, морфологическая и словарно-синтаксическая организация речи в лингвистике имеет название "язык". Содержание этого понятия отличается от содержания понятия "язык" в общественно-речевой практике. Во втором значении языком называется языковая деятельность, а в первом — часть правил, организующих эту деятельность. Язык как лингвистическая система представляет собой абстракцию, которой отвечают определённые черты реальности языка /во втором значении/. Абстракция сама по себе не может развиваться и эволюционировать. Развивается и эволюционирует реальность. Этой реальностью является институт языка организующий общество /то есть язык во втором значении/. Как указывает сравнительное языкознание, источником и движущей силой эволюции и развития является языковая деятельность. Однако языковая деятельность не изучается полностью в лингвистике в силу того, что лингвистика представляет собой одну проекцию языковой деятельности. Поэтому механизмы эволюции и развития языка оказались неисследованными; были зарегистрированы лишь результаты этих изменений. Полностью языковая деятельность может быть представлена филологией. С точки зрения филологии человек является исходным пунктом в движении языка. Именно индивидуальные действия людей являются той энергией, ко-

торая движет инертный по своей природе материал речи.

Наиболее концентрированной формой человеческого воздействия на язык является, по-видимому, языковая политика. Ясно, что языковая политика не может быть абсолютно произвольной — как субъективный фактор она подчиняется объективным обстоятельствам. Однако языковая политика может определенным образом влиять на различные стороны жизни языка: на избрание системы языка, на утверждение языковой нормы, на развитие просвещения на каком-либо языке, на стиль речи, на этикет речи. Поэтому представляется целесообразным кратко рассмотреть действие языковой политики в области создания некоторых наиболее общих законов о печатной речи в США. Эти законы являются юридическим аналогом этикетных правил речи. Выбор этой страны обусловлен следующими причинами. Американская нация формировалась на основе различных этнических компонентов, обладающих различным речевым этикетом, вследствие чего возникала необходимость юридического регулирования речевых отношений. При создании американской государственности, деятели языковой политики США рассматривали язык лишь как систему, безразличную к содержанию выражаемых этой системой идей. Поэтому основное внимание американских политиков направляется на разработку нормативов для юридической квалификации речевых поступков. В результате этой деятельности американских политиков имеется богатый материал для исследования. Выбор законов о печатной речи обусловлен тем, что печатная речь доминировала над устной и письменной речью в течение длительного времени, формируя стиль мысли, стиль жизни.

Центральное место среди законов о печатной речи занимает авторское право. В соответствии с принципиальным требованием

законодательства об авторских правах, печатное сочинение должно обладать определённой новизной, т.е. не быть плагиатом или контрафакцией печатных сочинений уже имеющихся в распоряжении читателей. Однако понятие "новизна" оказалось трудно определимым, также как и понятия "плагиат", "контрафакция". Создатель нового текста использует в той или иной мере уже созданные тексты других авторов, пользуется языком, который является общественным достоянием, темы и проблемы подсказываются самой жизнью. Поэтому юридическая мысль встала перед необходимостью выработки правил создания новых текстов: в какой мере и как можно использовать тексты предшественников, как использовать язык, чтобы считаться автором, считать ли темы и проблемы общественным достоянием, что нового создатель текста должен привнести в текст.

Рассмотрим кратко как формировался корпус этих правил в США. Важно отметить, что правила могут иметь характер рекомендаций и запретов. Рекомендация означает, что создателю текста предписывается действовать только в соответствии с рекомендацией; остальные возможные действия исключаются. Запрет, напротив, исключает какое-либо указанное действие, разрешая остальные возможные действия.

Закон об авторском праве от 1790г. и дополнение к нему от 1802г. гарантировали американскому автору монопольное право на печатание, перепечатку, продажу своих сочинений в США в течение 28 лет со дня публикации. Печатное сочинение должно содержать правильную авторскую атрибуцию, автор должен был опубликовать оповещение в газете о своей заявке на авторство данного сочинения. Любопытно однако заметить, что права иностранных авторов никак не оговаривались в тексте законов. Тем самым для американских издателей складывалась выгодная возможность публиковать

иностранных авторов, в особенности британских, не выплачивая им гонорар. Тексты сочинений британских авторов присваивались целиком, с подлогом в авторстве и без него, тексты произвольно искажались и изменялись. Если престиж автора был высок, его авторство сохранялось, без уплаты, впрочем, гонорара. В большинстве случаев европейская культурная традиция попросту передевалась в американскую обложку и выдавалась читателю за местное достижение. Понятно, что публиковать американского автора было невыгодным делом — он мог на основании законов требовать гонорар. Таким образом, антимонархические принципы, декларированные при создании американской государственности подрывались массовым ввозом сочинений из королевской Англии.

Закон от 1831г. впервые подходит к текстологическому анализу. Этот закон запрещает "печатание, перепечатку и распространение текстов без согласия авторов, а также вариаций текстов, добавлений, сокращений изготовленных с целью обойти закон". Закон запрещает, во-первых, полную перепечатку текста и, во-вторых, включает в обязанности суда текстологический анализ для выявления нарушения авторского права, т.к. изменение текста можно произвести только указанным выше способом: делением текста на части, добавкой частей текста, изменением частей текста. Оговорка "с целью обойти закон" не запрещала перечисленных действий как таковых с текстами предшественников, признавая законной определённую связь между текстами разных авторов, но не устанавливала, однако, меру и характер этой связи. Понятно только, что принципиальный запрет законодательства на копирование требует некоего нового освещения заимствованного в новом тексте.

В решении суда по делу Эмерсон против Дэвиса в 1845г. были сформулированы следующие положения: "Так как суть нарушения со-

стоит в копировании, должно быть доказано, что скопировано больше, чем некоторый объём познаний, доступный всем". В этом прецеденте дан новый тип семантического анализа, важный для текстологии: понятие об общности знаний на момент создания нового текста. Новизна текста определяется по отношению к этому общему объёму знаний, которым пользуются все. Это юридическое положение даёт основание более позднему принципу текстологического анализа: изучать смысл текстов в контексте знаний эпохи в которую созданы эти тексты. Необходимость установления новизны текста, вносимой в общий объём знаний, подвела мысль законодателей к проблеме стиля, поскольку стиль сочинения есть его важнейшая историческая черта. В этом же процессе дан следующий прецедент: "Имитация стиля и черт другой работы не является нарушением. Но имитация, которая настолько близка к оригиналу, что является увёрткой по отношению к закону, является нарушением. Копирование - одно, имитация - другое... Возможно сильное сходство при отсутствии, однако, идентичности. Можно сказать, что работа скопирована, исходя из количества материала. Но этот принцип, как общее правило, принять нельзя. Верно, что имитация может быть едва заметной, но оставаться при этом имитацией. С другой стороны, она может быть очень близкой к оригиналу, настолько близкой, что являть собой явную увёртку, хотя и не быть явной и дословной копией". Законодательная мысль даёт в этом процессе различие стиля: стиль, свойственный многим авторам, пишущим в одно время /например стиль литературной школы/ - в этом случае общность стиля законна; личный стиль автора, который копировать нельзя. Личный стиль в этом

решении не связывается прямо со смысловой новацией. Поэтому решение суда можно толковать двояко: в печатном сочинении должна быть представлена новация смысла и личного стиля; в печатном сочинении должна быть представлена либо новация смысла, либо личного стиля. Интересно, что в зависимости от преобладания того или другого компонента в сочинении оно может быть отнесено либо к художественной либо к научной литературе. В научной литературе для признания авторства нужно доказать наличие новизны смысла — в соответствии с требованием патентного законодательства, стиль же является общим достоянием. В художественной литературе нужно доказать наличие новизны стиля — в соответствии с законодательством об авторских правах, смысловое содержание работы является общим достоянием. В этом же процессе было вынесено следующее решение: "Предполагаемое копирование не является нарушением, если идентичность вызвана тем, что в работах использован общий источник или из-за особенностей характера работ". Обобщённая форма этого решения может предполагать разрешение заимствовать структурные части художественных сочинений, например сюжета, при условии введения личного стиля или пространственных частей, при условии введения нового смысла.

Закон от 1909г. гарантировал права авторов производных сочинений: переделок оригинала, вариаций, пародий. Этот закон получил детализацию в серии судебных прецедентов в 1909-1947гг. Рассмотрим выдержки из решений судов в основных процессах этого периода.

1909г. Дэм против Кирк ля Шель Компани: "Анализ решений судов, в которых фигурируют термины "тема", "сюжет" показывает, что эти термины употребляются без существенного различия. Присвоение темы и сюжета не является нарушением. Однако нарушением скорее является присвоение презентации темы, способа её раскрытия, украшений и специфических деталей".

1911г. Рикарди Компани против Мэйсона: "Резюме на пьесу или оперу в газете или брошюре - честное использование, а не нарушение".

1914г. Востон энд Мартель против Хилла: "Если нет копирования, но есть уменьшение ценности произведения критическим отзывом - нет оснований для возбуждения дела о нарушении авторских прав. Пародия - честное использование, а не нарушение, если не подменяет собой самого произведения".

1916г. Ландон против "Биограф Компани": "Если сюжет не нов, то в повторении его нет нарушения, если в дополнение к этому не присвоены ещё украшения и другие специфические детали сюжета".

1918г. Франклин против Ирвина: "Сюжет следует отличать от окружающей обстановки. Тот факт, что два произведения основываются на одной и той же окружающей обстановке, не есть нарушение. Так как сам по себе эпизод не защищается авторским правом, сумма нескольких эпизодов не составляет сюжета на который распространяется авторское право".

1929г. Шелдон против Метро Голдвин Сикчерс: "Сама по себе тема сюжета, являясь идеей, защите авторским правом

не подлежит. Место действия не охраняется авторским правом".

1929г. Николс против Юнивесал Пикчерс Компани: "Местный колорит не охраняется авторским правом. Присвоение героев /характеров/ является нарушением, если они используются для развития сюжета, но не является нарушением, если они относятся к окружающей обстановке".

1932г. Лоуэнфелс против Натана: "Тот факт, что отдельные слова или фразы встречаются в работе ответчика, не является нарушением, так как авторское право не защищает слова или фразы".

1934г. Шелдон против Метро Голдвин Пикчерс: "Копирование частей диалога - нарушение, а не повторение слов или фраз. Эмоции не защищаются авторским правом".

В упомянутых процессах юридическая мысль оперирует следующими понятиями: сюжет, украшение, обстановка, эпизод, слово, фраза, тема сюжета, герой /характер/, место действия, местный колорит, диалог, действующие лица, эмоции, пародия, критика, резюме.

Это значит, что американские юристы в законодательстве и в ходе судебных процессов о нарушении авторских прав, рассмотрели все основные принципы синтеза печатных сочинений, показав при этом состав общих частей, свойственных всем сочинениям. Не общими являются сюжет, герой /характер/, украшения как цельная структура.

Таким образом, текст сочинения делится на единицы низ-

шего уровня, часть которых является общими и представляет собой как бы крупные единицы языка литературного творчества. Им противопоставляются компоненты индивидуального стиля: характеры главных действующих лиц, сюжет, как логически мотивированное сцепление эпизодов, украшения. Это и есть область стиля американского художественного текста.

Новизна смысла и темы переходит в область научной литературы, где предметом охраны является идея, выступающая как изобретение или открытие.

Изменяется содержание самого понятия "стиль": в 30е годы прошлого столетия для признания авторства требовалось воплощение творческого мастерства в тексте, в 70е - обычного навыка, в конце 20х годов нашего века необходимо показать, что на создание текста был затрачен труд.

А.А.Шахматов высказал мысль о том, что распространение языковых изменений как социализация процессов, возникающих в индивидуальном употреблении, происходит целиком за счёт стилистики. Думается, что изучение языковой политики как части деятельности людей над языком поможет проверке этой гипотезы

Литература

1. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию.-М., 1979. 224с.
2. Рождественский Ю.В. Типология слова.-М., 1969.-286с.
3. Амирова Т.А. Ольковиков Б.А. Рождественский Ю.В. Очерки истории лингвистики.- М., 1975.-559с.
4. Copyright Enactments. - Washington, 1963. - 153p.
5. Ardur Leon H. Copyright Law and Practice. - New-York, 1936. - 1332p.

О.Л.Озолинь

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ СТРУКТУР "ПРЕДЛОГ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ" ВЕЩЕСТВЕННОГО ПРИЗНАКА В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование аналитических способов выражения вещественного признака проводится на базе 2200 употреблений аналитических конструкций /АК/ типа *d'or*, представленных 254 различными единицами, инвентаризованными из текстов в 3 млн. словоупотреблений. Обследованный материал свидетельствует о том, что изучаемые АК образуют одну из наиболее многочисленных групп относительного признака в XI-XIII веках Г.И. Реализуются они на материале вещественных существительных, обозначающих конкретное реальное вещество-массу /*le blanc d'acier*. *Tristan* В, 4008/ или относящихся к растительному и животному миру /*de cerf le destre gant*. *Rol.*, 3845; *pain de fourment*. *TF*:112/. Оформляются АК в подавляющем большинстве случаев /96,5%/ проклитическим служебным элементом *de*, который уже в исследуемый период в силу своей абстрактности и грамматизованности превратился в средство чисто грамматической связи Г.2, с.8 I. В некоторых случаях представляется даже возможным говорить о нем лишь как о формальном признаке разделно оформленного, неморфологизованного атрибутива /*les anges d'or*, *d'argent*, *de fer*/. Модель "à + М" представлена в фактическом материале 73 примерами /3,5%/: *un bloc a ormier*. *Louis*:647. Кроме того, предлог оформлял также группы назначения /5 АК/: *la mouche a miel*. *H*, 1721; *chape a pluie*. *G*:59 и группы выделяющего признака /II АК/: *rois au lart*. *Fabl.*, 191; *joiaus a pierres precieuses*. *Louis*. Последние ввиду малочисленности в работе не рассматриваются.

Функционирование *à* наряду с *de* для обозначения вещественного отношения являет собой случаи недифференцированного употребления предлогов. Ср: *von von eime a cristal*. *Aep*: 5710 - *deus pies de cristal*. *Anth*. I:140; *esperuns d'or*. *Rol.*,

345 - *esperuns a or.* Ib., 1944. Оба предлога находятся в идентичных лексических окружениях и формируют АК одного значения. В их варьировании проявляется наиболее яркая типологическая черта старофранцузского языка - недифференцированное функционирование различных грамматических форм и лексем. В процессе эволюции формы с *de* вытеснили корреляты с *à* из сферы выражения вещественного признака. Симптоматично, что в прозе, где наиболее адекватно отражаются общие закономерности системы языка, АК с *à* почти не встречаются /0,05% - I пример/.

Грамматическая система старофранцузского языка определила специфические позиционные характеристики исследуемых АК. Наличие двупадежной системы склонения, с одной стороны, большая функциональная значимость предлогов в изучаемый период по сравнению с современным языком, с другой, обеспечивали подвижность предложных определений по отношению к определяемому. АК могла находиться как в дистантном, так и в контактном положении к главному компоненту атрибутивного словосочетания, как в постпозиции, так и в препозиции к нему, пропуская между собой и определяемым не только квалификативные элементы, но и глагольное именное оказуемое и даже целые предложения: ...*et li envoia son anel, qui estoit de moulte fin or.* Louis:250; *Ceynture vos donra de soie.* Tristan B,3994; *Met li el poign de cerf le destre guant.* Rol.,3845. Однако уже в конце старофранцузского периода случаи дистантного расположения компонентов атрибутивных словосочетаний заметно уменьшаются в связи с распространением окситонного ударения. В этот же период несомненно усиливается тенденция к установлению прямого порядка следования компонентов, к их сближению. При этом стремление к непосредственному контактированию АК с определяемым проявилось наиболее последовательно в прозе, хотя и здесь наблюдались расхождения в зависимости от того, являлась ли рукопись иконным или переводным произведением. В последнем случае мобильность АК возрастала, попадая под влияние синтаксиса латинского языка. Если для определяемого и определяющего характерна более или менее значительная свобода отношений, то этого нельзя сказать относительно связи

между компонентами АК, допускающими лишь введение квалификативных элементов и детерминативов /определенного и неопределенного артиклей/. Наиболее тесно именной компонент АК сближается с предлогом при отсутствии детерминативов, так как в этом случае он не обозначает отдельного предмета, а вместе с предлогом выражает признак предмета.

В исследуемый период именной компонент АК может выступать с уточняющими определениями или без них. Существительное-название материала широко использует самые различные квалификаторы: прилагательные, причастия, предложные конструкции, определительные придаточные предложения. Son branc d'acier clier. Pier.:63; Entre les autres li apporterent ars de cor, dont les coches entroient a vis dedans les ars. Louis:324; un drap de soie a or brode. Anth. I:80. Конкретизаторы могут относиться ко всему словосочетанию в целом: ...pointure des draps de soie, dont la chambre estoit embellie. Erec, 5524-5525. Употребление уточняющих определений к смыслообразующему элементу АК носит факультативный характер.

Рассматриваемые АК могут также изменяться в определенности: существительное-название материала способно сочетаться с детерминативами, будучи одновременно оформленным как с конкретизатором, так и без него. Преобладают случаи с уточняющим определением при существительном.

...nostre neiz hurta a une	la ou l'ansions nous hurte se la
queue <u>de sablon</u> qui estoit	neiz ne fust adhurtee a la
en la mer. Louis:338;	queue <u>de sablon</u> . Ib.:340;
Un faldestoed i unt mis	Un faldestoed i out <u>d'un olifant</u> .
<u>d'olifant</u> . Rol., 2653;	Ib., 609;
as boens branz <u>d'acier</u>	Ceignent espee <u>de l'acier via-</u>
vienois. Erec, 5214.	<u>neiz</u> . Rol., 997.

Наличие детерминативов при существительном не влияет на выполнение АК роли выразителя характеристики предмета по материалу, что свидетельствует об утрате обычных функций артикля в этой позиции [3, с. 255]. Данный факт противоречит точке зрения исследователей [4, с. 93-101], признающих наличие формально выраженной оппозиции актуализированного/не-

актуализированного существительного в старофранцузский период, и подтверждает мнение тех лингвистов [5 I, которые, признавая противопоставление именной синтагмы с артиклем/без артикля вполне реальной на уровне грамматической формы старофранцузского предложения, все же не абсолютизируют ее функции и видят в артикле еще несложившуюся, развивающуюся категорию. Отсюда вытекает, что отсутствие артикля в начальный период развития языка не всегда являлось показателем утраты существительным категориальных значений, так же как и его наличие могло ничуть не отражаться на выполнении последним семантических функций прилагательного.

АК характеристики по материалу, подобно цельным прилагательным, выполняют в предложении единую синтаксическую функцию. Функционально-семантическая целостность АК демонстрируется возможностью их замещения в ряде случаев синонимичными им цельнооформленными коррелятами: le brant d'acier.Aspr., 7376 - mon bran acerin.Loh., 7376; les chaucos de fer.Graal, 13 - sauchiers ferres.TF:172; une lanche de fraisme.Marie, 425 - les lances fraisines.Ib., 336. Как и прилагательные, АК широко используются в роли определения и предикативного члена. Первая функция является основной. Наличие или отсутствие конкретизатора при названии материала не ограничивает предикативной функции АК: De vert marbre fu li muralz.Marie, 223; li perrons estait de marbre.Tristan B, 350.

Функциональный параллелизм АК и прилагательных проявляется, кроме того, в способности АК допускать обособление: une beste que l'on appelle orafle, de cristal aussilouis: 250; выступать в качестве однородных членов предложения как в асимметрическом сочинении, когда в однородном ряду используются прилагательные и АК, так и отдельные АК друг с другом: robe d'ermine, de dras de soie, veire ou grise.Erec, 1553-1555. П. имеры п казывают, что АК может находиться в одном ряду с прилагательными, в препозиции или в постпозиции к ним. Образование однородного ряда возможно при бессвязном сочинении и при употреблении различных союзов. Наиболее показательны многочисленные случаи сочинения с союзом et.

Подавляющее большинство АК служит для выражения характеристики предмета по материалу, из которого сделан данный предмет /1934 АК - 83%/. В XI веке этот тип отношений был почти единственно возможным для АК, реализующихся на базе вещественных существительных. Изредка встречались аппозитивные конструкции типа *char de bacon*. Однако уже в XII веке АК значительно расширяют свой семантический объем. Количество отношений, в которые включается АК, возрастает до 7%, а в XIII веке - до 17%. Расширение синтаксического и семантического объема АК отражает эволюцию лексического состава старофранцузского языка и вызвано ростом отвлеченной лексики. Семантическая характеристика АК вещественного признака в старофранцузском языке представлена в виде таблицы:

№	Отношения	Кол-во АК	% от общего числа АК	Примеры
I.	Вещественные	1934	83	<i>drap de lin</i>
2.	Объектные	77	3,5	<i>tailleur de pierre</i>
3.	Переносные употребления	53	2,3	<i>siècle d'or</i>
4.	Целое и часть	43	2	<i>poudre de aloen</i>
5.	Количественные	32	1,4	<i>boissiau de froment</i>
6.	Локализация	23	1,05	<i>beste d'aigue</i>
7.	Признак - его носитель	9	0,4	<i>roigeur de sang</i>
8.	Релятивно-квалитативные	9	0,4	<i>frere de sanc</i>
9.	Назначение	6	0,3	<i>somme d'huile</i>
10.	Идентификация	6	0,3	<i>char de bacon</i>
11.	Происхождение	4	0,2	<i>ruissiaus de pluies</i>
12.	Субъектные	3	0,1	<i>flus de sanc</i>
13.	Инструментальные	1	0,05	<i>coup de pierre</i>
	Итого	2200	100	

Анализ АК обнаруживает наличие как свободных, так и устойчивых образований. В ходе исследования выявляется, что основным показателем лексикализации АК является утрата потенциала синтаксической сочетаемости у существительного в их составе в результате частичной или полной его десемантизации, т.е. утраты существительным своего категориального значения предметности. Рассматриваемые АК лексикализуются

либо отдельно, либо в составе атрибутивного словосочетания. Первый тип лексикализации наблюдается при метафорическом использовании названий материала. Существительное при этом утрачивает способность присоединять уточняющие определения и группа Prép. + N превращается в своеобразный структурно замкнутый комплекс: Mais Jupiter plus nous voulait, /.../ Les aages d'or depeça, Qui puis furent d'arain. Rose, 20196-20199, La tierce partie dou Tresor est de fin or, ce est a dire qu'ele enseigne l'ome a parler selon la doctrine de rethorique. J.-8729. Последний пример является ярчайшим показателем того, что сочетания Prép. + N в старофранцузский период не достигли еще полной степени грамматизации, свойственной аналитическим формам. Их устойчивость относительна и может нарушаться при введении квалификативных элементов.

Второй тип лексикализации связан с образованием словосочетаний терминологического характера типа oile d'olive, huile de terre, eau de rose которые не обладают слитностью номинации. Оба компонента выступают в прямом номинативном значении, но в отличие от свободных словосочетаний идентичной формальной структуры данные образования служат для выражения узусальной, а не окказиональной разновидности предмета. В их составе группа Prép. + N образует семантическое единство и структурно замкнутое целое. Рассматриваемые АК объединяют элемент адъективации и субстантивации: группа признака называет видовое отличие определяемого предмета и явления: d'olive, de rose /huile/, тогда как словосочетание в целом используется как готовая номинативная единица терминологического характера. Группы устойчивой разновидности служат базой для создания разнородных немоделированных образований типа:

1. Clous de girofle, обладающих слитностью номинации в результате переосмысления управляющего существительного;

2. Pouche a miel, chape a pluie, где переосмыслению подвергается словосочетание в целом /глобальное неразчлененное значение, ср.: abeille, impremeable/;

3. Dens de fer, Coste de fer — оценочные наименования лигатуры, соединяющие в себе метафору и синекдоху. Их общее зна-

чение - выражение характера, душевных качеств, способностей человека. В процессе коммуникации данные словосочетания воспроизводятся как языковая единица. Нерасчлененность их значения обусловлена метафорическим использованием словосочетания в целом. Формально они совпадают с образованиями свободной конструкции: cote de fer.Legr.,6864. Но последние характеризуются свободным комбинированием компонентов: un chapel de fer.Louis:134; murs de terre.Ib.:428; un chapel de coton.Ib.:54 и допускают присоединение уточняющих определений: en bons ancaus de fer rivees.Rose,8549; bonnes cotes de cuir, de fer, veine pourpoins.Ib.,17831; et peent les aiguilles estre grolles et de fer.M,1097. Ни одна из этих характеристик не свойственна Dent de Mer и Cote de Fer, которые являются фразеологически связанными, неделимыми по смыслу конструкциями.

Функциональная общность семантического и синтаксического порядка, моделированность структуры, расчлененность грамматического и лексического значений дают основания рассматривать АК модели Rгер. + N вещ. как аналитические эквиваленты вещественных прилагательных. В изучаемый период представляется обоснованным выделение двух типов аналитических эквивалентов: 1/ свободно конструируемые в процессе коммуникации образования, характеризующиеся свободой синтаксического распространения компонентов; 2/ структурно замкнутые образования, воспроизводимые в языке в готовом виде, компоненты которых полностью или частично утратили потенциал синтаксической сочетаемости. Первые, наиболее многочисленные, образуют класс на уровне речи - функциональный класс атрибутивов морфолого-аналитической структуры I 6, с.147 I и противопоставляются по своим грамматическим и синтаксическим характеристикам прилагательным, выделяющимся как класс на уровне языка. Вторые в силу структурной незавершенности сочетаний Rгер. + N в старофранцузский период не обладали еще той степенью устойчивости и неделимости лексического состава, которые характеризуют соответствующие образования современного французского языка, и поэтому остаются на уровне атрибутивных сочетаний аналитической структуры, компоненты кото-

рых не достигли еще полной грамматизации, свойственной аналитическим формам. Количество их в старофранцузском языке незначительно, появляются они главным образом в XIII веке.

Литература

1. Озолинь О.Л. Конструкция "предлог + сущ." в старофранцузском языке. - В кн.: Иностранные языки в высшей школе. - Рига: ВГУ, 1977, вып. 5, с. 77 - 86.
2. Реферовская Е.А. Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода. - М; Л.: Наука, 1964. - 116 с.
3. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à 1900. P., 1905. T. I. - 545 p.
4. Guiraud F. La grammaire. P., PUF, 1967. - 124 p.
5. Чебялис Д. Грамматическая установка существительного и именное склонение во французском языке IX-XVI веков. - Бильнюс: ВГУ, 1978. - 182 с.
6. Sak. V.G. Essais de grammaire fonctionnelle du français. - М., 1974. P. I. - 277 p.

Сокращения

- Tristan. B - Le roman de Tristan par Béroul et un anonyme poète du XII siècle publié par E. Muret. Paris, 1903.
- Rol. - La chanson de Roland, publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier. Paris, 1928.
- TF - Théâtre français au moyen âge, publié d'après les manuscrits de la bibliothèque du roi par H. L. J. Mommerque et F. Michel /XI-XV siècles/. Paris, 1879.
- Louis - Jean sire de Joinville. Histoire de Saint Louis. Texte original, accompagné d'une traduction par E. Natalis de Wailly. Paris, 1874.
- L. - La chirurgie de Maître Henri de Mondeville. Traduction contemporaine de l'auteur publiée d'après le Ms unique de la bibliothèque nationale par le Dr. A. F. S. Paris, 1897 - 1898. T. I - 2.
- G - F. Godefroy. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle. P., 1937 - 1938. T. I - 10.

- Fabl. - Recueil général et complet des fabliaux des XIII et XIV siècles imprimés ou inédits. Publiés d'après les manuscrits, par M. Anatole de Montaiglon. Paris, 1872. T. I.
- Aspr. - La chanson d'Aspremon. Chanson de geste du XII siècle. Texte du manuscrit de Wollaton Hall, par L. Branvain. Paris, 1923 - 1924. T. I - 2.
- Anth. - Anthologie poétique française. Moyen âge. Paris, 1967. T. I - 2.
- Loh. - La mort de Garin Le Loherain. Poème du XII siècle, publié pour la première fois, d'après douze manuscrits, par M. Molestand du Ménil. Paris, 1846.
- Graal - La Queste del Saint Graal. Roman du XIII siècle, éd. par A. Pauphilet. Paris, 1923.
- Marie - Poésies de Marie de France. Publiées d'après les manuscrits de France et d'Angleterre, par B. de Roquefort. Paris, 1832. T. I.
- Erec. - Les romans de Chrétien de Troyes édités d'après la copie de Guiot, E. Erec et Enide, publié par M. Roques. Paris, 1952.
- Rose - Le Roman de la Rose, par Guillaume de Lorris et Jean de Meun, publié d'après les manuscrits par E. Langlois. Paris, 1920-1924. T. I - 5.
- J - S - Jeux et sagesse du moyen âge. Texte établi et annoté par A. Pauphilet, s. a.

Н.Ф.Пелевина, Н.В.Фамина

КОНТЕКСТОВЫЕ УКАЗАТЕЛИ АППРОКСИМАЦИИ ЧИСЛОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Слова, основной функцией которых является передача точного числа, - числительные, а также некоторые существительные, прилагательные, глаголы, наречия, как dozen, couple, (to) double, twice. в речи могут выражать некоторые неопределенные количества, более или менее близкие к их словарному значению. Денотат обозначений числа (ОЧ) для подобных случаев получил название "размытого количества" Г I I. Семантический процесс, происходящий при этом в слове, будем называть аппроксимацией. Сущность аппроксимации - ослабление (до исчезновения) компонента точного числа при сохранении интегрального признака "число, количество". В то же время в значении обычно появляется признак количественной оценки "много" или "мало" (процесс, названный нами поляризацией). Аппроксимация, как правило, не дает новых ЛСВ; здесь мы имеем дело с вариантностью значений.

Реализация аппроксимированного варианта значения обусловлена прежде всего маркерами аппроксимации; это связанные непосредственно с ОЧ слова, указывающие на приблизительность, или особые конструкции, например: a distance of about twenty feet . Г 2,87 I, in bunches of three or four Г 2,5I I.

Необходимо учитывать, однако, и другого рода контекстные указатели аппроксимации - различные проявления неопределенности, приблизительности утверждения, не соотносенные непосредственно с ОЧ. Рассмотрим следующий пример:

"Tomorrow I'll start things moving in the company, then it may be a week or two before I get approval to go ahead" Г 3,116 I.

Аппроксимация числа в этом примере осуществляется с помощью конструкции-маркера **a (=I) + og + числительное**: "одна-две недели", "неделя-другая". В то же время высказывание имеет гипотетический характер, о чем говорят и будущее время, употребленное в нем, и модальный оборот *may be*. Можно сказать, что в отрезках речи, подобных данному, выступает своего рода семантическое согласование по признаку неопределенности информации.

Указатели определенности (неопределенности) информации, в отличие от маркеров, прямо характеризующих ОЧ, будем называть индикаторами. Индикаторы вместе с маркерами выступают как проявления общей интенции адресанта в акте образования текста. По отношению к маркерам индикаторы избыточны, что, однако, не означает их избыточности в высказывании: по отношению к его содержанию они могут играть первостепенную роль.

Как показывают наблюдения над текстами, маркеры аппроксимации, как правило, эксплицитны (об исключениях пойдет речь ниже). Хотя они и составляют открытую группу, в принципе их выделение и классификация не представляют особого труда. Сложнее обстоит дело с индикаторами, Они выполняют многообразные функции в образовании смысла высказываний, так что их определение и описание — сложная задача; до сих пор, насколько можно судить, эта задача специально не ставилась, и если о каких-либо индикаторах шла речь, то лишь попутно, вместе с прочими видами контекстовых указателей.

Представляется, что к определению индикаторов лучше идти не от формы высказываний, а от их смысла. (Собственно говоря, привлечение смысла к определению тех или иных лингвистических единиц в контексте производится весьма широко, но обычно без попыток обобщения смысловых характеристик — это восстановление и истолкование отдельных изображенных в тексте ситуаций). Выявив типы смысловых индикаторов, исследователь может попытаться определить и способы их формального выражения.

Процессу аппроксимации числовых значений, как показывал текстовый материал, благоприятствует свойство текста, которое мы выше назвали неопределенностью информации. Назовем это свойство, как и другие ему подобные, например, определенность информации, информационной установкой (термин не очень удобный, но соответствует содержанию). Информационная установка близка к "модальности текста" в понимании И.Р.Гальперина I 4, I I3 I в том отношении, что она тоже является свойством целых отрезков текста и определяется авторской интенцией. Но модальность текста - это отношение адресанта к высказываемому, тогда как информационная установка определяет уровень информации, на который помещается адресат I 5 I.

Установка неопределенности информации может реализовываться в различных типах текста. При исследовании семантических процессов, происходящих в значениях числа, нам встретилось три таких типа; мы обозначили их как типы гипотетический, внешнефактуальный и эмотивный (персуазивный). Рассмотрим подробнее каждый из них.

Гипотетический тип речи - это не что иное, как выражение предположений, пожеланий и т.п., то есть ирреальная модальность речи. Иллюстрацией может послужить приведенный выше пример из А.Хейли - персонаж строит планы на будущее. Формальными показателями информационной установки здесь оказываются будущее время, разные формы предположительной модальности, вердиктивы, как I suppose, I hope и др. В художественном тексте гипотетическая речь часто связана с первым лицом повествования, с прямой или несобственно-прямой речью.

Внешнефактуальный тип речи представляет особый интерес, так как широко употребляется как повествовательный прием в художественных и научно-художественных текстах. В высказываниях подобного рода информация сообщается с точки зрения внешнего наблюдателя: то, что недоступно прямому наблюдению, или дается в форме догадок и умозаключений, или не дается вообще.

Естественно, что такие описания часто содержат аппроксимативы числа. Обычно это оценка "на глаз", без уточнений, таких количественных характеристик, как расстояние, скорость, время, возраст и др. Вот несколько примеров: *the window was about thirty feet from the ground* I 6,123 I, *I stood it for perhaps ten minutes* I 6,87 I, *the shrub here often attains the height of fifteen to twenty feet* I 7,88 I. В научно-художественном тексте аппроксимация чисел соответствует реальности (невозможность, трудность, ненужность точных измерений). В художественном тексте автор, его создатель, может, казалось бы, дать во всех случаях точные числа. Однако стремление к достоверности, жизненности приводит к тому, что рассказчик отказывается от позиции "всезнающего автора" и переходит на точку зрения внешнего наблюдателя.

Внешнефактуальный тип речи, по-видимому, не имеет четкого формального выражения. Подобно предыдущему типу, он часто связан с повествованием от первого лица, с прямой (несобственно-прямой) речью; но обязательной такая связь не является (впрочем, все три приведенных выше примера взяты из текстов с первым лицом - рассказчиком). Другим факультативным признаком рассматриваемого типа речи может быть стечение слов, указывающих на внешние признаки объектов.

Чтобы пояснить сказанное, рассмотрим несколько подробнее еще один пример:

She was a very young woman, some twenty years old, perhaps, rather slender, with skin slightly darker than ivory I 8,172 I.

Описание женщины дается здесь с точки зрения другого персонажа, который судит по внешности; упомянуты сложение */slender /*, цвет кожи. Даны два маркера аппроксимации - *some* и *perhaps*. Автор вполне мог бы дать возраст женщины "от себя", но по своим художественным соображениям предпочитает этого не делать.

Особо важную роль при анализе внешнефактуального типа речи, в связи с нечеткими формальными показателями, приобретает толкование описываемой ситуации. К счастью, ситуации здесь довольно однообразны - это приблизительная внешняя оценка количественных характеристик, о которой говорилось выше.

Встречаются случаи, причем не так уж редко, когда признак неопределенности *СЧ* не маркируется, а определяется общей информационной установкой, гипотетической или внешнефактуальной. Так, в примере *she chased the animal two miles across the valley* I 9,17 I из ситуации ясно, что расстояние определялось на глаз (говорится о молодой львице, которая, резвясь бежала по саванне за носорогом). В гипотетическом высказывании *it'll dry in five minutes* I 6,88 I "пять минут" значит просто "очень скоро". *СЧ* в этих примерах содержат компоненты количественной оценки - "много" в первом из них, "мало" во втором. Любопытно, что добавление маркера *about* в том и другом случае ослабило бы эти компоненты и усилило бы, парадоксальным образом, значение точного числа.

Как и следовало ожидать, такого рода индуцированная аппроксимация невозможна в текстах с информационной установкой определенности. Приближенное обозначение числа в таких текстах - не повествовательный пример, а указание на недостаточность знания, например: *the universe is estimated to be about 15 billion years old* I 10,14 I. Исключение слова *about* сделало бы это утверждение ложным, так как точный возраст Вселенной современной науке неизвестен.

Третий выделенный нами тип речи, связанный с установкой неопределенности информации, был назван нами **эмотивным**, так как выражение эмоций играет в нем очень большую роль и в некоторых случаях может даже преобладать над сообщением фактов. Эмотивный тип текста мешает его объективности и вносит неопределенность в передачу информации.

Некоторые высказывания (типа "сто раз тебе говори-ли, а ты все не помнишь") вообще не ставят себе целью сообщение фактов — это выражение отношения и побуждение к действию. Именно поэтому к термину "эмотивный" мы добавили как вариант "персуазивный" I II I .

Числовые значения в этом типе высказываний обычно весьма ослаблены, теряется даже порядок числа; "десять", "двадцать", "сто", "миллион" могут выступать здесь как синонимы. Собственно говоря, это особый семантический процесс, названный нами гиперболизацией; но начинается он с аппроксимации, и степень гиперболизации бывает различной, поэтому мы включили его в свое рассмотрение.

Характерной чертой гиперболизированных ОЧ в эмотивном типе речи является отсутствие непосредственных маркеров варианта значения. Определяющим фактором является здесь информационная установка, которая в этом случае, в отличие от предыдущего (внешнефактуальный тип речи), получает здесь довольно четкое выражение. Индикаторы (формальные) могут быть синтаксическими (конструкции, характерные для эмоциональной речи), лексическими (слова с эмотивной окраской), даже графико-просодические (написание слов курсивом, передающее эмотивную интонацию). Важна также обозначенная ситуация (смысловой индикатор): соотнесение ОЧ с ситуативными условиями покажет степень преувеличения или преуменьшения числа в речи.

Гиперболизация ОЧ, как и благоприятствующий ей эмотивный тип речи, чаще всего встречается в диалоге, а также в его отображении в художественных текстах. Это явление встречается также в повествовательных кусках текста, но оно всегда связано с тем или иным выражением эмоций, например:

Something moved in the bushes ... I stood still,
my heart suddenly thumping. It forged through
the crackling thicket, and a thousand scents came
with it, as sharp as spice from the crushed leaves

I 6,123 I .

О приближенности числового значения говорит уже квантификат (невозможно одновременно воспринять "тысячу запахов"); на основе изображенной ситуации легко заключить также о преувеличении числа. Эмотивность содержания следует из описания реакции героини на происходящее (сердцебиение); немаловажно также употребление экспрессивного слова *forge* для описания движения. Все эти черты текста благоприятствуют гиперболизированному употреблению *ОЧ a thousand*, но и само оно, в свою очередь, усиливает общую эмотивную установку речи. Как и в предыдущих случаях, мы имеем здесь дело с комплексным проявлением авторской интенции.

В ы в о д ы

1. При анализе условий варьирования числовых значений оказалось целесообразным выделение двух рядов контекстных указателей — маркеров, непосредственно связанных с обозначениями числа, и индикаторов, характеризующих общую информационную установку текста. Индикаторы могут быть эксплицитными (формальными) и имплицитными (смысловыми).

2. Для аппроксимации числовых значений благоприятна установка неопределенности информации, проявляющаяся в гипотетическом, внешнефактуальном и эмотивном типах текста.

3. При установке неопределенности информации маркеры аппроксимативов могут опускаться (это невозможно при выражении приближенного числа в других типах текста); для эмотивной речевой установки опущение маркеров аппроксимации является правилом.

Литература

- I. Науменко Н.И. Понятие размытого количества, передаваемое именем числительным количественным. - Науч. труды Кубанского ун-та / Краснодар, 1979, с.38-46.
2. Durrell G. The Whispering Land. - Leningrad: Prosveshchenie, 1979.
3. Hailey A. Wheels. - London: Pan Books Ltd, 1971.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М., Наука, 1981.
5. Вайдрих Х. Текстовая функция французского артикля. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. - М.: 1978, вып.8, с. 320 - 387.
6. Stewart M. The Gabriel Hounds. - New York: Mill, 1967.
7. Poe E. Tales of Mystery and Imagination. - London: Pan Books Ltd, 1979.
8. Warren R.P. All the King's Men. - Moscow: Progress Publishers, 1968.
9. Adamson J. Born Free. Leningrad: Prosveshchenie, 1980.
10. Asimov I. The Collapsing Universe, New York: Dell Publishing, 1978.
- II. Brown W. and Olmsted Sh. Language and Literature. - New York: Harcourt, Brace - World, 1962.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕМАНТИКИ И СИНТАГМАТИКИ
В СЛОВЕ

Каждое слово представляет собой систему "сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм, каждая из которых связана со строго определенными, оправданными структурой языка, контекстами употребления" [I, с.36]. Рассматривая слово как систему форм и значений, мы не можем не обратить особое внимание на конструктивное единство лексических и грамматических значений.

Со стороны лексики парадигма отдельного слова характеризует его именно как слово, как целую единицу, в то время как со стороны грамматики, парадигма представляет собой систему грамматических форм, которые характеризуют данное слово как конкретную часть речи. Принадлежность к определенной части речи является одной из основных характеристик слова. Слово не может существовать вне частей речи. Даже простое обращение к словарю тут же соотносит слово с той или иной частью речи.

Значение слова определяется не только его соответствием, соотносённостью с тем понятием, которое оно выражает, и своим местом в лексической системе языка; оно зависит и от свойств той грамматической категории, той части речи, к которой это слово принадлежит и которой определяется его общая категориальная значимость /предметность, процессуальность и т.д./.

Например, *white* /белый имеет значение признака, принадлежащего некоему предмету - в отличие от *whiteness*/белизна, где признак отвлечен от предмета и сам рассматривается как особый предмет. Таким образом, общее категориальное значение конкретной части речи, к которой относится слово, входит в его семантику наряду с лексическим значением данного слова.

Одновременно следует отметить и некоторые изменения в иерархии содержательных компонентов /сем/. Например,

согласно "Словарю русского языка" С.И.Ожегова, основной, главной семой в лексическом значении слова "ходить" является сема движения /присущеуальности/. Соотносимое с ним существительное "ход" имеет те же, в общем, семы. Но главной семой здесь, как и в слове "ходьба", является сема предметности. Иначе говоря, при одинаковом семном составе слова от одного корня, принадлежащие разным частям речи, имеют разную по своей иерархии семантическую структуру. Таким образом, "семантика слова оказывается разделенной на две части: особую, принадлежащую всему данному разряду слов и выступающую в каждом отдельном слове, как некоторая "категориальная оболочка", в которую заключена особая, индивидуальная часть семантики слова" [2, с.21].

Рассматриваемое соотношение особенно интересно проявляется в английском языке, где словообразование, связанное с переходом из одной части речи в другую, не всегда имеет морфологическое выражение; например, *round* - глагол, *round* - существительное, *round* - прилагательное, *round* - наречие и *round* - предлог. Важным объектом исследования в указанном направлении является процесс и результат адъективации причастий. Вопрос может быть поставлен следующим образом: как организована семантика прилагательного /производного слова/ по сравнению с причастием /исходным словом/? Ср.: *running boy* - *running water*, *crying child* - *crying shame*.

Для того, чтобы определить, является ли данное слово на *-ing* формой глагола или самостоятельным прилагательным, необходимо рассматривать его во взаимосвязи морфолого-синтаксического и лексико-фразеологического аспектов.

Если в морфолого-синтаксическом плане эта форма используется в атрибутивной функции /чаще всего препозитивно/ или в функции предикатива, может образовывать степени сравнения, сочетаться с наречиями и словами-усилителями типа *very*, *too*, *so*; если она может использоваться в цепочке однородных членов предложения, - то мы можем предположить, что эта форма уже практически оторвалась от глагольной парадигмы. Но для полной утраты данной формой

глагольных свойств, для окачества её, т.е. для приобретения значения признака, требуются изменения и лексико-фразеологического аспекта.

Если же в дополнение к морфолого-синтаксическим изменениям мы наблюдаем и некоторый семантический сдвиг, изменение лексического содержания слова, употребление его в новом словосочетании, тогда можно со всей уверенностью сказать, что перед нами совершенно самостоятельное слово, относящееся к разряду прилагательных.

В приведенных выше примерах семантика причастий /в отличие от прилагательных/ полностью дублирует семантику соответствующего глагола. Значение действия, процесса, присущее глаголу, передается и причастию. Значение процесса особенно ярко проявляется в том случае, если наблюдается или ощущается кем-то: "...my attention was arrested by the running figure of a man approaching me" /A.Christie/.

Следовательно, в случаях *running boy, crying child* мы имеем чистые причастия *running* и *crying*, употребленные в атрибутивной функции. В результате адъективации причастий происходит постепенное окачество словоформы. На смену значению действия приходит значение признака, что мы и наблюдаем в сочетаниях *running water, crying shame*.

Если рассматривать такие примеры как *crying shame, cutting remark, burning desire*, то можно отметить сдвиг, который произошел в их значении по сравнению с семантикой исходных глаголов, что способствовало их развитию как самостоятельных единиц. *Crying, cutting, burning* утратили связь с исходной глагольной словоформой: *burning* означает здесь "жгучий", *cutting* - "язвительный", а *crying* - "вопиющий, возмутительный". Приведенные примеры фактически представляют собой тесные, семантически неделимые комплексы. Это свидетельствует о той огромной роли, которую играет словосочетание в процессе адъективации.

При классификации языкового материала должен учитываться тот факт, что все явления языка обладают степенью

признака, которая выражается в более или менее ярко проявляющейся принадлежности к тому или иному классу слов, к той или иной грамматической категории. Иначе говоря, "инговая" форма может быть: 1/ несомненным причастием, 2/ несомненным прилагательным, но чаще всего это слова, проявляющие тенденцию к 1/, или слова, проявляющие тенденцию к 2/; т.е. материал может быть развернут в виде цепочки от одного полюса /1/ к другому /2/. Это делает анализ материала более сложным, описание более детальным, но вместе с тем, вследствие такого подхода, выводы должны быть более корректными, точными и больше соответствовать действительному положению дел.

Анализируя случаи употребления слова *burning*, мы также можем наблюдать, каким образом происходят изменения в семантической структуре данного слова в результате его употребления в различных сочетаниях, как осуществляется постепенная утрата данным словом идеи действия, свойственной причастию, и приобретение им ярко выраженного адъективного характера.

Сравним такие примеры как:

<i>burning light</i>	→	<i>burning eyes</i>	→	<i>burning drug</i>	→	<i>burning shame</i>
<i>candle</i>		<i>blush</i>		<i>liquid</i>		<i>desire</i>
<i>cigarette</i>		<i>flush</i>		<i>glance</i>		<i>curiosity</i>

Первый случай употребления слова *burning* является примером атрибутивной функции причастия /слова I группы/. Далее, по мере убывания признака идеи действия и все большего абстрагирования его, у нас выстраивается цепочка: *burning eyes* /слова III группы, тяготеющие к причастиям/ → *burning drug* /слова IV группы, тяготеющие к прилагательным/ → *burning shame* /слова II группы - прилагательные/.

Безусловно, *burning shame* является окказиональным образованием, тем не менее оно демонстрирует случай выпадения словоформы *burning* из глагольной парадигмы, семантической изоляции ее и становления нового отдельного слова, относящегося к разряду прилагательных и обладающего собственной семантической структурой.

Семантика слова характеризуется обязательностью связи его парадигматических и синтагматических характеристик, которые не могут рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку, являясь членом определенной лексико-семантической парадигмы, слово может выступать лишь в определенных синтагматических связях. С другой стороны, обобщение сочетаемости слова, весь комплекс его синтагматических отношений обуславливают его принадлежность к данной парадигме. Несоблюдение синтагматических условий — это лишь внешнее проявление внутреннего семантического сдвига. Цепочка *burning light* → *burning eyes* → *burning drug* → *burning shame* показывает, как в рамках старой формы новое значение возникает и развивается вначале через оттенки, многозначность, двусмысленность, а завершиться этот процесс может полным переосмыслением конструкции, что не может не сказаться на ее грамматической характеристике.

Итак, можно сказать, с одной стороны, что сочетаемость слов — явление языковое и речевое, а с другой стороны, что реализация семантических потенций — сложное, многоплановое явление, проявляется одновременно в разных языках и речевых особенностях языка. Или иначе — основой семасиологических категоризаций является признание факта неразрывности одновременного функционирования единиц языка на парадигматическом и синтагматическом уровнях. Именно на синтагматическом уровне происходит конкретное воспроизведение одного /любого/ из значений многозначного слова. Таким образом, реализация семантической потенции происходит уже на синтаксическом уровне, и одной из важнейших характеристик семантической потенции языка является ее зависимость от синтаксиса как средства реализации.

Слово характеризуется способностью семантической изоляции — отделением от общей семантической структуры, к которой оно продолжает формально принадлежать, и приобретением зависимого значения в рамках не-свободного словосочетания, в котором переосмысливается одно из слов; например, цепная реакция, информационный язык, красная книга. Еще большая степень семантической изоляции наблюдается в

случае неразложимого словосочетания или сложного слова, например, звездный час, взять на вооружение.

В подобных случаях реализация семантической потенции, с одной стороны, приводит к образованию новых словосочетаний того или иного вида, а с другой - наличие таких словосочетаний определяет потенциальный минимум семантической реализации. Например, значение слова "красный" как "заповедный" проявляется лишь в сочетании с одним определенным словом - книга: красная книга. Для раскрытия значения "заповедный", однако, одного этого сочетания недостаточно. Можно представить себе ситуацию, в которой речь идет о книге красного цвета. Поэтому нельзя сказать, что здесь словосочетание является достаточным для реализации семантической потенции. Она реализуется в предложениях типа: Этот вид занесен в красную книгу. Потенциальным минимумом в подобных случаях является предложение.

Таким образом, приобретая в речи самостоятельность /семантическую цельность, воспроизводимость/, словосочетание - понятие синтагматическое - переносится в парадигматический разряд. В языке происходит семантическое перераспределение.

Следовательно, с точки зрения реализации семантических потенций языка наблюдается такое соотношение семантики и синтаксиса: семантическая потенция языка реализуется в новых значениях слова, в новых произведениях и сложных словах, в словосочетаниях с разной степенью фразеологизации. Потенциальным минимумом реализации для единиц, имеющих парадигматический статус, является свободное словосочетание. Словосочетания с невысокой степенью семантической изоляции нуждаются в более широком контексте.

Литература

1. Виноградов В.В. О формах слова. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, т.Ш, вып. I, М., 1944, с.18-42.
2. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. - М.: Изд-во лит-ры на иностр.яз., 1956. - 260с.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНДИЦИОНАЛА В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье предпринята попытка осветить некоторые аспекты функционирования кондиционала с позиций теории речевого акта. Представляется, что адекватное описание такого сложного явления как кондиционал в современном французском языке невозможно в плане статичной, замкнутой в себе системы вне коммуникативной деятельности.

Прежде всего обращает на себя внимание участие кондиционала в выражении диалогической модальности. Под диалогической модальностью понимается способность языкового средства передавать оценку, которую говорящий дает высказыванию собеседника с точки зрения его соответствия действительности [1, с.44-58].

Кондиционал способствует выражению диалогической модальности в особом типе контекста. Этот контекст представляет собой вопрос, повторяющий дословно или перефразирующий высказывание собеседника. В подобных случаях вопросительное предложение вместе с предшествующим ему высказыванием образует диалогическое сверхфразовое единство. При этом релевантным для значения кондиционала оказывается макроконтекст, т.е. контекст, выходящий за пределы одного предложения. Кондиционал выполняет полемическую функцию, опровергая высказывание собеседника.

Рассмотрим ряд примеров: - *Octave, vous connaissez cette fille. - Moi? Où l'aurais-je connue? [2, 71];*
- *Elles te déçoivent et tu m'en rends responsable? - De quel droit est-ce que je serais déçu? Et de quel droit t'en voudrais-je? [3, с.206];* - *Vous êtes enrôlé aussi... C'est pour cela que je ne reconnaissais pas votre voix.*
- *Pourquoi serais-je enrôlé? [4, с.68];* - *Est-ce que vous*

avez été en prison? - Pourquoi aurais-je été en prison?
[5, с. 54].

Построение вопросительных предложений с кондиционалом, служащим выражением диалогической модальности, характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, вопросительные предложения представляют собой частные вопросы. Вопросительные слова являются как бы стимулом для обоснования информации, содержащейся в предшествующей реплике. Вместе с тем форма кондиционала свидетельствует о том, что говорящий не оценивает соответствующий факт как реальность. Вопросительная интонация указывает на то, что говорящий не берет на себя ответственность за содержащуюся в высказывании информацию. Таким образом, языковые средства разных уровней способствуют выражению диалогической модальности: форма наклонения, коммуникативный тип предложения, лексический состав предложения.

В данных условиях вопросительные слова и обороты приобретают особую функцию: они обозначают в конденсированном виде то основание, на базе которого говорящий опровергает предыдущее высказывание, подчеркивают несостоятельность логической посылки собеседника.

Смысл полемического вопроса с кондиционалом может быть разложен на два последовательных высказывания, эксплицитно отражающих логическое рассуждение субъекта речи. Например: Où l'aurais-je connue? = Il n'y a pas d'endroit où j'ai pu faire sa connaissance. Je ne la connais pas; De quel droit est-ce que je serais déçu? = Je n'ai pas le droit d'être déçu. Je ne le suis pas; Pourquoi serais-je enroué? = Il n'y a pas eu de circonstances qui aient pu provoquer cet état. Je ne suis pas enroué.

Особенно широко распространены в современном французском языке вопросы с диалогической модальностью, включающие вопросительное слово "pourquoi". Показательно, что

на материале русского языка Е.В.Падучева отмечает тенденцию речник с "почему" к превращению в конвенционализированный речевой акт, выражающий возражение [6, 310]. Очевидно, в основе этого сходства вопроса с "почему", служащего выражению диалогической модальности, в русском и французском языках лежат общие закономерности речемыслительной деятельности. С помощью "pourquoi" = "почему" говорящий подчеркивает отсутствие мотивированности, необоснованность высказывания собеседника.

Рассмотренные выше вопросительные предложения с кондиционалом служат опровержению информации, содержащейся в предшествующем высказывании. Тем самым диалогическая модальность направляется на эксплицитный диктум высказывания собеседника.

Но вопросительные предложения с кондиционалом, выражающие диалогическую модальность, могут опровергать не только эксплицитный диктум предшествующего высказывания. Например: - Ils portent ton nom, naturellement? - Quel nom porteraient-ils? Ce sont mes petits-enfants au même titre que Nathalie [7, с.150]; - Marius, deux anisettes. - Il y en a une pour moi? - Et pour qui serait-elle? [8, с.75].

Здесь вопрос "Quel nom porteraient-ils?" имеет смысл: Quel autre nom veux-tu (crois-tu) qu'ils portent? Bien sûr que c'est le mien. Вопрос Et pour qui serait-elle? означает Pour qui d'autre veux-tu (crois-tu) qu'elle soit? Bien sûr qu'elle est pour moi.

Данные вопросительные предложения с кондиционалом опровергают те сомнения и неуверенность собеседника, которые побуждают его к запросу информации. Тем самым диалогическая модальность направлена на имплицитный модуль предшествующего высказывания.

Полемические вопросы с кондиционалом содержат сложную импликацию. Будучи устойчивыми по структуре и законченными по смыслу способами выражения, которые могут

быть развернуты до полной последовательности высказываний, но практически не реализуют в речи этой возможности, полемические вопросы с кондиционалом являют собой яркий образец семантического сжатия. Необходимо отметить, что полемические вопросы с кондиционалом имеют характер резкого, бесцеремонного возражения. С точки зрения этики речи и стиля они отмечены отрицательно.

Происходит это, очевидно, потому, что полемические вопросы с кондиционалом опровергают само основание для высказывания собеседника, разрушают его логическую presupпозицию, иными словами завуалированно обвиняют собеседника в отсутствии логики, в бессмысленности высказывания. Как указывает О.Дюкро, атака presupпозиций противника представляет собой самую агрессивную форму атаки [9, с.92-93].

Таким образом, участвуя в диалогической модальности со значением опровержения чужих слов, кондиционал выполняет вполне определенную негативную этическую функцию.

Другим прагматическим аспектом функционирования кондиционала является его употребление с целью снижения категоричности утверждения. Кондиционал отчетливо реализует это значение в I л. ед.ч. глаголов волеизъявления и речемыслительных процессов. Например: Je voudrais me coucher [10, с.32]; Je dirais presque que je suis à l'écoute de mon corps [7, с.123]; Je croirais plutôt qu'elle ne vous a rien dit de sa démarche [11, с.156].

Собственный акт речи, мысли или собственное эмоционально-волевое отношение является для говорящего бесспорно реальным фактом. Семантика некатегорического утверждения возникает в результате взаимодействия грамматического значения формы наклонения с наполняющим ее лексическим контекстом и со значением категории I-го лица, являющегося центром речевой ситуации. Семантика некатегорического утверждения появляется при пересечении противоположно направленных смыслов: лексическое значение

глагола в форме I л. ед.ч. свидетельствует о том, что говорящий приписывает себе признак воли, мысли или акта речи, между тем форма наклонения представляет этот признак как эвентуальный.

Некатегоричность утверждения, выражаемая с помощью кондиционала, относится к числу этических функций языковых единиц и непосредственно связана с актом устной коммуникации.

Таким образом, оказывается, что кондиционал, вступающая в сложные семантические взаимодействия с языковыми средствами разных уровней, может играть важную роль в коммуниктивном акте, т.е. в речевом действии, ориентированном на слушателя. В зависимости от типа контекста кондиционал может выполнять диаметрально противоположные функции в акте коммуникации, каковыми являются диалогическая модальность и некатегорическое утверждение.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и "почему"-реплики в русском языке. - Научные Доклады Высшей Школы. Филологические науки. М., 1970, № 3, с.44-58.
2. Aumé M. Clérambard. Paris, 1962.
3. Beauvoir S. de. La femme rompue. Paris, 1967.
4. Jonesco E. Rhinocéros. In: Théâtre français d'aujourd'hui, t.2. Moscou, 1969.
5. Aumé M. La tête des autres. Paris, 1963.
6. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога. - Известия Академии Наук СССР, 1982, т.41, № 4, с.305-313.
7. Simenon G. Il y a encore des noisetiers. Paris, 1969.
8. Fagnol M. Marius. Paris, 1960.
9. Ducrot O. Dire et ne pas dire. Paris, 1972.
10. Alain-Fournier H. Le Grand Meaulnes. Paris, 1966.
11. Mauriac Fr. Le noeud de vipères. Moscou, 1966.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ
ЭФФЕКТА НЕОБЫЧНОСТИ В КВАЗИ-ТЕРМИНАХ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

(на материале романа А. Азимова "Конец Вечности")

Одна из особенностей языка научной фантастики (далее НФ) – это огромное количество окказионализмов, в том числе таких, которые специфичны для этого жанра. Лексемы, представляющие предмет исследования данной работы, являются речевыми образованиями, а не единицами общенародного словаря. Это – имитации терминов или обычных слов, обозначающих вымышленные объекты воображаемого мира, создаваемого авторами научно-фантастических произведений. Такие образования названы в работе квази-терминами (от лат. *quasi* "почти", "как будто"). Число их в НФ весьма велико. Одни из них тесно связаны с контекстом, в рамках которого они созданы, другие находят широкое употребление во многих научно-фантастических произведениях.

Изучение квази-терминов представляет несомненный интерес, в частности потому что в них отражаются действующие в языке словообразовательные и семантические тенденции. Кроме того, среди них можно найти также инновации.

В структуре квази-терминов сталкиваются две тенденции: стремление к нововведениям и к использованию языковых традиций. Этот факт связан, прежде всего, с коммуникативной установкой текста: с одной стороны, читатель должен понять смысл вводимого квази-термина, хотя бы в общих чертах, с другой – квази-термину должно сопутствовать впечатление новизны, необычности. Противопоставление обычного/необычного вообще характерно для языкового общения. Оно стоит в ряду таких стилистических противопоставлений, как правильность/неправильность, допустимость/недопустимость, маркированность/немаркирован-

ность Г Г, с.270 Г. Все эти противопоставления, строго говоря, относятся к высказыванию, к слову в контексте. Однако структуру слова можно рассматривать как своего рода микроконтекст; это особенно относится к квази-терминам, где внутренняя форма ощущается очень явно.

Столкновение указанных выше тенденций проявляется в том, что значительная часть квази-терминов повторяет те или иные рамки для словотворчества, ограничивая использование языковых единиц и их сочетаний. В принципе каждое новообразование в структурном отношении должно обязательно в той или иной степени напоминать уже известные в языке словообразовательные типы и таким образом влияться в сетку синтагмопарадигматических отношений, облегчающих его понимание. С другой стороны, создание необычной, странной, непонятной обстановки, характерной для фантастического текста, побуждает автора-фантаста постоянно прорывать цепь ограничений, налагаемых на словотворчество, до конца использовать потенциальные возможности, заложенные в системе, и даже нарушать закрепившиеся в языке словообразовательные нормы. Нарушения могут идти как по линии семантической сочетаемости, так и в грамматическом плане (сочетаемость морфем, принадлежащих к тем или иным частям речи). Однако не всякое отступление от нормы следует считать неправильностью. Здесь возможно появление таких нарушений, которые могут получить индекс допустимости. Допустимость — это та неправильность употребления, которая оправдывается прагматической установкой, контекстом и самим функциональным стилем. В определенных типах текста и в определенных условиях нарушение нормы может быть признано вполне допустимым. Как указывает И.Р.Гальперин, вопрос о границах "правильности" решается и грамматикой текста Г Г, с.270 Г. То, что допустимо в одних текстах, является недопустимым в других. Научно-фантастический текст обладает высокой толерантностью к новообразованиям, допускает многие отклонения от языковой нормы.

Поставленная в статье задача - рассмотреть квази-термины романа А.Азимова "The End of Eternity" с точки зрения их соответствия/несоответствия словообразовательным моделям современного английского языка, выявить, в чем заключается необычность того или иного квази-термина - предусматривает анализ сочетаемости словообразовательных морфем языка. Исследуемый материал позволяет сделать вывод, что многие квази-термины созданы в результате нарушения внутренней валентности I 2, 3, 4 I. Внутренняя валентность слова может рассматриваться в двух планах: 1) как формально-морфологическая и 2) как семантическая. Формально-морфологическая валентность выражается в возможности соединения тех или иных аффиксов с основами определенной части речи (при аффиксации) или возможности соединения компонентов, принадлежащих определенному лексико-грамматическому классу (при словосложении). Что касается семантической валентности, то она отражает экстралингвистические факторы, поскольку здесь речь идет о лексических единицах - основах слов и словообразовательных морфемах, обладающих лексико-категориальным значением. Экстралингвистические условия, которые отражает семантическая валентность, в рамках научно-фантастического текста очень изменяются по сравнению с условиями реального мира. Эти изменения отражаются не только на общей денотации слов, но также и на их внутренней валентности: соединение компонентов, которое становится возможным в НФ, было бы недопустимым в общенародном языке (ОЯ), так как подобные образования отражают ситуации, непривычные для окружающей нас действительности. Так, квази-термины *Deciscentury*, *Gentiscentury*, *Kiloscentury* невозможны в ОЯ в силу логической и семантической несовместимости их компонентов: основы *deci-*, *centi-*, *kilo-* участвуют в образовании сложных слов для обозначения мер длины, веса, но не единиц времени. В романе же А.Азимова "The End of Eternity", описывающем путешествия в далекое будущее, они служат одним из

средств создания необычности обстановки, в которой живут герои этого фантастического произведения. Иногда нарушение семантических закономерностей приводит к созданию новой окказиональной (речевой) модели. Поясним данное положение на примере. Суффикс $-ed$, наиболее продуктивный из всех суффиксов прилагательных, сочетается с основами существительных, образуя структурную модель $R(n)+S^{-ed}=A$ (где $R(n)$) - производящая основа, S^{-ed} - суффикс). Как правило, этот суффикс не образует прилагательных от основ абстрактных существительных I 5, с.98 I. Но в романе А.Азимова "Конец Вечности" мы находим такие образования, как *Timed man*, *Timed woman*, *Timed people* ("временник" I 6, с.76 I, "временница", люди, живущие во Времени). Квази-термин *timed* создан в результате нарушения семантической валентности суффикса: вопреки правилам суффикс $-ed$ сочетается с абстрактным существительным *time* по модели $R(n)_{abs}+S^{-ed}=A$. Данная модель отличается от традиционной и по семантике суффикса. В современном английском языке суффикс $-ed$ выражает значение "имеющий то, что выражено словообразующей основой", например: *feathered* "имеющий перья, покрытый перьями", *fanged* "снабженный зубами, клыкастый". Иногда встречаются модели со значением "имеющий форму или вид того, что выражается словообразующей основой": *forked* "вилкообразный". Семантическая же структура модели $R(n)_{abs}+S^{-ed}=A$ имеет значение "time-bound, originated in".

Таким образом, здесь семантическая модель отлична от языковой, что дает нам основание говорить о создании новой окказиональной (речевой) модели.

Интересными с точки зрения словообразовательного статуса являются сложные квазитермины со вторым компонентом *when*: *aboutwhen*, *allwhen*, *anywhen*, *birthwhen*, *downwhen*, *everywhen*, *homewhen*, *localwhen*, *outwhen*, *upwhen*. Вообще говоря, сложные слова со вторым компонентом (наречием) в языке имеются, например: *whites-*

only (hotel), time-out , go-between .

Однако внутри разряда, к которому относится (вопросительные наречия или относительные местоимения), словообразовательные возможности ограничены. К этому разряду принадлежит, кроме *when* , также *where* , *how* , *why* . Они образуют сочетания *anywhere* , *somewhere* , *everywhere* , *nowhere* ; *anyhow* , *somehow* , *nohow* . Что касается *when* и *why* , то нормативно они сложных слов не образуют. Далее, первыми компонентами здесь могут быть только детерминативы *any* , *some* , *every* , *no* . Таким образом, модель для разряда в целом должна быть сужена: это $D_{det} + D_{i/r}$. Более того, даже и эта модель не распространяется на *when* .

Вышеприведенные речевые образования чрезвычайно своеобразны: они выходят за пределы обычных моделей и в грамматическом, и в семантическом планах, но вместе с тем не воспринимаются как нечто неестественное для языка, оставаясь в пределах допустимости. Следует отметить, что эти квази-термины находятся в центре смысловой ткани романа.

Первой своеобразной их чертой является сам факт словосложения со вторым компонентом *when* , что расширяет сферу действия модели. Далее, обращает на себя внимание выбор первого компонента, который не только расширяет модель, но в ряде случаев разрушает ее.

Изобразим подвиды рассматриваемой модели в виде таблицы (см. след. стр.).

Из таблицы видно, что первая группа сложений с *when* представляет собой пример расширения модели $D_{det} + D$, где в рамках традиционной модели композита необычен только второй компонент *when* , а первый является характерным для данной модели; это детерминативы *any* , *every* , *all* . Это еще не разрушение модели, хотя сочетаемость компонентов и расширена. Во всех остальных группах первый компонент выходит в сферу однозначных слов: *up* , *down* , *cut* , *about* - наречия места; *local* - прилагательное; *home* , *birth* - существительные. Это уже

Таблица

	наречия	I компонент	2 компонент	сложное слово
I	anywhen	D _{det}	D	D
	everywhen	D _{det}	D	D
	allwhen	D _{det}	D	+ Conv A
II	upwhen	D _{pl}	D	+ Conv N
	downwhen	D _{pl}	D	+ Conv N
	aboutwhen	D _{pl}	D	+ Conv N
	outwhen	D _{pl}	D	D
III	whomewhen	N	D	+ Conv N
	birthwhen	N	D	+ Conv N
IV	localwhen	A	D	+ Conv A

новые, не известные в языке модели $D_{pl} + D, A + D, N + D$.

Наконец, в моделях А.Азимова к словосочетанию присоединяется конверсия (из приведенной выше таблицы видно, что большинство рассматриваемых примеров образовано с помощью конверсии). Таким образом, модель оказывается комбинированной. Такую модель можно представить как $(M_1 + M_2) + Conv$ (где конверсия — как бы третья супра-сегментная морфема). Иногда конверсия предусмотрена самой моделью. В таких случаях конвертированные образования не несут в себе элемента необычности. Например, модель $N + A = A$ предусматривает конверсию и субстантивацию, и поэтому глагол *to soundproof* и существительное *workshy* являются нормативными (хотя существительное *workshy* и имеет переносное значение). Но есть модели, в которых конверсия заранее не предусмотрена и ее введение нарушает привычность, придает новизну этим моделям.

Так, в сложном слове *sea-green*, построенном по той же модели $N + A = A$ конверсия не предусмотрена, поэтому конвертированные образования этого слова будут восприниматься как новые. Может быть, в других сочетаниях мы и найдем эту модель с конверсией, но в данном лексико-грамматическом (или даже уже лексико-словообразовательном) разряде цвета конверсия нет. Не предусмотрена конверсия и во всех указанных выше моделях I 7, с.238 I. Место этих квази-терминов в системе частей речи, а также переход их из одной части речи в другую можно проиллюстрировать следующими примерами:

- (1) There was always that feeling of loss when one moved outwhen from home I 8, с.12 I.
(2) Smoking is approved of hardly anywhen in history I 8, с.29 I.

В приведенных примерах неконвертированные новообразования *outwhen* и *anywhen* являются своеобразными наречиями места/времени.

В тех случаях, когда квази-термины этой группы выступают как существительные, они могут употребляться с артиклем, притяжательным местоимением, иметь при себе пояснительное прилагательное, т.е. обладают всеми признаками существительного, например:

- (3) "You stopped the kettle at the 111,394th... Why the 121,394th, anyway? Was it your homewhen?" I 8, с.181 I;
(4) "It was not like his own austere and conformist homewhen" I 8, с.25 I.

Закрепляясь как существительные, квази-термины *upwhen* и *downwhen* в данном контексте образуют синонимические пары с существительными *future* и *past*:

- (5) "We investigated our future, our upwhen" (с.184);
(6) "We dealt with our past only, our downwhen" (с.184).

В лексико-семантическом плане все рассматриваемые квази-термины тоже своеобразны. Слово *when* в языке обладает экзодентрической семантикой: оно само по себе не

указывает на какой-либо момент или период времени, это указание должно содержаться в контексте (например, в ответе на вопрос, начинающийся с *when*). Между тем новообразования с *when* А.Азимова имеют эндоцентрическую семантику, указывая на определенное понятие из области темпоральных связей мира, изображенного в романе. Более того, их семантика совмещает значения двух "исходных" слов и включает в себя и локальные, и темпоральные признаки (подобно тому, как происходит при контаминации): *upwhen, downwhen, outwhen, aboutwhen* - расположение по вертикальной оси времени; *homewhen* - это и место, где находится родной дом, и время (столетие); *birthwhere* - и место рождения, и время рождения. Такие образования невозможны в ОЯ, но в рамках научно-фантастического текста они возможны и даже необходимы. Они представляют собой удачную авторскую находку А.Азимова как автора произведения о путешествии во времени: они просты по структуре и в то же время обладают большой семантической емкостью.

Таким образом, научно-фантастический текст допускает многие отклонения от словообразовательной нормы. Эти отклонения могут выражаться:

- 1) в изменении валентности компонентов лексем;
- 2) в создании новых вариантов существующих моделей и даже новых моделей слов.

Подобные отклонения оправдываются установкой научно-фантастического текста на необычность, которая определяется как сигнификативной новизной, так и стилистическим компонентом необычности, характерным для этого жанра.

Литература

1. Гальперин И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста. - В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 267 - 290.

2. Степанова М.Д. О "внешней" и "внутренней" валентности слова. - Иностранные языки в школе. М., 1976, № 3, с. 16-18.
3. Степанова И.Д. Аспекты синхронного словообразования. - Иностранные языки в школе. М., 1972, № 3, с.3-13.
4. Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ. М., 1973. - 110 с.
5. Карацук П.М. Словообразование английского языка. М.: Высшая школа. 1977. - 303 с.
6. Азимов А. Конец Вечности. - М.: Молодая гвардия. Библиотека современной фантастики в 15 т., т.9, 1966. - 255 с.
7. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. - 245 с.
8. Asimov I. The End of Eternity. London; A Panther Book, 1959. - 191 с.

СТАТУС ОБЩЕНАУЧНЫХ СЛОВ
В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Общенаучные слова (ОНС) представляют собой одну из важных лексических характеристик стиля научно-технической литературы. Они обладают целым рядом парадигматических и синтагматических особенностей, отличающих их от собственно терминов, что позволяет выделить их в особую, достаточно однородную группу.

Термины несут основную информацию о содержании текста и его принадлежности к определенной области науки или техники, в то время как ОНС пронизывают самые разные науки, отражая развитие научного знания в целом. Междисциплинарный характер этого слоя лексики и обозначение широких понятий общенаучного типа определяют основные черты семантики ОНС - абстрактность и многозначность¹.

ОНС обозначают различные категории понятий, относящиеся к разным понятийным областям; семантические структуры этих слов не обязательно содержат общие семантические компоненты. Тем не менее ОНС можно объединить в несколько тематических групп, связанных между собой ассоциативными связями (связями импликационалов) и образующих полевую структуру. Центральной является группа слов, обозначающих понятие "научное исследование". По периферии располагаются группы слов с общим значением "методы исследования", "познавательная деятельность", "научные публикации" и ряд других.

В данной работе рассматривается центральная группа ОНС с общим значением "научные исследования". В нее вошли слова *science, study, investigation, theory, problem, development, data, solution, research* и др.

¹ Особенности полисемии в настоящей статье не рассматриваются.

Эти слова образуют ЛСТ "knowledge" с общим семантическим компонентом идентифицирующего типа. Словарные толкования либо содержат компонент "knowledge", либо сводятся к нему путем нескольких последовательных преобразований I I, с.20 I.

Целью статьи является установление связи семантики ОНС с особенностями их функционирования в научно-техническом тексте определенной тематики. Эта цель обусловила проведение следующих этапов исследования: 1) определение специфики семантической структуры ОНС на основании словарных дефиниций; 2) установление типичных единиц контекста; 3) определение типа контекста и его информационной роли в общем содержании текста. Для решения поставленных задач определяющим фактором является семантический. Именно в семантике отражается связь и взаимообусловленность парадигматических и синтагматических свойств лексических единиц. При изучении семантического аспекта можно исходить из семантической структуры слов, из парадигматики, или из особенностей сочетаемости слов в синтагматике. В настоящей работе используется путь от парадигматики к синтагматике, то есть "система - текст".

Наиболее важным свойством семантики ОНС является абстрактность. Лексико-грамматический разряд абстрактных существительных включает разные типы лексики; это обозначение признаков, процессов, отношений и др. О принадлежности ОНС к разряду абстрактных свидетельствует модель словарной дефиниции, типичные суффиксы, в некоторых случаях неисчисляемость I I, с.170-181 I.

Вторым содержательным признаком, связанным с абстрактностью и подчиненным ей, является семантическая несамодостаточность ОНС. Это сближает ОНС со словами широкой семантики. Так, по словам theory, problem, research нельзя определить, к какой науке они относятся и о чем идет речь в статье. Этот слой лексики обозначает самые общие научные понятия, имеющие меж-

дисциплинарный характер (знание вообще). Широта обозначаемых понятий делает их мало содержательными. Основным типом словарного толкования является синонимический Г 2,3 I, например: *research* - "a thorough investigation"; *analysis* - "careful examination". Иногда имеет место перекрестное толкование, например: *knowledge* - "understanding"; *understanding* - "knowledge". При наличии развернутого толкования число семантических компонентов незначительно, например: *solution* - "an answer to a problem"; *science* - "knowledge arranged in an orderly manner". В некоторых случаях в толковании используются слова *matter*, *something*, что свидетельствует о широкозначности толкуемого слова, например: *problem* - "a matter which needs thinking about in order to find a solution".

Особенности семантической структуры ОНС (абстрактность, семантическая несамодостаточность) находят отражение в их типовых контекстах. В понятие контекста входит соединение минимум двух слов, связанных синтаксической связью и типичной лексической сочетаемостью. Для существительных наиболее общим случаем будет выбор в качестве единицы контекста подчинительного словосочетания с одно- или двухэлементным определением или находящейся с ним в трансформационных отношениях модели *N + of-phrase*. В отдельных случаях границы контекста расширяются до любого слова на синтагматической оси, которое уточняет, конкретизирует или толкует семантически реализуемое слово Г 4, с.125 I.

Из множества функций контекста - указательной, восстановительной, стилистической и пр. для целей настоящего исследования выбирается уточняющая или ограничительная. Исследование контекстуальных связей слов является необходимым элементом любого семантического анализа. Это особенно важно для абстрактных слов. "Абстрактная семантика номинативных единиц предполагает свою

обязательную конкретизацию в рамках коммуникативного целого" I 5, с.48 I.

Уточняющая функция контекста ОНС состоит в том, что в подчинительном словосочетании происходит ограничение и конкретизация их семантики. Наблюдения функционирования ОНС в тексте показали, что основными контекстными уточнителями служат отраслевые термины той науки или техники, к которой этот текст относится. Так, в текстах по электронике и физике твердого тела встречаются следующие модели лексической сочетаемости ОНС:

1. Бинарное подчинительное сочетание

collision theory	nonstationary problem
communication theory	transient phenomena
emission analysis	transport phenomena
network analysis	thermoelectric phenomena

2. Трехэлементное сочетание

free electron theory
moving boundary problem
steady-state analysis

3. N + of-phrase

electron theory of metals development of low-noise
understanding of the noise-rise as receivers

4. Уточнение может исходить от термина, не входящего в подчинительное словосочетание

"...aspects of the theory which are relevant for detection and mixing"

"...investment for basic research and for digital Josephson-effect devices"

"The theory then describes a microwave photon detector".

Последняя группа примеров служит иллюстрацией того, что в связном тексте семантическое согласование может иметь место и при отсутствии непосредственной синтаксической

связи между словами (theory... microwave photon detector). Это позволяет сделать вывод о том, что связь ОНС с общей тематикой текста осуществляется посредством отраслевых терминов.

Специальные термины несут основную информацию об отраслевой принадлежности и тематической структуре научно-технического текста. Для выявления соотносительной информационной роли терминов и ОНС была выбрана статья под названием Superconductive Devices for Millimeter Wave Detection, Mixing and Amplification Г 6, с.1909-1920 I. Текст представляет собой описание электронных приборов для определенных применений. Все слова заглавия являются терминами электроники и обозначают следующие понятия:

- 1) тип прибора - superconductive device;
- 2) виды применений - detection, mixing, amplification;
- 3) диапазон длин волн - millimeter wave.

Основная проблематика статьи раскрывается в abstract. Это сущность явления сверхпроводимости: quasi-particle tunneling ; теории, используемые для объяснения этого явления: classical theory, quantum theory; типы переходов: superconductor-insulator-superconductor junctions, quasi-particle tunnel junction ; сравнение с другим типом приборов:

Josephson-effect devices , Schottky-barrier diode mixers.

Анализ лексики текста показал, что слова заглавия и аннотации повторяются в сочетании с ОНС, образуя их лексический контекст. Например, development of quasi-particle devices, photon-assisted tunneling theory, mixer output data, classical analysis of detectors and mixers, unified description of both types of amplifiers, discussion of Josephson-effect mixers.

Эти наблюдения подтверждают данные В.И. Агамджановой о том, что для стиля научной прозы характерно заглавие информативного типа, которое служит первым предъявлением темы и проблематики публикации. Информативное заглавие,

определяя смысловые границы текста, задает также и выбор лексических средств выражения I 7, с.45 I. Контекст, повторяя и варьируя лексическое обозначение темы, превращает отдельные высказывания в связный текст.

Таким образом, коммуникативный процесс обеспечивается связями информативного заглавия с тематической структурой текста, основанной на семантическом повторе лексических обозначений темы, и с лексическим контекстом ОНС I 8, с.20 I. Необходимо подчеркнуть, что повторяющимися лексическими единицами заглавия, темы текста и контекста общенаучных слов являются отраслевые термины.

Анализ синтагматических связей ОНС подтвердил основные особенности их семантики - абстрактность и семантическую несамодостаточность.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследований. - Л.: Просвещение, 1966. - 192 с.
2. Hornby A.S., Catenby M.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. - London: Oxford Univ. Press, 1958. - 1528 p.
3. Laird Ch. Webster's New World Thesaurus. - USA: New American Library, 1975. - 678 p.
4. Нехтман Н.А. О границах контекста. - В кн.: Интерпретация художественного текста в языковом вузе. Л., 1981.
5. Колманский Г.В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. - 148 с.
6. Из журнала IEEE on Electron Devices, vol.27, No10, 1980.
7. Агамджанова В.И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова. - Рига: Зинатне, 1977. - 121 с.
8. Агамджанова В.И. Семантическая итеративность в контексте. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. - Л.: 1982. - 41 с.

ГЛАГОЛ *croire* КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ЦЕНТР ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В рамках коммуникативного подхода к языку считается, что функции любой лингвистической единицы наиболее полно могут быть описаны лишь по отношению к тексту. Именно в тексте наиболее ярко проявляются основные особенности глагола, который, с одной стороны, является номинативной единицей, а с другой стороны, служит установлению предикативной связи в сообщении, формируя вместе с подлежащим структурный каркас предложения.

В лингвистике уже давно укоренилось представление о личной форме глагола как об организаторе не только синтаксической, но и семантической структуры предложения [1, 2].

Глагол *croire*, принадлежащий к семантической группе глаголов мышления /ср., например, с русским "верить", который в классификационной системе Л.М.Васильева занимает место среди глаголов со значением результата мыслительной деятельности [3, с. 161, 167, 175], представляет особый интерес в связи с разработкой теории пропозиции и глаголов пропозиционального отношения [2, с. 56-70].

Глаголы мнения /как и другие средства выражения оценки, например, прилагательные [4, с. 20-21] отражают прагматический аспект высказывания – отношение говорящего к предмету или целой ситуации, являясь одним из способов эксплицитного выражения модуса. При этом проблемы выражения мнения суждения, экспрессии и т.п. тесно связаны с проблемами квалификации и собственно оценок разных типов [4, с. 21].

Семантика глаголов мыслительной деятельности всегда направлена на определенный объект, являющийся своего рода поводом для осуществления мыслительного акта. Как правило, такие глаголы требуют эксплицитного выражения обязательно для них объективной семы [3, с. 175]. Причем, выделяемые

обычно подклассы глаголов интеллектуальной деятельности не имеют четких границ, что проявляется в способности каждого отдельного глагола при наличии основного, ядерного значения получать значения соседних подклассов, входить в состав разнообразных синтаксических структур.

Анализ участия многозначного глагола *croire* в формировании французских предложений показывает, в частности, многообразие синтаксических моделей, образуемых на его основе. В нашем материале¹ таких моделей отмечено, по крайней мере, 5:

1. простое предложение с простым глагольным сказуемым:	a) Je <u>crois</u> cet homme.
	b) Il <u>croit</u> à la médecine.
	c) Il <u>croit</u> . Il ne <u>croit</u> plus.
2. простое предложение со сложным глагольным сказуемым:	Il <u>croit partir</u> ce soir.
3. простое предложение со сложным глагольным сказуемым:	a) Il <u>croit être</u> heureux.
	b) Il <u>croyait naturel</u> de le dire.
4. сложно-подчиненное предложение с придаточным дополнительным:	c) Il la <u>croyait belle</u> .
	a) Je <u>crois</u> qu'il est sorti.
	b) Je <u>crois</u> ce que vous dites.
5. простое предложение с вводным компонентом:	Elle est belle, je <u>crois</u> .
	<u>A ce que je crois</u> , elle est belle.

В настоящей статье под термином "простое предложение", с точки зрения грамматической, понимается предложение, содержащее один глагол в личной форме; "сложное предложение" - содержит минимум два глагола в личной форме, связанных между собой отношением подчинения. С точки зрения семантической структуры, простым предложением называется единица, содержащая одну пропозицию, сложным - единица, состоящая из двух и более пропозиций.

Сопоставление синтаксической структуры выделенных моделей предложений и их смыслового содержания убеждает в том,

¹ В статье анализируются примеры из 4-х романов современных французских писателей /А.Салюз, А.Маугойс, Ж.Дуамель, М.Ау-рель/. Учтены также данные по глаголу *croire* из словаря П.Робера [5].

что не существует прямого соответствия между синтаксическим оформлением предложения и его семантикой. Так, грамматически простое предложение "может содержать более одной семантической пропозиции" [6, с. 183], оставаясь по форме простым. Например, семантическая структура простого предложения Il croit partir ce soir содержит две связанные между собой пропозиции: /субъект + процесс восприятия/ α /субъект + действие/^I. Это предложение можно эксплицировать следующим образом:

Il croit qu'il partira ce soir

С другой стороны, семантика грамматически сложного предложения может оказаться простой. Как справедливо отмечает О.И.Москальская, "структура сложного предложения эксплицирует многие виды логической связи, заложенные также в простом предложении, вследствие чего простое и сложное предложения могут иметь одинаковую семантическую репрезентацию" [8, с. 28]. Например, семантическая структура сложно-подчиненного предложения Je crois ce que vous dites может быть сведена к одной пропозиции: /субъект + действие + объект/ и интерпретироваться следующим образом: Je crois ce que vous dites → Je crois vos paroles → Je vous crois.

Выделенные синтаксические модели предложений с глаголом croire по-разному функционируют в речи: одни из них употребляются чаще, другие – реже; некоторые вступают в синонимические отношения друг с другом.

Самой распространенной моделью, в состав которой входит глагол croire является 4а, за ней следуют модели 3 и 2. Реже употребляются модели 1 а, в, с и 5.

Модель 1а, в, с характеризуется простотой структуры как на грамматическом, так и на семантическом уровнях, что позволяет говорить в этом случае о соответствии плана выражения плану содержания. Глагол croire, являясь полнозначной лексической единицей, формирует элементарную синтаксическую модель простого предложения S + P + (C). В составе этой модели он реализует 3 своих значения: верить кому-либо, чему-

^I Знак α – показатель связи /зависимости/ в сложном комплексе. См.: [7, с. 11].

то; верить во что-то и верить /быть верующим/.

Симметричны также отношения между грамматической и семантической структурами в модели 4а, которая на уровне реализации представлена двумя предложениями /главным и придаточным/, а на семантическом уровне состоит из двух пропозиций, связанных между собой определенным отношением зависимости.

Выполняя здесь функцию сказуемого главного предложения, croire вводит еще одну пропозицию и выступает тем самым как организующий центр сложно-подчиненного предложения $S_{T1}+P_{T1}+conj.+S_{T2}+P_{T2}$. В данной модели реализуется почти весь спектр его значений: /верить, надеяться, думать, полагать, считать, казаться/, хотя вся модель предназначена для передачи типового содержания: "предмет и его признак /свойство, действие/ через призму воспринимающего лица". При этом в синтаксической структуре предложения всегда содержатся компоненты, содействующие реализации каждого данного значения. Так, значения "верить чему-то", "надеяться на что-то" связаны с употреблением глагола croire в позиции после модального глагола pouvoir в личной форме. Это так называемая "сильная" позиция глагола в составе сложного глагольного сказуемого, где форма инфинитива сигнализирует о полнозначности глагола, а личная форма используется глаголом модальным /полузнаменательным/. Таким образом, сама синтаксическая позиция глагола способствует реализации лексического значения. Например: Je ne pouvais croire que Dulcinée fut laide et j'avais arraché de mon livre la gravure qui la représentait, afin de pouvoir l'imaginer telle que je la souhaitais /Maurois/ - я не мог поверить, что ...

Для реализации значения "думать" оказываются важными некоторые категориальные признаки глагола, например, 2-е лицо, временная форма /passé composé, plus-que-parfait, passé simple/, наклонение /императив/. Например:

Vous croyez vraiment que cela est sage? /Maurois/.

Вы, действительно, думаете, что ...

Un Marocain qui vendait des tapis et des colliers de verre crut qu'elle lui souriait /Maurois/.

Марокканец... подумал, что... /врем.форма - passé simple/.

On surtout ne va pas croire que nous faisons rien de mal.
O! Только не думай, что... /наклонение - императив/.

Труднее дифференцируются значения croire в I-м лице настоящего времени, хотя и здесь, вероятно, возможно обнаружить какие-то указатели на реализацию того или иного значения. Ср., например: I. Mais je crois maintenant que c'était une impression fautive /Самюс/.

Но теперь я думаю /мне кажется/, что...

2. Je crois que j'ai sommeil un peu /Самюс/.

Я думаю /мне кажется/, что...

3. Je crois que j'ai tiré le meilleur parti de cette idée /Самюс/. Я считаю /мне кажется/...

В асимметричных моделях croire выступает с меньшим числом значений. Здесь не встречаются значения "верить чему-то", "надеяться на что-то". Croire реализует значения глагола мнения с разной степенью уверенности субъекта в сообщаемом факте /думать, считать, а чаще - казаться/. При этом обнаруживается характерная особенность его притягивать к себе один, а чаще - два глагола в неопределенной форме. Причем, чем большим числом инфинитивов он "управляет", тем более "грамматичным" становится сам, все явственнее приобретая модальное значение неуверенности [3, с. 177]. Ср. следующие примеры:

модель 2:

...dès que je l'eus quitté, je crus pénétrer dans un tunnel indéfini... /Лауроис/.

...как только я расстался с ним, я подумал /мне показалось/, что...

...et, dans son impatience de l'emporter il crut pouvoir insister.../М.Ауме/.

...ему показалось, что он может настаивать...

Il crut pouvoir introduire dans le tumulte le nom du général Boulanger /М.Ауме/.

Ему показалось возможным...

модель 3:

a/ pourtant l'oncle n'avait pas cru être grossier.../М.Ауме/.

Однако дядя не считал, что был груб /ему не показалось/...

в/ Elle crut habile de flatter quelque chose. /М.Аумэ/.

Ей показалось уместным... /она посчитала/...

с/ Vous croyez tout le monde amoureux de moi /Maurois/.

Вам кажется, все влюблены в меня.

Модель 4в / приводится по данным словаря/ может рассматриваться как вариант модели 1а, поскольку обе они объединены общим типовым значением "предмет и его действие, ориентированное на объект". В модели 4в croire полнозначен и синтаксически самостоятелен.

Несомненный интерес представляет функционирование глагола croire в обособленной позиции /модель 5/. В роли обособленного /вводного/ компонента простого предложения croire встречается в основном в трех формах: je crois, à ce que je crois, à l'en croire.

Например: Nous avons attendu très longtemps, près de trois quarts d'heure, je crois. /Самус/.

J'avais tort, je crois, de penser à cette possibilité. /Самус/. À l'en croire, Honoré, n'avait pas de meilleur passe-temps que de courir les femmes /М.Аумэ/.

À ce que je crois: à mon avis. /Дикционаire/.

В каждом из отмеченных примеров глагол croire /в личной и неличной формах/ используется для введения второго субъектного плана в структуру простого предложения. Как отмечают некоторые исследователи, французское высказывание вообще характеризуется более частным указанием на воспринимающее лицо, чем, например, русское высказывание [9, с. 233]. В результате простая синтаксическая структура получает возможность передавать сложное содержание: отношение между двумя пропозициями /субъект + процесс восприятия/ и /субъект + признак /действие, свойство//. На этом основании модель 5 может быть отнесена в синонимический ряд вариативных моделей инварианта 4а.

Наличие у ряда разноформленных синтаксических моделей /2, 3а, в, с, 4а, 5 / общего типового значения позволяет считать этот ряд синонимическим [10, с. 25, 135-136]. Типовое значение "предмет и его признак /свойство, действие/ через призму воспринимающего лица "предполагает наличие

следующих компонентов в семантической структуре предложения: /воспринимающее лицо, процесс восприятия/, предмет, его признак /действие, свойство/ и отношение, связывающее эти пропозиции. Для выражения отношения между двумя и более пропозициями /каждая из которых отражает определенную ситуацию/ существует, по мнению ряда исследователей, специальная синтаксическая форма - сложное предложение¹. Именно поэтому за исходную модель /инвариант/ данного синонимического ряда следует принять модель сложно-подчиненного предложения/4а/. В этом смысле определение основной, исходной модели, предлагаемое Г.А.Золотовой /ср.: "Основная, исходная модель выражает типовое значение минимальными языковыми средствами при совпадении смысловых и грамматических центров"/ Г 10, с.232-233 I, представляется приемлемым только по отношению к синтаксическим моделям, описывающим одну ситуацию, т.е. к моделям простого предложения /например: Я грущу - основная модель, Я нахожусь в состоянии грусти - вариантная модель/. Однако в случае описания отношения между двумя ситуациями, наоборот, основная модель будет представлена большим количеством языковых элементов, а вариативная - меньшим. Например: Я нахожу, что он умен - основная модель - 5 элементов и Я нахожу его умным - вариативная модель - 4 элемента. Во французском языке этот факт еще более очевиден. Так, общетипологической чертой для многих романских языков считается возможность конденсации сложных смысловых отношений в структуре простых синтаксических образований, включающих инфинитивные, причастные, герундиальные обороты и т.п. I 6, с.207 I. Ср., например, во французском языке:

Je crois que je peux vous répondre - основная модель - 7 элементов и Je crois pouvoir vous répondre - вариативная модель - 5 элементов.

I "Сложное предложение - это такая синтаксическая форма, которая позволяет сформировать и высказать представление об отношениях между двумя /"и более"/ ситуациями" I 7, с.17 I.

Таким образом, анализ материала показывает, что глагол *croire* используется в основном как одно из средств введения в высказывание воспринимающего лица /модели 2, 3 а, в, с, 4а, 5 покрывает основное количество употреблений *croire* - 170 из 190/. *Croire* реализует различные значения глагола мыслительной деятельности, позволяющие передать не только само отношение лица к сообщаемому факту, но и определенную степень его уверенности в сообщаемом /ср.: верить - быть уверенным и казаться - сомневаться - не быть уверенным/. В качестве глагола мнения *croire* выступает преимущественно организующим началом ряда синонимических конструкций /простых и сложных в синтаксическом отношении/, объединенных общим типовым значением "предмет и его признак /действие, свойство/ через призму воспринимающего лица".

Обладая общим типовым значением, каждая синтаксическая модель вместе с тем имеет свои структурно-семантические особенности, которые обуславливают ее функционирование в тексте.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. и др. Аспекты семантических исследований. - М.: Наука, 1980. - 356 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: Наука, 1976. - 383 с.
3. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. - В кн.: Очерки по семантике русского глагола. - Уфа, Башк. гос. ун-т, 1971, с. 38-310.
4. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. - М.: Наука, 1978. - 200 с.
5. Robert P. Dictionnaire alphanétique et analogique de la langue française. Paris, 1976. T. I.
6. Супрун А.В. Простое предложение. - В кн.: Грамматика и семантика романских языков /к проблеме универсалий/. - М.: Наука, 1978, с. 180 - 226.
7. Черемисина М.И. Моноsubjектная конструкция. Понятия и типология. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база /на материале сибирских и европей-

- ских языков/. -Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1980, с. 6 - 33.
8. Москальская О.И. О предмете синтаксической семантики. - В кн.: Проблемы синтаксической семантики. -М., 1975, с. 28 - 39.
9. Гак. В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. - М.: Русский язык, 1975. - 278 с..
10. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. -М.: Наука, 1973. - 351 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Агамджанова В.И. Процедура заполнения пропусков в тексте как способ реализации восстановительной функции контекста.	3
Байкова З.М. Способы выражения модальности со значением уверенности /подтверждения/ в современном английском языке.	10
Боголюбова Л.И. О диалектике объективного и субъективного факторов в категории сравнения.	20
Бригзна И.Я. Семантическая и словообразовательная характеристика внутренних синтагм /на материале русско-нижненемецкого разговорника Т.Фенне 1607 г./	25
Возняк Л.А. Определительные смысловые связи в речевом высказывании на немецком языке.	32
Гусева Т.А. Ассоциативные связи в просторечной суффиксальной номинации.	38
Гюббенет И.В. Диалектика вертикального контекста и фонового знания /на материале словаря цитат/	44
Данченко Н.Н. Лексикализация некоторых глагольных форм в современном английском языке.	57
Краше С.Г. Семантические отношения антеседента и консеквента в текстовой импликации.	63
Кутасина Е.С. К вопросу о семантике словосочетаний типа "Ein Liter Milch"	71
Кульбацкая В.Е. Стилеразличительные функции причастий современного немецкого языка.	80
Лапина М.Н. Ономазиологический анализ приема "омещение" в английском языке /на материале просторечных имен лица/	89
Лиела Е.Р. Синтаксически-семантическая обусловленность вариативности порядка слов в стихотворной речи /на материале английского, латышского и русского языков/	97
Лихтерова Б.Л., Бушмане М.А. Семантико-синтаксическая характеристика одностоятельных придаточных единиц.	101
Начиоционе А.С. Роль фразеологических единиц в структуре стиха /на материале английского языка/	106

Никишин В.П. Соотношение авторского права и стиля печатной словесности в США /XVIII-XXав./	113
Озолинь О.Л. Лексикализация структур "предлог + существительное" вещественного признака в старофранцузском языке.	122
Пелевина Н.Ф., Фамина Н.В. Контекстовые указатели аппроксимации числовых значений.	131
Раевская Е.В. Взаимосвязь семантики и синтагматики в слове.	139
Сабанеева М.К. Прагматические аспекты функционирования кондиционала в современном французском языке. . .	145
Соскина С.Н. Лексико-грамматические способы создания эффекта необычности в квази-терминах научной фантастики /на материале романа А.Азимова "Конец Вечности"/.	150
Чупилина Е.И. Статус общенаучных слов в научно-техническом тексте.	159
Шапкова С.А. Глагол "croire" как организующий центр предложения.	165

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СИМТАГМАТИКЕ

Сборник научных трудов

- Рецензенты: Р.О.Исхакова, зав. каф. французского языка
Курского государственного ин-
ститута, канд. филол. наук;
Е.И.Гомберг, доцент каф. иностранных язы-
ков Латвийского государствен-
ного университета им. П.Стучки
канд. филол. наук;
Н.Т.Головкина, зав. каф. иностранных языков
Рижского высшего военно-по-
литического Краснознаменного
училища им. Маршала Советско-
го Союза С.С.Бирюзова

Редакторы: Е.Айзбалт, Р.Павлова
Технический редактор А.Яковича
Корректор И.Фридберга

Подписано к печати 07.05.84. — ЛТ09146. Ф/б 30x84/16.
Бумага № 1. II, 3 физ.печ.л. 10,5 усл.печ.л. 8,2 уч.-изд.л.
Тираж 400 экз. Зак. № 836. Цена 1 р.20 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 226098, б. Райниса, 19
Отпечатано в типографии, Рига 226050, ул.Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

04

1p. 20 к.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509004712